
У НАС В ДОМЕ ВСЕ ПРИЛИЧНЫЕ
Детектив
14
15
Кузнецова Анастасия

Анастасия Кузнецова

У нас в доме все приличные

https://litres.ru/74726909
SelfPub; 2026

Аннотация

После развода 38-летняя редактор переезжает в дом, где соседи знают друг о друге почти всё. Накануне собрания жильцов исчезает председатель совета дома, а в почтовых ящиках появляются письма с чужими секретами. Подозрение падает на пожилую соседку — единственного человека, который помог героине после переезда. Чтобы защитить её, героиня начинает расследование.

Содержание

Глава 1. Полки вынимаются 4
Глава 2. Чат 12
Глава 3. Без единой ошибки 24
Глава 4. Субботник 37
Глава 5. Варенье и кроссворд 49
Глава 6. Не только про лифты 60
Глава 7. Шесть конвертов 71
Глава 8. Собрание, которого не было 84
Глава 9. Заявление 97
Глава 10. Про меня тоже 112
Глава 11. Кавычки 128
Глава 12. Брат из Казани 142
Глава 13. Шкатулка 155
Глава 14. У подъезда 169
Глава 15. Я была уверена 183
Глава 16. Папка 196
Глава 17. Копии 210
Конец ознакомительного фрагмента. 214

Анастасия Кузнецова
У нас в доме все приличные

Глава 1. Полки вынимаются

Стеллаж застрял между дверями лифта в двадцать минут седьмого, и к семи я окончательно поняла, что сама его не вытащу.

Грузчики уехали в половине шестого. Их было двое, оба звали меня «хозяйка», и, когда последняя коробка встала в коридоре, старший сказал: «Ну всё, хозяйка, живите», — и это прозвучало как напутствие от человека, который не очень верит в мои силы. Я с ним расплатилась, добавила сверху и проводила до машины. Потом поднялась, посмотрела на коробки и решила, что перетащу стеллаж сама. Он стоял не там. Он стоял в коридоре поперёк, загораживая проход в кухню, и в этом было что-то невыносимое: я приехала сюда начинать жизнь, а не протискиваться боком.

Стеллаж я забрала при разделе. Вообще-то мы не делили — мы вежливо раздавали друг другу вещи, как будто после утомительного праздника. Кирилл сказал: «Бери что хочешь, мне не принципиально», — и это было правдой, ему

действительно было не принципиально, и именно поэтому я взяла стеллаж. Он дубовый, тяжёлый, его собирал Кириллов отец, и я одиннадцать лет вытирала с него пыль.

До лифта он доехал нормально. В лифте выяснилось, что по диагонали он тоже входит, но только весь, целиком, а я почему-то решила занести его углом вперёд. Двери поползли, упёрлись, отъехали, поползли снова. Лифт задумался и пискнул. Я толкнула. Стеллаж не шелохнулся — он сидел в проёме плотно, как пробка, и я вдруг увидела себя со стороны: тридцативосьмилетняя женщина в мокрой футболке, на шестом этаже чужого дома, борется с мебелью, которая ей даже не нужна.

Я села на ступеньку и заплакала. Не красиво, а зло, с подвыванием, и ненавидела себя за это секунд сорок.

Дверь квартиры напротив открылась.

На пороге стояла пожилая женщина в синем халате поверх платья и в очках, сдвинутых на лоб. Невысокая, прямая, с короткой седой стрижкой. Она посмотрела на лифт, на стеллаж, потом на меня — ровно в таком порядке, и я успела подумать: сейчас спросит, почему я реву.

— Полки вынимаются, — сказала она.

Я вытерла лицо ладонью.

— Что?

— Полки. Вынимаются. — Она подошла, постучала костяшкой по боковине. — Там штифты. Четыре штифта на полку. Вынимаете полки, он становится вдвое легче и на де-

сять сантиметров уже. Вы же их не прибивали?

— Не прибивала.

— Ну вот и славно.

Она вернулась к себе и вышла с кухонным полотенцем, которое протянула мне не глядя, как протягивают вещь, о которой не собираются разговаривать. Полотенце пахло стиральным порошком и ещё чем-то домашним, кухонным. Я вытерла лицо.

— Спасибо. Я сейчас.

— Да не спешите. Лифт уже всё равно стоит, хуже не будет. — Она подняла голову к потолку кабины, где мигала лампочка. — В третьем подъезде он месяц стоял, и ничего. Все похудели.

Полки действительно вынимались. Я выдёргивала их по одной, передавала ей, она ставила их к стене аккуратной стопкой, ребром, и каждую поворачивала лицевой стороной внутрь, чтобы не поцарапать. На четвёртой она спросила:

— Хороший дуб. Шестидесятые?

— Нет. Свёкор делал. Бывший свёкор.

Я услышала, как сказала «бывший свёкор», и мне стало неловко: будто я с порога вывалила на незнакомого человека свою анкету. Она никак не отреагировала. Взяла пятую полку.

— Теперь толкайте от себя. Не дёргайте, а ведите.

Я повела. Стеллаж сдвинулся сразу, почти легко, и с шорохом выехал на площадку. Двери лифта облегчённо со-

шлись, кабина вздохнула и уехала вниз — кому-то, видимо, сильно надоело ждать.

— Вот, — сказала она. — А вы плакали.

— Я не плакала.

— Конечно. — Она подобрала с пола штифт и положила мне в ладонь. — Вера Антоновна. Пятьдесят седьмая.

— Нина. Шестидесятая.

— Знаю. Про вас уже написали.

— Где написали?

Она посмотрела на меня поверх очков, которые так и не опустила на нос.

— В чате. Что в шестидесятую въезжает женщина одна, с собакой.

— У меня нет собаки.

— Вот и я говорю: у неё нет собаки. — Вера Антоновна взяла верхнюю полку и, не оборачиваясь, пошла к моей двери. — Открывайте, Нина. Понесли, пока вас не женили.

Мы перетаскали полки в четыре приёма. Стеллаж она велела вести боком и в дверь квартиры заводить «задом, задом, не геройствуйте», и в прихожей он встал к стене так ровно, будто всегда там стоял.

Пока я придерживала, она успела оглядеть квартиру. Не рылась, не трогала — просто посмотрела в кухню, на балкон, на ванную с открытой дверью, и этот осмотр был быстрый и профессиональный, как у человека, который по одной комнате понимает про жильё больше, чем агент за час.

— Стояки меняли в двадцать первом, — сказала она. — Если кран в ванной подтекает, это не стояк, это у вас прокладка. Скажете — я вам дам телефон Азамата, он сделает за пятьсот. Сантехник из управляющей за то же возьмёт три и приедет в четверг через две недели.

— Спасибо. Чаю хотите?

— У вас чашки не распакованы.

— У меня есть одна. Я из неё пила, пока грузчики носили.

— Одна, — повторила она. — Из одной чашки пить вдвоём неудобно.

И ушла.

Я осталась стоять в прихожей с полотенцем в руках и думала, обидела я её или нет. Перебрала разговор заново — так я делаю всегда, это уже не работа, это характер, — и не нашла, где именно могла. Потом решила, что она просто устала таскать чужую мебель, и это было, пожалуй, единственное здравое объяснение из всех, что я придумала за тот вечер.

Я собрала стеллаж обратно. Это оказалось единственным делом, которое у меня в тот день получилось целиком: четыре штифта на полку, полка входит с тихим стуком, и вот уже есть куда ставить книги. Книги я распаковала первыми. Не потому, что они были нужны — ничего мне в тот вечер не было нужно, кроме душа, — а потому, что только с ними я точно знала, что делать. Вертикально, по авторам, справочники внизу, словари на уровне глаз. Через сорок минут в пустой квартире с голыми окнами стояла одна совершенно об-

житая стена.

В половине десятого позвонили в дверь.

Вера Антоновна держала тарелку, накрытую второй тарелкой.

— Котлеты, — сказала она. — С гречкой. В первый день никто не готовит, а в кафе вы не пойдёте, потому что устали.

— Вера Антоновна, ну зачем...

— Затем. — Она сунула мне тарелку так, что пришлось взять. — Посуду вернёте, когда отмоете. Не завтра, я не умру. И повесьте уже что-нибудь на окна, у вас весь дом как на ладони, а дом тут любопытный.

— Спасибо вам. Правда.

Она чуть поморщилась — то ли от «правда», то ли от того, как я это сказала, — и пошла к себе.

— Полки, — сказала она уже из своей двери, — всегда вынимаются. Люди об этом почему-то не думают.

Котлеты были горячие.

Ближе к одиннадцати я спустилась вниз с охапкой упаковочной бумаги. Лифт работал, кабина пахла строительной пылью и чьими-то духами, и на стене, под оргстеклом, висел распечатанный график вывоза мусора с криво подклеенным уголком.

В холле первого этажа горела одна лампа из двух. Слева стояла почтовая ниша: три секции по двенадцать ящиков, старые, крашенные серой краской поверх прежней зелёной, затянутые общей железной рамой с замком. Из большинства

щелей торчали рекламные листовки. У одного ящика, ближе к краю, дверца была сорвана и примотана проволокой — аккуратно, в несколько витков, видно, что давно и навсегда.

Рядом, на доске объявлений, среди бумажек про курсы английского и выкуп авто, висел лист, написанный от руки печатными буквами. Крупно, синей пастой, с нажимом.

УВАЖАЕМЫЕ СОБСТВЕННИКИ! 18 ОКТЯБРЯ (СУББОТА) В 12:00 ВО ДВОРЕ СОСТОИТСЯ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ СОБСТВЕННИКОВ. ЯВКА КАЖДОГО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ. ПОВЕСТКА БУДЕТ ДОВЕДЕНА ДОПОЛНИТЕЛЬНО. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ДОМА ГРЕЧКО П.С.

Слова **«ЯВКА КАЖДОГО»** были подчёркнуты двумя чертами, одна чуть длиннее другой.

Я постояла перед этим листом дольше, чем он того заслуживал. У меня профессиональная болезнь: я не могу читать текст, не слыша человека за ним. Тут слышался немолодой мужчина, который пишет от руки, потому что так надёжнее, и подчёркивает дважды, потому что один раз, по его опыту, не действует.

Мусорные баки стояли за углом, под фонарём. Во дворе было тихо, пахло мокрым асфальтом и чуть-чуть — осенними листьями, которые кто-то уже успел сгрести в кучу у детской площадки. У шлагбаума стояла машина с включёнными габаритами, и водитель разговаривал по телефону, облокотившись на крышу. Он посмотрел на меня без всякого ин-

тереса — так смотрят на своих.

Я вернулась, заперла дверь на два оборота и легла на матрас в комнате с голыми окнами.

Дом укладывался спать вокруг меня. Наверху кто-то прошёл в тапках по всей длине квартиры и обратно. Внизу работал телевизор, слов было не разобрать, только интонация — кто-то кому-то что-то доказывал в ток-шоу. В стояке зашумела вода и стихла. Лифт поднялся, остановился этажом выше, уехал.

Я лежала и думала, что это чужие звуки и что они довольно быстро станут моими, и что завтра надо купить занавески, зарядное для дрели и вторую чашку.

Вторая чашка в этом списке была лишней. Я это понимала и всё равно её туда внесла.

Глава 2. Чат

Утром меня разбудил свет.

Не солнце — просто свет, ровный и белый, который в квартире без занавесок начинается часов с семи и заполняет всё до последнего угла. Я лежала на матрасе посреди комнаты, смотрела в потолок и считала, сколько дел нужно сделать до вечера. Насчитала одиннадцать, поняла, что не сделаю и четырёх, и вычеркнула семь прямо в голове — приём, которому меня когда-то научила работа: не редактируй абзац, пока не решил, нужен ли он вообще.

В половине восьмого позвонил Лев Борисович.

— Нина Андреевна, доброе утро, вы спите?

— Уже нет.

— Прекрасно. У меня вопрос по сто четырнадцатой странице. Вы поставили там точку с запятой.

— Поставила.

— Зачем?

Я села на матрасе и подтянула к себе плед. В трубке было слышно, как он шуршит бумагой: он работал только с распечатками, и каждая наша правка существовала у него в бумажном виде, с его пометками на полях.

— Лев Борисович, там два смысловых куска в одном предложении. Точка их разрывает, запятая склеивает. Точка с запятой — ровно то, что нужно.

— Это манерно.

— Это грамотно.

— Нина Андреевна. — Он выдержал паузу, которую, я уверена, отрабатывал на студентах лет тридцать. — Я сорок лет писал истории болезни. В истории болезни нет точки с запятой.

— В истории болезни нет и слова «ошеломляюще», а на сто двенадцатой странице оно у вас есть.

Он помолчал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Точку с запятой оставляем. «Ошеломляюще» я вычеркну сам, не надо мне напоминать дважды. Вы переехали?

— Вчера.

— И как?

Я посмотрела на коробки, на голые окна, на единственную обжитую стену с книгами.

— Нормально.

— Нормально, — повторил он с интонацией человека, который слышал это слово от пациентов примерно двести тысяч раз. — Ну-ну. Жду правку в среду.

После его звонков у меня обычно поднималось настроение, и в то утро тоже поднялось. Я сварила кофе в турке, которую нашла в коробке с надписью «кухня, важное», выпила его из единственной чашки, стоя у окна, и посмотрела наконец на двор при дневном свете.

Двор был хороший. Длинный, вытянутый, с рядом топо-

лей вдоль забора, детской площадкой посередине и парковкой, размеченной белой краской по асфальту. Три подъезда с козырьками, у второго — пандус. За площадкой — турники и выгоревший жёлтый домик, из которого торчал чей-то ребёнок. Машины стояли плотно, но ровно, и только один чёрный внедорожник встал поперёк двух мест, перегородив часть проезда.

Я ещё не знала, что он там стоит уже третье утро и что это обстоятельство в ближайшие сутки займёт в жизни дома больше места, чем всё остальное.

К обеду я съездила в гипермаркет, купила занавески не того размера, дюбели, вторую чашку, сковородку и зачем-то кашпо.

Вернулась с четырьмя пакетами, поставила их на пол в холле и остановилась отдышаться — и от нечего делать стала читать то, что висело на стене у ниши с почтовыми ящиками.

Там висело три бумажки.

Первая — реклама вскрытия замков, цветная, типографская, с отрывными язычками, половины которых уже не было. Вторая — распечатка от управляющей компании про поверку счётчиков, с размытым штампом.

А третья была написана от руки, и я простояла перед ней дольше, чем собиралась.

Не из-за содержания. Из-за букв.

«ВНИМАНИЕ. 2 ОКТЯБРЯ С 9:00 ДО 17:00 ОТКЛЮЧАЮТ ГОРЯЧУЮ ВОДУ В СВЯЗИ С ЗАМЕ-

НОЙ ЗАДВИЖКИ В ПОДВАЛЕ. ПРОСЬБА ЗАПАСТИСЬ ЗАРАНЕЕ. ЖИЛЬЦАМ 1 ЭТАЖА — ПРОВЕРИТЬ СТОЯК ПОСЛЕ ВКЛЮЧЕНИЯ».

Печатные буквы, все одного роста, с одинаковым наклоном вправо и с таким нажимом, что паста продавила бумагу: я потрогала пальцем — лист был шершавый с лица и бугристый с обратной стороны. Так пишут люди, которые тридцать лет заполняли бланки от руки и привыкли, что их почерк должны разобрать посторонние.

И **«З»** у него была странная. Острая, с углом сверху, почти как цифра **«3»**.

Их тут было четыре подряд — **«В СВЯЗИ С ЗАМЕНОЙ ЗАДВИЖКИ»,** — и все четыре одинаковые, как отштампованные.

Внизу стояло: **«Председатель совета дома П.С. Гречко».**

Я помню, что подумала тогда две вещи. Первая — что человек, который в наше время пишет объявления рукой, делает это не от бедности, а из принципа. Вторая — что надо запомнить про второе октября и набрать воды.

Воду я, конечно, набрать забыла.

Потом подняла пакеты, выгрузила всё в прихожую и отнесла Вере Антоновне отмытые тарелки.

Она открыла сразу, будто стояла рядом.

— Быстро вы.

— Вы сказали — не завтра. Я решила, что сегодня счита-

ется.

Уголок рта у неё дёрнулся. Не улыбка — но что-то в ту сторону.

— Заходите, раз пришли.

Квартира у неё была такая же, как моя, только в зеркальном отражении и прожитая целиком. Коридор с полкой для обуви, на которой стояли одни ботинки и одни тапки. Запах — чистота, какой-то крем, старые книги. В комнате я увидела письменный стол у окна, а на нём — линейку, стопку клетчатой бумаги, карандаши в стакане и странный лист, расчерченный на квадратики.

— Кроссворды, — сказала Вера Антоновна, перехватив мой взгляд, и тон у неё был такой, что продолжать разговор не предлагалось. — Чай будете?

— Буду.

Чай она заваривала всерьёз: ополоснула чайник кипятком, засыпала заварку, накрыла салфеткой. Выставила вазочку с печеньем — три штуки, ровно, веером. Села напротив.

— Ну рассказывайте. Что за женщина с собакой.

— Нина Андреевна Вересова, тридцать восемь лет, редактор. Работаю из дома, издательство маленькое, книжки в основном не художественные. Разведена. Собаки нет, детей нет, кошка была, осталась у мужа, потому что она его выбрала, а не меня.

Я выпалила это одним куском и сама удивилась. Вера Ан-

тоновна слушала не перебивая, помешивая ложкой в чашке, в которую, насколько я видела, ничего не клала.

— Коротко и по существу, — сказала она. — Вас на собеседованиях любят?

— Меня на собеседованиях боятся.

— Это не худшее.

Она отпила чаю. Я ждала, что сейчас она расскажет о себе, — но она поставила чашку и спросила:

— Телефон давайте. Добавлю вас в чат дома.

— А это обязательно?

— Нет. Но без него вы не узнаете, что воду отключили, и будете единственная в подъезде, кто с утра стоит под сухим краном. — Она взяла мой телефон, подержала его на расстоянии вытянутой руки, прищурилась и уверенно, двумя пальцами, что-то там нажала. — Вот. «Кольцова 9 — наш дом». Сто сорок человек.

— Сколько?

— Сто сорок. Некоторые по двое из одной квартиры, чтобы ничего не пропустить.

Телефон завибрировал почти сразу.

Лариса Дёмина (кв.9): Друзья, добро пожаловать Нине из 60! Нина, если что-то нужно — пишите в личку, я подскажу по всем вопросам, от интернета до поликлиники.

Галина, кв.44: Добро пожаловать!

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Приветствую. Обращаю внимание новых собственников, что 18.10 состоится общее

собрание, явка обязательна в ваших же интересах.

Лариса Дёмина (кв.9): Эдуард Львович, не пугайте человека, она второй день живёт

Жанна, 41: А у нас опять джип поперёк стоит!!!! Я с коляской не прошла, вернее Мишка на самокате не проехал, объезжал по газону

Жанна, 41: [фото]

Галина, кв.44: Третий день стоит

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Данное транспортное средство не принадлежит собственникам дома. Шлагбаум открывает кто-то из своих. Прошу владельца пультов проверить, кому он давал код.

Жанна, 41: А может это гости из 75? Там вечно кто-то новый

Лариса Дёмина (кв.9): Жанна, давайте без предположений. Я сфотографирую номер и попробую через Павла Семёновича выяснить.

Валентина Петровна, 12: У нас в доме все приличные, не надо на соседей наговаривать. Наверное человек не нашёл место.

Жанна, 41: Валентина Петровна он три дня место не находит???

Я читала всё это, сидя у Веры Антоновны на кухне, и, видимо, что-то такое было у меня на лице, потому что она сказала:

— Уже началось?

— Уже.

— Сорок минут продержится. Потом про мусоропровод.

Я подняла глаза.

— Вера Антоновна, а вы в чате есть?

— Есть. Молчу.

— Совсем?

— Я читаю. — Она собрала со стола крошки ладонью в другую ладонь. — Понимаете, Нина, в этом чате люди говорят не то, что думают, а то, что потом можно будет показать. Я в таких разговорах не участвую.

Фраза была точная, и я её запомнила — но, честно сказать, тогда услышала в ней только ворчание пожилого человека на новые нравы. У меня вообще в первые дни был соблазн понимать всё, что мне говорят, как вариант одной и той же стариковской жалобы.

Телефон опять завибрировал — три раза подряд. Я перевернула его экраном вниз.

— Правильно, — одобрила Вера Антоновна. — Ещё печенья?

Вечером я всё-таки открыла чат целиком и прочла его с начала — то есть не с самого начала, конечно, а сколько прогрузилось: недели за три.

Это было увлекательнее, чем я готова признать.

За три недели дом обсудил: собак без намордников; машину Кузнецовых, которая течёт маслом; подорожание вывоза ТКО; женщину из восемьдесят второй, которая якобы

сдаёт квартиру посуточно, но это не доказано; затопление в сорок восьмой; качество побелки; то, что кто-то поставил в холле первого подъезда диван и его давно пора убрать; то, что диван очень удобный и убирать его жалко; ремонт кровли; и — тремя отдельными заходами, с интервалом в неделю — деньги, которые в двадцать втором году собрали на камеры в подъездах.

Про камеры говорили так, как говорят о давно затёкшем потолке: без надежды, по привычке, чтобы обозначить, что не забыли.

Жанна, 41: А камеры когда? Три года уже.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Вопрос неоднократно ставился. Прошу вынести его на общее собрание отдельным пунктом.

Лариса Дёмина (кв.9): Друзья, я уже объясняла: сумма, которую собрали, не покрывает монтаж по новым ценам. Подрядчик, с которым договаривались, ушёл с рынка. Деньги целы, все цифры есть, на собрании всё покажем.

Галина, кв.44: Да ладно, живём же как-то.

Валентина Петровна, 12: У нас в доме все приличные, кому нужны эти камеры.

Эта фраза встретилась мне в чате за вечер четыре раза. Трижды её писала Валентина Петровна из двенадцатой, один раз — кто-то без имени, просто номер телефона. Она работала как формула вежливого закрытия темы: когда разговор подходил к чему-то неприятному, кто-нибудь произносил «у

нас в доме все приличные», и разговор послушно сворачивал.

Я пролистала ещё выше и нашла то, что искала с самого начала, — голос председателя.

Гречко писал в чат редко и странно. Он не пользовался восклицательными знаками и смайликами, зато ставил точку в конце каждого сообщения, даже односложного. «Понял.» «Приду.» «Это неверно.» Его реплики выглядели как телеграммы, и на фоне общей говорливости чата имели вес, который сам по себе не имели.

Гречко П.С.: Повестка будет роздана в бумажном виде до 10 октября. В чате обсуждать повестку не будем.

Жанна, 41: А почему не будем?

Гречко П.С.: Потому что в чате обсуждают, а на собрании решают. Это разные вещи.

Лариса Дёмина (кв.9): Павел Семёнович, ну нельзя же так сурово. Люди просто хотят понимать, к чему готовиться.

Гречко П.С.: Пусть готовятся прийти.

Я перечитала этот обмен дважды. У меня возникло ощущение, которое потом возникало ещё не раз: что в доме идёт какой-то давний разговор, начавшийся задолго до моего приезда, и что все реплики в нём — продолжение чего-то, чего я не слышала.

Около десяти я наконец взялась за занавески. Они оказались, как я и предполагала в магазине и как упорно отказывалась признавать на кассе, на двадцать сантиметров короче.

Я повесила их всё равно. Вышло не ужасно — вышло так, будто в квартире живёт человек, который сделал что мог.

Потом стояла у окна и смотрела во двор.

Чёрный внедорожник всё ещё стоял поперёк. У второго подъезда, под фонарём, разговаривали двое: женщина в розовой куртке размахивала руками, мужчина в тёмной ветровке стоял боком, сунув руки в карманы, и время от времени кивал. Слов было не слышно. Женщина что-то договорила, резко развернулась и пошла к подъезду, а мужчина постоял ещё немного, глядя ей вслед, потом достал телефон, посмотрел на экран и тоже ушёл.

Обычная вечерняя сцена во дворе. Я досмотрела её до конца не потому, что заподозрила что-нибудь, а потому, что мне было одиноко и я смотрела на всё, что двигалось.

В телефоне висело восемьдесят непрочитанных.

Последнее сообщение было от Ларисы Дёминой, и адресовано оно было мне лично, в личку:

Лариса Дёмина: Нина, привет ещё раз. Увидела у вас окна без штор. Хотите, завтра завезу? У меня лежат совершенно новые, кремовые, мне не подошли по цвету. Не выбрасывать же.

Я напечатала: «Спасибо, не нужно, уже повесила».

Стёрла.

Напечатала: «Спасибо большое! Было бы здорово».

И отправила — и поймала себя на том, что обрадовалась сильнее, чем полагается радоваться чужим кремовым што-

рам.

Глава 3. Без единой ошибки

В понедельник в дверь позвонили в десять утра.

Я была в халате, с мокрой головой и в середине абзаца, где Лев Борисович описывал операцию семьдесят четвёртого года так, будто читатель уже знает, что такое резекция. Я как раз придумывала, как объяснить ему, что читатель не знает, и при этом не обидеть человека, который сорок лет считал это общеизвестным.

На площадке стоял немолодой мужчина с папкой под мышкой.

Невысокий, плотный, в клетчатой рубашке, застёгнутой под горло, и в серой жилетке. Седые волосы зачёсаны набок и прижаты. Очки в тонкой металлической оправе, на шнурке — такие, которые снимают, чтобы посмотреть на собеседника, и вешают на грудь. Он держал папку прямо перед собой, обеими руками, как человек, пришедший по делу и не желающий, чтобы его приняли за пришедшего поболтать.

— Вересова Нина Андреевна? — спросил он.

— Да.

— Гречко Павел Семёнович. Председатель совета дома. — Он сделал паузу. — Извините, что рано.

— Десять утра — это не рано.

— Для работающих рано, для пенсионеров поздно. Я никогда не угадываю. — Он посмотрел на мой халат, потом в

сторону, и мне стало ясно, что он уже решил, что помешал, и теперь будет это чувствовать весь разговор. — Я ненадолго. У меня к вам просьба профессионального характера.

— Проходите.

— Нет-нет. Я тут.

Он не прошёл. Он стоял на пороге, одной ногой на коврике, и папку так и не опустил.

— Мне сказали, вы редактор.

— Сказали правильно.

— В книгах?

— В книгах.

Он кивнул, как будто проверил пункт в списке.

— У меня восемнадцатого собрание. Общее, очное, с повесткой. По закону я обязан уведомить каждого собственника не позднее чем за десять дней. — Он наконец раскрыл папку и достал оттуда несколько листов, скреплённых скрепкой. — Вот уведомление и вот повестка. Я их сам составлял. По образцу, но с добавлениями.

— И?

— И я хочу, чтобы там не было ни одной ошибки.

Он сказал это с нажимом, с той же интонацией, с какой подчёркивал слова двумя чертами.

— Павел Семёнович, одна опечатка в уведомлении не отменяет собрание.

— Не отменяет, — согласился он. — Но даёт повод. — Он потёр переносицу. — У нас в доме есть товарищ, который на

прошлом собрании сорок минут объяснял людям, что бюллетень недействителен, потому что в шапке написано «улица Кольцова», а по документам «улица Инженера Кольцова». Сорок минут, Нина Андреевна. Люди стояли на ветру. Половина ушла.

— И что, бюллетень был недействителен?

— Да конечно нет. — Он помолчал. — Но половина ушла.

Я взяла листы. Их было четыре: уведомление, повестка, бланк бюллетеня и какая-то справка-обоснование. Набраны на компьютере, Times New Roman, крупно. Я пробежала первую страницу глазами — и остановилась на третьей строчке.

— У вас тут «в соответствие с».

— Что?

— «В соответствии». Окончание «и».

Он протянул руку, взял лист обратно, нашёл строчку, прочитал её одними губами. Потом посмотрел на меня.

— Давно это там?

— Понятия не имею.

— Я этим файлом четыре года пользуюсь. — Он сказал это не растерянно, а зло, но зло на себя. — Четыре года, и каждый раз двадцать человек читают.

— Двадцать человек не читают, Павел Семёнович. Они смотрят дату и место.

— Один читает, — сказал он. — Мне хватает одного.

Я взяла у него листы обратно.

— Оставьте. Я посмотрю.

— Сколько это будет стоить?

Вопрос застал меня врасплох.

— Нисколько. Это четыре страницы.

— Я не хочу нисколько. — Он опять держал папку обеими руками. — Если нисколько, то вы потом не сможете мне сказать, что я вас загрузил. А я вас загружу, я знаю себя. Я приду с бюллетенями, потом с протоколом, потом с объявлением о результатах.

Я засмеялась — первый раз за несколько дней, кажется.

— Хорошо. Тогда с вас телефон человека, который чинит краны за пятьсот рублей.

— Азамат, — сказал он немедленно. — Я вам перешлю. Он берёт семьсот, но делает хорошо и приходит в тот же день. Пятьсот он брал в прошлом году.

— Договорились.

Он не ушёл сразу. Постоял, глядя куда-то в глубину моей прихожей, на стеллаж.

— Хороший шкаф, — сказал он. — Книг много.

— Это профессиональное.

— У меня тоже было много. Жена забрала при разъезде. — Он произнёс это ровно, как сообщают погоду. — Я, честно сказать, не особо расстроился, я больше по документам. Но полки пустые стояли потом месяца три, и это было неприятно.

Я не нашла, что ответить.

— Ну, — сказал он. — Я в среду зайду. Или в понедельник, как вам удобнее.

— В понедельник. В среду не успею, у меня сдача.

— В понедельник, — повторил он и кивнул, явно внося это куда-то внутрь себя. — До свидания, Нина Андреевна.

Я закрыла дверь и пошла на кухню с его листами, и прочитала их все четыре, стоя, пока не остыл чай.

Уведомление было написано плохо, но честно. Он старался. В нём попадались обороты, явно переписанные из какого-то методического пособия для председателей, — тяжёлые, с «вышеуказанный» и «в целях обеспечения», — а рядом вдруг возникала живая фраза вроде «прошу отнестись серьёзно, вопросы в этот раз денежные».

Повестка состояла из четырёх пунктов.

1. Выборы председателя и секретаря собрания.

2. О выборе управляющей организации.

3. О проведении работ по ремонту кровли за счёт средств специального счёта.

4. Об отчёте совета дома за 2022–2025 гг. и о средствах, поступающих от использования общего имущества (размещение оборудования связи, рекламной конструкции).

Четвёртый пункт был длиннее остальных трёх вместе взятых. Это бывает по двум причинам: либо человек не умеет формулировать, либо он очень хочет, чтобы в формулировку попало всё, и боится, что потом скажут — «а про это не

было».

Я вычитала всё за полтора часа. Нашла двенадцать ошибок, из них серьёзных — две: в одном месте была перепутана дата (в уведомлении восемнадцатое, в бюллетене семнадцатое), в другом в перечне вопросов для голосования пропал целиком пункт четыре. Просто не был перенесён. Голосовать было бы не за что.

Я подчеркнула это красным и написала на полях печатными буквами, как он сам: **«ПУНКТ 4 ОТСУТСТВУЕТ В БЮЛЛЕТЕНЕ. ЭТО ВАЖНО».**

Лариса приехала в среду вечером, с двумя пакетами и шуруповёртом.

— Я на минутку! — сказала она с порога таким тоном, что стало ясно: не на минутку. — Нин, вы же не против на «ты»? Я с «вы» через три фразы сбиваюсь и начинаю чувствовать себя в собесе.

— Не против.

— Отлично. Я Лариса. Девятая квартира, первый подъезд, если что — я почти всегда дома после восьми.

Ей было лет сорок с небольшим. Невысокая, крепкая, с короткой стрижкой и яркой помадой, в рабочей форме сетевого магазина — синий жилет с бейджем, который она тут же сняла и сунула в карман. Говорила быстро, двигалась быстро, и за первые три минуты успела снять куртку, разуться, отказаться от тапок, пройти в комнату, оценить окна и объявить приговор:

— Ой. Ну это же коротко.

— Я знаю.

— Нет, слушай, это не страшно, это бывает. — Она уже разворачивала свёрток. — У меня кремовые, двести семьдесят. Я их купила под ту квартиру, где мы с Артёмкой до развода жили, там потолки были три десять. Сюда не влезли. Два года лежат. Давай померяем.

Она не спросила, хочу ли я мерить. Она уже стояла на табуретке.

Через двадцать минут у меня висели шторы. Нормальные, длинные, кремовые, и комната от них сразу стала не такой пустой. Лариса слезла с табуретки, отошла к двери, посмотрела, прищурившись, и сказала:

— Вот. Теперь как у людей.

— Сколько я тебе должна?

— Нин. — Она посмотрела на меня почти обиженно. — Ну ты чего.

— Они новые.

— Они два года в шкафу лежали и мешали. Ты мне оказала услугу. — Она уже шла на кухню, по дороге заглянув в ванную. — О, у тебя кран капает. Азамата звала?

— Мне Гречко телефон дал.

— А-а. — Что-то в её лице изменилось, я тогда прочитала это как усталость. — Павел Семёнович всем даёт телефон Азамата. Это у него такой способ проявить заботу.

Она села за мой единственный стол, поставила локти и

обвела кухню взглядом.

— Слушай, а ты одна справляешься со всем этим?

— С чем?

— С переездом. С вещами. С... — она сделала неопределённое движение рукой, которое, видимо, означало всю мою ситуацию целиком. — Ты извини, если лезу. Я не из любопытства, я из практических соображений. Я после развода полгода не могла в магазин зайти, чтобы не разреветься. Стояла в молочном отделе и ревела, потому что он йогурты эти любил, а мне их теперь не надо.

Она сказала это легко, без всякого нажима, и именно поэтому у меня что-то отпустило в груди.

— Я справляюсь, — сказала я. — Не очень красиво, но справляюсь.

— Красиво никто не справляется. Это миф. — Она потянулась и взяла печенье из вазочки — той самой, которую я купила, чтобы поставить на стол хоть что-то. — Давно разошлись?

— Год.

— Дети?

— Нет.

— Это и хорошо, и плохо, — сказала она без паузы. — У меня Артёмка, двадцать лет, в Иванове учится. Платно. — Она на секунду стала другой — не грустной, а сосредоточенной, как человек, который мысленно посмотрел на календарь. — Хороший парень. Умный. Только ему всё равно,

где спать и что есть, а мне не всё равно.

— Помогаешь?

— Я его тяну, — сказала она просто. — Это разные вещи.

Потом она налила себе чай, не спрашивая, и рассказала мне про дом.

За полчаса я узнала примерно следующее. В первом подъезде живут самые скандальные, под их окнами парковка. Эдуард Львович Шпак из тридцать первой очень умный, очень вредный и бывший юрист, «и, Нин, он действительно разбирается, просто он от этого невыносимый». Жанна из сорок первой — парикмахер, золотые руки, стрижёт дома в три раза дешевле салона, но «ты её сначала в хорошем настроении застань». В подвале третьего подъезда пункт выдачи, держит его Руслан из семьдесят третьей, «тихий, вежливый, но закрытый, с ним за пять лет никто толком не поговорил». Валентина Петровна из двенадцатой «святой человек, но живёт в девятьсот восьмидесятом году». Вера Антоновна из пятьдесят седьмой —

Тут Лариса на секунду затормозила.

— Вера Антоновна молодец, — сказала она. — Правда, молодец. Умная, въедливая, всё помнит. С ней только осторожно надо.

— В смысле?

— Не в плохом смысле. — Она покрутила чашку. — Просто она одна, Нин. Совсем одна. Муж умер лет пятнадцать назад, детей нет, племянник в Вологде, звонит по праздни-

кам. И она держится так, будто ей никто не нужен, и это надо уважать, понимаешь? А если начнёшь её жалеть вслух — всё, обиделась на полгода.

Это совпадало с тем, что я уже видела, и прозвучало доброжелательно. Я тогда так это и услышала.

— Ты, главное, не грузись чатом, — сказала Лариса, допивая. — Там половина людей самоутверждается, половина скучает. Я сама туда админом пошла, только чтобы спам чистить, а теперь без меня там за день подерутся.

— Я видела, как ты их разнимала. Про джип.

— Ой, джип. — Она закатила глаза. — Третий день стоит. И ведь знаю же, чей.

— Чей?

— Да не важно, — сказала она. — Человек не виноват, что у него работа такая, а место он правда не находит. Я сфоткала, отправила Павлу Семёновичу, он разберётся. — Она встала, одёрнула свитер. — Я, кстати, в чате ничего не стираю. Вообще. Народ пишет гадость, потом удаляет и делает вид, что не писал. А у меня всё остаётся.

— В смысле — остаётся?

— Я скриню, — сказала Лариса и показала мне телефон, не включая его, просто продемонстрировав предмет. — Всё подряд. Каждый вечер. У меня папка в галерее, там тысяча картинок, наверное. Я учёная, Нин.

— Это тяжело же.

— Это две минуты. — Она надевала куртку в прихожей.

— Зато, когда через полгода человек говорит «я такого не писала», я ему показываю, что писала. И всё. И тишина. — Она улыбнулась мне совершенно тепло, без всякой задней мысли, какую я могла бы тогда заподозрить. — Один раз так сделаешь — и тебя год не трогают.

Она уже взялась за ручку двери и обернулась.

— Нин, а ты восемнадцатого придёшь на собрание?

— Наверное. Я же теперь собственник.

— Приходи. — Она сказала это серьёзнее, чем всё остальное за вечер. — Там будет интересно.

— В каком смысле интересно?

— В смысле — приходи, — сказала Лариса и засмеялась. — Всё, я побежала, мне ещё ужин готовить. Шуруповёрт не отдавай, пусть у тебя полежит, у тебя полки вешать.

Дверь закрылась.

Я вернулась в комнату и постояла у новых штор, трогая ткань. Она была плотная, приятная, явно недешёвая. Квартира впервые за неделю выглядела как место, где кто-то живёт.

Мне было хорошо и чуть-чуть неловко — так бывает, когда тебе сделали добро быстрее, чем ты успела решить, хочешь ли ты его принять.

В понедельник я отдала Гречко вычитанные листы.

Он пришёл ровно в десять, в той же жилетке, и в этот раз сел — на табуретку в прихожей, которую я ему подставила. Листы он взял и начал смотреть сразу, при мне, молча, во-

дя по строчкам пальцем. На красном **«ПУНКТ 4 ОТСУТСТВУЕТ В БЮЛЛЕТЕНЕ»** он остановился надолго.

Потом сложил их и положил на стол стёклами вниз.

— Это я сам убрал, — сказал он.

— Как убрали?

— Руками. — Он потёр переносицу. — Я его в черновике вынес в отдельный файл, чтобы доработать формулировку, и забыл вернуть. — Если бы вы не поймали, я бы в субботу раздал людям бюллетени, в которых нет главного вопроса.

— И что бы было?

— Ничего бы не было. В этом и дело. — Он аккуратно сложил листы. — Собрание прошло бы, все проголосовали бы за кровлю и разошлись довольные. А четвёртый вопрос перенесли бы на следующий раз. На весну.

Он сказал «на весну» так, как говорят «навсегда».

— Павел Семёнович, а что в четвёртом вопросе?

Он посмотрел на меня.

Это длилось секунды две, не больше, но я помню их отчётливо, потому что в эти две секунды он явно что-то решал — и решил не в мою пользу.

— Деньги, — сказал он. — У дома есть деньги, которых люди не видят. Я хочу, чтобы увидели.

— Много?

— Достаточно, чтобы кровлю не со спецсчёта делать. — Он встал, сунул папку под мышку. — Спасибо вам, Нина Андреевна. Я ваш должник.

— Вы мне телефон Азамата прислали, мы в расчёте.

— Нет, — сказал он серьёзно. — Не в расчёте.

И ушёл.

А я осталась стоять в прихожей и думать о том, что человек, который четыре года не замечал ошибку в собственном шаблоне, вдруг стал очень внимателен к тому, что именно будет написано на бумаге в эту конкретную субботу.

Тогда я объяснила это себе просто: волнуется перед собранием. Все волнуются перед собранием.

Глава 4. Субботник

Про субботник я узнала из объявления в лифте.

Он висел рядом с графиком вывоза мусора, написанный тем же синим стержнем и теми же печатными буквами: **«11 ОКТЯБРЯ, СУББОТА, 11:00. ОСЕННИЙ СУББОТНИК. ИНВЕНТАРЬ ВЫДАЁТСЯ. ПРИХОДИТЕ ХОТЯ БЫ НА ЧАС»**. Последняя фраза была подчёркнута один раз, и в этом одном разе слышалось больше, чем в двух.

Я собиралась не идти. У меня была сдача в среду — вторая за десять дней, Лев Борисович вернул правку с пометками на полях двести страниц. Но в десять утра в субботу я посмотрела в окно, увидела, как Вера Антоновна в старой куртке и платке идёт по двору с граблями, которые ей явно велики, и поняла, что не пойти теперь нельзя.

Это, кстати, первое, что со мной сделал этот дом: он начал меня видеть. В прежней квартире я могла не выходить три дня, и никто бы не заметил. Здесь на меня уже смотрели из четырёх окон.

Во дворе собралось человек тридцать.

Инвентарь выдавали из колясочной в первом этаже второго подъезда — её давно переделали в кладовку совета дома, и сейчас дверь была распахнута, и было видно внутри стеллаж с папками, вёдра, свёрнутый шланг и картонную коробку с надписью **«ГИРЛЯНДА НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ».** Ла-

риса стояла на пороге и раздавала грабли с интонацией человека, который делает это каждый год и знает всех по именам.

— Нин! — закричала она через двор. — Иди сюда, тебе дам хорошие!

«Хорошие» означало грабли, у которых черенок не шатался. Мне достались такие, и ещё мешок, и ещё инструктаж: сгребаем от тополей к площадке, в кучи, кучи не поджигаем, Валентина Петровна, вы слышите, кучи не поджигаем.

— Я один раз подожгла, — сказала Валентина Петровна миролюбиво. — В две тысячи девятнадцатом.

— И пожарные приехали.

— Они быстро приехали, я бы и сама справилась.

Работа шла бестолково и весело. Листьев было много, их гоняли туда-сюда, дети мешали, одна куча развалилась, потому что в неё с разбега прыгнул мальчик лет семи, и его мать — крупная женщина в розовой куртке, та самая, которую я видела из окна, — заорала на весь двор:

— МИШКА! Я тебя сейчас в эту кучу закопаю и граблями разровняю!

Мишка радостно завизжал и прыгнул ещё раз.

— Ненавижу, — сообщила женщина мне, оказавшись рядом. — Ладно, вру, не ненавижу. Жанна. Сорок первая.

— Нина. Шестидесятая.

— Знаю. — Она оглядела меня быстро и профессионально, задержавшись на голове. — Вам кто стрижёт?

— Никто уже месяцев восемь.

— Вижу, — сказала она. — Сорок первая квартира, второй подъезд, второй этаж. Приходите, сделаю нормально. Я в салоне за три восемьсот, дома за полторы.

— А так можно?

— Нельзя, — сказала Жанна. — Но все так делают. — Она воткнула грабли в землю. — Вы чего так смотрите? Я налоги плачу. С салона.

— Я не смотрю.

— Вы смотрите, у вас лицо такое. — Она засмеялась, и смех у неё был громкий, хороший. — Ладно, не обижайтесь. Я сама вечно нарываюсь.

Жанне было чуть за сорок. Она работала быстрее всех и громче всех, успевала одновременно сгребать листья, следить за Мишкой, переругиваться с дочкой-подростком, которая сидела на лавке в наушниках и не собиралась помогать, и комментировать всё происходящее во дворе.

— Вон, смотрите, явился, — сказала она минут через двадцать. — Адвокат наш.

От первого подъезда шёл высокий худой мужчина лет под семьдесят, в плаще и ботинках, совершенно не предназначенных для листьев. В руках он держал сложенный вдвое лист бумаги. Граблей он не взял.

— Доброе утро, уважаемые соседи, — сказал он громко, остановившись в центре двора. — Я вас отвлеку на три минуты.

— Эдуард Львович, подождите до перерыва, — отозва-

лась Лариса от кладовки.

— Три минуты, Лариса Валерьевна. Я не о себе забочусь.

Он развернул лист.

— В понедельник в наших почтовых ящиках появилось уведомление о проведении общего собрания восемнадцатого октября. Я его внимательно изучил. — Он поднял лист на уровень груди и постучал по нему тыльной стороной пальцев. — Вопрос номер два: о выборе управляющей организации. Формулировка — «о выборе». Не «о смене», а «о выборе». Это разные вещи.

— Эдуард Львович, — сказала Жанна, не прекращая грести, — вы по-русски можете?

— Я по-русски и говорю, Жанна Витальевна. Это вы по-русски не слушаете.

Несколько человек засмеялись. Шпак этого не заметил или сделал вид.

— Я продолжаю. Семь лет нами управляет «Жилкомсервис-Север». Семь лет. За эти семь лет мы имеем: подъезд, который красили в двадцатом году и больше не трогали; кровлю, которую нам предлагают ремонтировать за наши же накопления; и домофон, который открывается, если по нему ударить. — Он сделал паузу. — При этом тариф на содержание у нас вырос на тридцать один процент.

— Это правда, — сказал кто-то из мужчин.

— Разумеется, правда. Я не говорю того, чего не могу подтвердить. — Шпак сложил лист. — Я предлагаю на собра-

нии рассмотреть конкретную альтернативу. Компания «Доверие», они работают на двух домах в Брагине, я ездил, смотрел, разговаривал с людьми. Тариф ниже нашего на одиннадцать процентов, и у них в штате собственная аварийная служба.

— А вы им кто? — спросила Жанна.

— Простите?

— Ну вы им кто? Вы же просто так не поедете в Брагино смотреть на чужие подъезды.

Шпак выпрямился. Он и так был высокий, а тут стал как будто ещё выше.

— Жанна Витальевна. Я сорок лет занимался правовой работой. Когда я чего-то не знаю, я еду и смотрю. Это называется «добросовестность». Вам, возможно, это слово не встречалось.

— Ой, да ладно, — сказала Жанна.

Но она покраснела, я заметила. И ещё заметила, что Шпак на самом деле не ответил на её вопрос.

— А Павел Семёнович что говорит? — спросила Валентина Петровна.

— Павел Семёнович, — сказал Шпак с удовольствием, — говорит, что рассмотрим на собрании. Павел Семёнович всегда говорит, что рассмотрим на собрании.

— Он и правда рассмотрит, — сказала Лариса. — Эдуард Львович, ну что вы, честное слово. Он же включил ваш вопрос вторым пунктом. Вторым! Мог бы шестым поставить,

когда все уже разойдутся.

— Включил, — согласился Шпак. — С формулировкой «о выборе».

— Да какая разница!

— Большая, Лариса Валерьевна. — Он убрал лист во внутренний карман. — Впрочем, я вижу, что сейчас не время. Продолжайте, пожалуйста. Я не буду мешать людям работать.

И он пошёл к лавочке, сел и стал смотреть, как люди работают.

Жанна сказала негромко, но так, что услышали все в радиусе пяти метров:

— Как адвокат заявляю: грабли мне не по профилю.

Засмеялись уже громче. Шпак на лавочке чуть повернул голову, но не обернулся.

Мне тогда стало его почти жалко — в том раздражённом смысле, в каком бывает жалко человека, который сам лезет и сам нарывается. Он говорил по делу. Его речь была логичнее всего, что я слышала во дворе за это утро. И его никто не слушал, потому что слушать его было невыносимо.

Потом вынесли чай.

Это была, как я поняла, традиция: Лариса притащила два термоса и коробку с одноразовыми стаканами, кто-то принёс пирог, кто-то печенье, всё это расставили на лавке возле площадки, и работа официально прекратилась, хотя листьев оставалось ещё на полдвора.

Вера Антоновна стояла чуть в стороне, у тополей, и сгребала свой участок, не присоединяясь.

Я подошла.

— Вам чаю принести?

— Я не пью на улице.

— Почему?

— Потому что потом в туалет, — сказала она спокойно, — а до туалета шесть этажей и лифт, который сегодня работает через раз. В моём возрасте это планирование, Нина, а не капризы.

Я не нашлась, что ответить, и стала грести рядом.

Минут пять мы работали молча, и это было хорошее молчание. Потом она сказала:

— Он к вам приходил? Павел Семёнович.

— Приходил. Просил вычитать уведомление.

— Нашли что-нибудь?

— Двенадцать ошибок.

Она хмыкнула.

— Он аккуратный человек, но пишет как забор красит. Зато честно.

— Вы его давно знаете?

— Семь лет он председатель. А вообще с две тысячи девятого, как они въехали. — Она подгребла кучку к общей. — Он когда с женой разошёлся, стал в советы дома лезть. Это у мужчин бывает. Им надо, чтобы где-то их слушались.

Я засмеялась. Она — нет.

— Я не иронизирую, — сказала Вера Антоновна. — Это нормальная потребность. Хуже, когда её некуда деть.

От лавки донёсся голос Жанны, и мы обе невольно повернулись.

— ...а я говорю: три года! Три года прошло!

— Жанна, ну сколько можно. — Лариса стояла с термосом в руках. — Я же объясняла.

— Ты объясняла в двадцать третьем, в двадцать четвёртом и в мае. — Жанна загибала пальцы. — Три раза объясняла. Я уже наизусть знаю: подрядчик ушёл с рынка, цены выросли, деньги на месте. Лар, а где они на месте? В банке? В тумбочке?

Двор замолчал. Не весь — но тот участок, где стояли с чаем.

Лариса поставила термос.

— Жанн. — Голос у неё был ровный и даже ласковый. — Сто двенадцать тысяч. Из них восемнадцать квартир сдали, остальные не сдали. Ведомость лежит в кладовке, в зелёной папке, я тебе её сейчас принесу, хочешь? Прямо сейчас, пойдём.

— Да не надо мне твою ведомость.

— Надо. — Лариса уже шла к кладовке. — Пойдём, посмотришь. Я устала быть виноватой.

— Да господи, Лариса, я не говорю, что ты виновата!

— Нет, ты говоришь. — Лариса обернулась. Лицо у неё было красное. — Ты говоришь это каждые полгода при всех,

и каждые полгода я стою как дура и объясняю. И никто ни разу не сказал: Лар, спасибо, что ты вообще этим занялась. Зато все помнят, что камер нет.

Повисла та особая дворовая тишина, в которой очень громко слышно, как на площадке скрипят качели.

— Лар, ну ты чего, — сказала Жанна уже тише. — Я же не со зла.

— Я знаю, что не со зла. — Лариса вернулась, взяла термос. — Кому ещё налить?

И всё. Никто ничего не ответил, разговор рассыпался… Кто-то заговорил про плитку у третьего подъезда, Валентина Петровна сказала: «Ну зачем вы так, у нас в доме все приличные», — и это, как обычно, сработало как выключатель.

Я стояла с граблями и думала не о деньгах. Я думала о том, что Лариса сказала «я устала быть виноватой» — и что в этой фразе была настоящая, живая обида, которую невозможно сыграть. Мне стало за неё неприятно.

— Вот так всегда, — сказала Вера Антоновна рядом.

— Что всегда?

— Всегда виноват тот, кто взялся. — Она смотрела в сторону лавки. — Кто не берётся, тот и чистый.

Домой я возвращалась около двух.

У второго подъезда, прислонившись к стене, стоял мужчина лет тридцати пяти и курил. Невысокий, в тёмной куртке, с короткой стрижкой. Он кивнул мне — коротко, вежливо — и придержал дверь, когда я подошла с граблями и

мешком.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он не пошёл за мной. Остался докуривать.

В холле Лариса принимала инвентарь обратно, отмечая что-то в тетрадке.

— О, Нин. Грабли сюда, мешок в бак. — Она посмотрела на мои ладони. — Перчатки надо было брать.

— Я не подумала.

— Все не думают. — Она забрала грабли. — Ты извини, что я там сорвалась. Я правда устала.

— Я бы на твоём месте сорвалась раньше.

— Ага. — Она усмехнулась. — Ты бы на моём месте через неделю сказала всем, что они идиоты, и ушла. И правильно бы сделала.

— Так почему ты не уходишь?

Лариса задумалась — по-настоящему, секунды на три.

— А кто будет? — сказала она. — Шпак? Он доведёт дом до суда с управляющей и будет счастлив. Жанна? Она в бухгалтерии не разбирается и не хочет. Павел Семёнович один не вытянет, он старой закалки, у него всё на бумаге, он в банк-клиент заходит через меня.

— Через тебя?

— Ну да. — Она закрывала кладовку на ключ, и ключ был на большой жёлтой бирке. — Он мне диктует, я нажимаю. Он боится интернета, Нин. Он реально боится. Думает, что

если нажмёт не туда, то дом останется без денег.

Она сказала это со смесью нежности и усталости, с какой говорят о пожилом родственнике.

— Ладно, — сказала Лариса. — Я побежала, у меня смена в четыре. Голову не забудь помыть, у тебя листья в волосах.

Вечером я залезла в чат, потому что телефон вибрировал без остановки.

Обсуждали, естественно, не субботник.

Жанна, 41: Люди а джип так и стоит. ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ

Жанна, 41: [фото]

Галина, кв.44: Безобразие

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Прошу Ларису Валерьевну как ответственную за пульты дать пояснения.

Лариса Дёмина (кв.9): Эдуард Львович, я не «ответственная за пульты», я помогаю с их выдачей. Пульты оформлены на квартиры, список есть у Павла Семёновича.

Лариса Дёмина (кв.9): Я уже передала ему фото. Разберёмся.

Валентина Петровна, 12: А может человеку плохо стало и он машину бросил?

Жанна, 41: Валентина Петровна четыре дня плохо

Гречко П.С.: Машина принадлежит подрядчику, который работает в 75 квартире. Я говорил с собственником. Завтра её уберут.

Гречко П.С.: И прекратите фотографировать чужие ав-

томобили и выкладывать номера. Это неприлично.

Жанна, 41: А поперёк проезда стоять прилично?

Гречко П.С.: Нет. Я уже сказал, завтра уберут.

Валентина Петровна, 12: Вот видите, всё решилось. У нас в доме все приличные.

Я долистала фотографии Жанны — их было две, сделанные с разных точек.

На первой был джип крупно, номер читался. На второй она, видимо, отошла дальше, чтобы показать, как он перегораживает проезд, и в кадр попала половина парковки: ряд машин вдоль дома, мусорные баки, угол детской площадки и белая легковушка у второго подъезда.

Я посмотрела на это фото ровно две секунды и пролистнула дальше.

У меня не было причин смотреть на него дольше. Там не было ничего — двор как двор, суббота, машины стоят.

Я закрыла чат, поставила телефон на зарядку и пошла мыть голову, потому что листья в волосах действительно были.

Глава 5. Варенье и кроссворд

В среду я сдала рукопись и впервые за две недели почувствовала, что имею право на безделье.

Безделье продлилось сорок минут. Потом мне стало тошно от собственной квартиры — от коробок, которые я так и не разобрала, от пустой стены, где должна была висеть полка, от шуруповёрта Ларисы, лежавшего на подоконнике с видом молчаливого упрёка.

Я взяла шуруповёрт и пошла стучать к Вере Антоновне.

— Вы умеете вешать полки?

Она посмотрела на инструмент в моих руках.

— Я умею объяснять, как их вешать. Сама не полезу, у меня голова кружится от запрокидывания.

— Этого достаточно.

Она надела кофту и пришла.

Следующий час был, пожалуй, лучшим часом за всю мою первую неделю в этом доме. Вера Антоновна стояла посреди комнаты с карандашом и линейкой и руководила. Выяснилось, что я собиралась сверлить в двух сантиметрах от кабеля, что уровень в телефоне врёт, если телефон в чехле, и что дюбели я купила не те, но «на счастье, не те в правильную сторону» — они оказались толще, чем нужно, а не тоньше.

— Теперь отойдите и посмотрите от двери, — велела она, когда полка встала. — Отсюда всегда видно, если криво.

Я отошла. Было ровно.

— Спасибо вам.

— Мне скучно, — сказала Вера Антоновна. — Не благодарите, это не бескорыстно.

Она это произносила не в первый раз — какую-нибудь фразу, которая отменяла её же доброе дело. Я уже начала понимать: это не кокетство. Она действительно не хотела быть должником чьей-то благодарности.

— Чаю? — спросила я. — У меня теперь две чашки.

— Прогресс.

Мы сидели на кухне до темноты.

Она рассказала — не сразу, не подряд, а кусками, между делом, — про институт, где тридцать лет считала фильтрационные расчёты для водозаборов. Про то, как в девяносто четвёртом институт перестали финансировать, и половина отдела ушла торговать на Центральном рынке. Про мужа Володю, который был конструктором на моторном и умер в две тысячи девятом, в июне, «очень быстро, за два месяца, и это, Нина, было единственное, что он в жизни сделал быстро».

— А потом?

— А потом я пошла в ЖЭУ-шестое. — Она поставила чашку. — Расчётчиком. Потом паспортисткой. Восемь лет.

— После института — в ЖЭУ?

— А куда? Мне было шестьдесят один. — Она сказала это без всякой жалости к себе. — И знаете что? Мне там понравилось. В институте я считала воду, которую никогда не ви-

дела. А в ЖЭУ ко мне приходили люди, и у них была конкретная беда: не начисляют субсидию, прописали и не выписали, бабушка умерла и лицевой счёт висит. И я эту беду могла решить за сорок минут.

— Вы скучаете?

— По работе — да. По конторе — нет. — Она отщипнула от печенья. — Контору в восемнадцатом ликвидировали. Пришли люди, сказали: выносите на помойку. Там двадцать лет документов, Нина. Домовые книги, карточки, лицевые счета, протоколы. Всё в мешки и на помойку.

— И?

— И я забрала, — сказала она просто. — Что влезло.

Я не сразу поняла.

— В смысле — к себе?

— К себе. — Она кивнула в сторону стены, за которой была её квартира. — У меня антресоли и половина шкафа. Коробок одиннадцать.

— Вера Антоновна, это же... — я поискала слово и не нашла нужного. — Это же чужие персональные данные.

— Это бумага, — сказала она. — Которую собирались отправить на свалку, где её разнесло бы ветром по всему Северному. Я её не продаю и не показываю. Я её храню.

Она смотрела на меня очень прямо, и в её лице было что-то упрямое и закрытое, и я решила не спорить. Потому что не хотела портить хороший вечер, но я до сих пор думаю, что это была не самая честная причина.

— И часто это бывает нужно? — спросила я вместо этого.

— Раз в полгода. — Она чуть расслабилась. — Прошлой зимой у Галины из сорок четвёртой спор был по наследству, нужна была справка, кто в какие годы был прописан. В архиве города сказали — три месяца и госпошлина. Я ей нашла за вечер.

— И что она?

— Торт принесла. — Вера Антоновна поморщилась. — Я торты не ем.

Потом она встала, подошла к окну и посмотрела во двор — не с интересом, а привычно, как смотрят на телевизор в чужом доме.

— Ваш свёкор хорошо работал, — сказала она, не оборачиваясь. — Шкаф дубовый, а на торцах фанера. Значит, экономил, но делал на совесть. Это про человека много говорит.

— Он хороший был. — Я помолчала. — Умер три года назад.

— До развода или после?

— До.

— Значит, не узнал, — сказала она и отошла от окна. — Это хорошо.

Через два дня я зашла к ней вернуть линейку и застала её за столом.

Она работала. Перед ней лежал расчерченный лист, рядом — словарь, толстый, в коричневом переплёте, с закладками из нарезанных полосок бумаги. В руке карандаш. Она что-

то вписывала мелкими печатными буквами, считала клетки, стирала ластиком.

Я встала в дверях.

— Кроссворды?

Она не повернулась.

— Угу.

— Вы их составляете?

— Составляю.

— А куда?

Она положила карандаш.

— Нина, вам правда интересно или вы вежливость соблюдаете?

— Мне правда интересно, — сказала я. — Я редактор. Я на эти сетки смотрю, как на нотную запись.

Тогда она повернулась.

— В две газеты, — сказала она. — «Городские новости» берут раз в месяц, сканворд на полосу. И ещё есть издательство в Иванове, они сборники делают, им отправляю пачками, они из десяти берут три.

— Платят?

— Платят. — Пауза. — Немного.

Это «немного» было сказано ровно так, чтобы я не спросила сколько. Я и не спросила.

— Трудно, наверное.

— Трудно сетку закрыть. — Она явно обрадовалась, что разговор ушёл в технику. — Вот смотрите. — Она развер-

нула лист ко мне. — Вот это — четыре на пять, пересечений восемь. Я сюда поставила «амфора» и теперь у меня вот здесь вертикаль заканчивается на «ра». Слов на «...ра» мало, которые знают все. «Гитара», «фанера», «Самара». Если я поставлю «фанера», мне нужно определение, а определение к фанере — это смерть.

— Почему смерть?

— Потому что любое определение к фанере скучное. «Листовой древесный материал». Человек прочтёт и зевнёт. — Она постучала карандашом. — Кроссворд, Нина, — это не про слова. Это про то, чтобы человеку было приятно вспомнить. Он должен подумать: «а, я же это знаю». Вот в чём работа.

Она сказала это с такой точностью, что я засмеялась от удовольствия.

— Это ровно то же самое, что в редактуре.

— Только мне никто ещё не говорил — сказала Вера Антоновна и вдруг улыбнулась по-настоящему, широко, первый раз за всё наше знакомство.

Она налила чаю, достала банку варенья — чёрная смородина, густая, почти тёмная, — и поставила на стол вместе с двумя ложками.

— Из деревни?

— Из магазина, — сказала она. — Я давно не варю. Но ем только эту марку, она без крахмала.

Варенье было хорошее.

Мы просидели часа полтора. Она показала мне три готовых сетки и велела оценить определения — и я оценила, и мы поругались из-за слова «лацкан», которое я считала всем известным, а она утверждала, что человек в сорок лет лацкан уже не отличит от отворота. Потом она сказала, что люди вообще перестали знать названия вещей, и что в её словаре половина статей про предметы, которых больше нет, и что ей от этого не грустно, а интересно.

Телефон зазвонил, когда я уже собиралась уходить.

Кирилл.

Я посмотрела на экран дольше, чем следовало, и Вера Антоновна это заметила.

— Можете здесь, — сказала она. — Я в кухню уйду.

— Да нет, я дома.

— Нина. — Она уже вставала. — Вы с этим лицом до двери не дойдёте. Берите трубку.

И ушла на кухню, и демонстративно включила там воду.

— Да, — сказала я.

— Привет. — Голос у Кирилла был доброжелательный и слегка извиняющийся, он всегда такой. — Ты занята?

— Я у соседки.

— О, уже у соседки. — Он сказал это с одобрением, и от этого одобрения у меня свело скулы. — Молодец. Слушай, я по делу. Мне из налоговой пришло письмо на старый адрес, они до сих пор тебя тут держат. И ещё коробка твоих бумаг осталась, из-под дивана достал. Договоры какие-то, диплом.

— Диплом?

— Ну диплом, да. Ты его не забрала.

— Я его искала в июле.

— Ну вот он тут. — Пауза. — Я могу завезти. Или ты заедешь.

Я стояла в комнате Веры Антоновны, смотрела на недоделанную сетку кроссворда и думала о том, что мой диплом четыре месяца лежал под диваном, и Кирилл об этом не знал, и я об этом не знала, и ровно так же лежало всё остальное.

— Завези, — сказала я. — Только предупреди заранее.

— Конечно. — Он помолчал. — Как ты вообще?

— Нормально.

— Нин.

— Что?

— Ты всегда говоришь «нормально» таким голосом, как будто я тебя на экзамене спрашиваю. — Он вздохнул. Беззлобно, устало, как человек, который давно смирился. — Я же просто спросил.

И вот тут со мной произошла обычная вещь: я почувствовала себя виноватой.

Мгновенно, автоматически, как рефлекс. Он спросил почеловечески, а я ответила сухо, и значит, я опять неудобная, опять проверяющая, опять «с тобой тяжело».

— Прости, — сказала я. — Я нормально. Правда. Переехала, дом хороший, соседи приличные.

Я услышала, как произнесла это слово, и чуть не засмея-

лась.

— Вот и славно, — сказал Кирилл. — Я напишу, когда поеду.

Я вышла на кухню. Вера Антоновна сидела за столом и, по-моему, даже не делала вид, что чем-то занята.

— Муж? — спросила она.

— Бывший.

— По голосу бывший. — Она подвинула мне чашку. — Вы перед ним извинились.

Я остановилась.

— Вы слышали?

— Я слышала интонацию. Слов не разобрала. — Она пожала плечами. — У вас голос в конце пошёл вверх и стал мягкий. Так извиняются.

Я села.

— Ну извинилась. Он спросил, как я, а я огрызнулась.

— Вы огрызнулись?

— Я ответила «нормально».

Вера Антоновна помешала ложкой в чашке, в которой по-прежнему ничего не было.

— Я тридцать лет была замужем, — сказала она. — Володя был прекрасный человек, но у него была манера: он вздыхал. Я скажу что-нибудь резкое — он вздохнёт. Не скандалит, не обижается, просто вздохнёт и пойдёт в другую комнату. — Она подняла глаза. — И я за ним иду извиняться. Через раз. Лет двадцать подряд.

— И что?

— И ничего. — Я его любила, он меня любил, прожили хорошо. Я только после его смерти сообразила, что ни разу за тридцать лет не сказала ему, что этот вздох — свинство.

Она сказала это спокойно. Не жалуясь.

— Я вам не советую, — добавила она. — Я вообще советов не даю, от них одни обиды. Я просто рассказываю, как у меня было.

Я молчала. У меня в горле стояло что-то горячее и неудобное.

— Варенье доедайте, — сказала Вера Антоновна. — Банку всё равно открыли.

Дома я долго не могла сесть за работу.

Сидела на кухне, смотрела в окно на двор, где горели четыре фонаря из шести, и думала: вот человек, который прожил семьдесят шесть лет, и у неё есть архив, кроссворды, словарь с закладками и своё твёрдое мнение про лацканы. И она одна. И она не жалуется. И она сегодня впервые улыбнулась мне по-настоящему — когда речь зашла не о помощи, которую она мне оказывает, а о работе, которую она делает.

В одиннадцать пришло сообщение в чат.

Гречко П.С.: Уважаемые собственники. Повестка собрания 18 октября роздана в полном объёме. Если кто-то не получил, подойдите ко мне лично, я донесу.

Гречко П.С.: Отдельно обращаю внимание на вопрос № 4.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Павел Семёнович, вопрос № 4 сформулирован расплывчато. Что именно вы намерены сообщить?

Гречко П.С.: На собрании.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Собственники имеют право знать заранее.

Гречко П.С.: Собственники имеют право прийти.

Жанна, 41: Отправила смайлик.

Лариса Дёмина (кв.9): Друзья, давайте без нервов. Придём и всё узнаем, осталось три дня.

Валентина Петровна, 12: Главное что мы все приличные люди и разберёмся

Я прочитала это и подумала, что Гречко ведёт себя странно. Не таинственно — он не умел быть таинственным, — а как человек, который боится, что если начнёт объяснять заранее, то его успеют переубедить.

Потом я выключила телефон и легла.

Среди ночи мне показалось, что внизу хлопнула дверь подъезда, но это было в половине второго и, скорее всего, приснилось.

Глава 6. Не только про лифты

В среду вечером у меня кончилась соль.

Это самое дурацкое обстоятельство, какое можно себе представить, но от него зависело всё дальнейшее: если бы в половине десятого я не спустилась в магазин у шлагбаума за солью и хлебом, я бы не встретила Гречко на лестнице и не услышала бы того, что услышала.

Лифт, естественно, не работал. На дверях висела бумажка **«ВРЕМЕННО НЕ РАБОТАЕТ. МАСТЕР БУДЕТ УТРОМ»** — печатными буквами, синей пастой, без подчёркиваний.

Я пошла пешком вниз и на площадке между четвёртым и третьим столкнулась с ним.

Он сидел на подоконнике.

Не стоял, не шёл — сидел боком на широком подоконнике межэтажного окна, в той же серой жилетке, поставив рядом папку, и смотрел во двор. Лампочка на площадке горела вполнакала, и лицо у него было тёмное.

Я, честно говоря, вздрогнула.

— Ой. Павел Семёнович.

— Нина Андреевна. — Он слез с подоконника с некоторым усилием. — Извините, напугал.

— Вы чего здесь?

— Отдыхаю. — Он взял папку. — Я на шестом, а лифт не

ходит. В моём возрасте шестой этаж — это два привала.

— У вас всё в порядке?

— Да нормально всё. Сердце у меня хорошее, я проверялся в мае. — Он сказал это чуть раздражённо, как человек, которого слишком часто спрашивают про здоровье. — Вы вниз?

— За солью.

— А-а.

Мы постояли. Нормальный человек на моём месте сказал бы «ну ладно» и пошёл бы дальше. Но он не отходил от подоконника, и я почему-то тоже не пошла.

— Я ваши уведомления раздал, — сказал он. — Все сто восемь. В ящики не кидал, разносил по квартирам. Под роспись.

— Под роспись?

— У меня ведомость. — Он похлопал по папке. — Семьдесят четыре подписи. Остальных не застал, им в ящики, с отметкой.

— Это же три дня работы.

— Четыре вечера. — Он потёр ладонью колено. — Зато никто не скажет, что не знал. Это первое, что говорят, Нина Андреевна. Всегда. «А я не знал, меня не уведомили, я бы пришёл и голосовал по-другому».

Он говорил нормально, обстоятельно, но что-то в нём было не так, и я не сразу поняла что. Потом поняла: он не торопился. Человек, который четыре вечера разносил бумажки

под роспись, не сидит на подоконнике просто так в половине десятого.

— Павел Семёнович, — сказала я. — Вас что-то беспокоит.

Он посмотрел на меня.

— С чего вы взяли?

— С того, что вы сидите в темноте на чужом этаже.

— Это не чужой этаж, это мой подъезд, — сказал он. И потом, после паузы: — Беспокоит, да.

Он снова сел на подоконник. Положил папку на колени, обеими руками сверху.

— Вы в субботу придёте?

— Приду.

— Приходите обязательно. — Он посмотрел в окно. — В субботу будет не только про лифты.

— Вы это уже писали в чате.

— Я в чате написал «вопрос номер четыре». А я вам говорю словами. — Он помолчал. — Будет неприятный разговор. При людях.

— С управляющей компанией?

— Если бы.

Я ждала. Он молчал, и я видела, что он взвешивает — говорить дальше или нет.

— Вы знаете, что у нас на крыше? — спросил он вдруг.

— Нет.

— Три провайдера. Оборудование. Ещё мачта сотовая,

это отдельный договор. И баннер на торце, со стороны улицы, там стоматология рекламируется. — Он загибал пальцы, и было видно, что он это перечисляет не первый раз. — Это всё — общее имущество. Моё, ваше, Веры Антоновны, Жанны. Крыша и стена дома. За них платят.

— Сколько?

— Прилично, — сказал он. — В год — прилично.

— И куда идут деньги?

— А вот это, — сказал Гречко, — и есть вопрос номер четыре.

Он сказал это без драматизма. Скорее устало.

— Вы кого-то подозреваете?

— Я не подозреваю, Нина Андреевна. Подозревают в кино. — Он потёр переносицу. — Я собрал документы. Все. Акты сверки от провайдеров, договоры, выписку по счёту дома за три года. Это заняло у меня два месяца, потому что одни отвечают быстро, другие по полгода, а третьим надо письменный запрос на бланке.

— И что в документах?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— В документах нестыковка, — сказал он. — Большая.

— Насколько большая?

— Достаточно, чтобы я сюда сел.

Я стояла на две ступеньки выше него, с кошельком в кармане куртки, и думала, что надо что-то сказать, а он ждал — я видела, что он ждёт, — и я ляпнула единственное, что

пришло:

— Вы в полицию обращались?

Он усмехнулся. Совсем невесело.

— Нет.

— Почему?

— По двум причинам. — Он поднял палец. — Первая: я не следователь и могу ошибаться в цифрах. Я всё-таки дорожник, а не бухгалтер. Мне надо, чтобы человек сначала сам объяснил. Может, я чего-то не понимаю. — Второй палец. — Вторая: я два года подписывал акты не читая.

Он сказал это ровно и посмотрел мне в лицо, проверяя, поняла ли я.

Я поняла.

— То есть вы...

— Я там стою, — сказал Гречко. — В каждом документе. Моя подпись. Я их подписывал, потому что мне их приносили готовые, и мне говорили: Павел Семёнович, тут всё как в прошлый раз, только сумма другая. И я подписывал. Семь лет я председатель, и первые пять я хотя бы читал. А последние два — нет.

— Почему?

— Потому что устал, — сказал он. — Потому что, когда человек тебе всё время помогает, неудобно читать при нём то, что он тебе принёс. Выглядит как недоверие.

В подъезде было очень тихо. Где-то наверху работал телевизор.

— Так что, — сказал он, — если это пойдёт в полицию, я там буду не заявитель. Я там буду второй фамилией в списке. И правильно.

— Вы поэтому собрание собрали?

— Я поэтому собрание собрал. — Он встал, подтянул папку под мышку. — Пусть люди услышат от меня. Сначала от меня, а потом уже что будет. Я не хочу, чтобы они узнали из бумажки.

Он пошёл вверх, но на третьей ступеньке остановился.

— Нина Андреевна. Вы человек в доме новый.

— Неделю с небольшим.

— Это хорошо. — Он не оборачивался. — Вы ни с кем ещё не успели подружиться настолько, чтобы вам было неловко.

— Павел Семёнович, вы меня пугаете.

— Я не пугаю. — Теперь он обернулся. — Я прошу прийти. Если в субботу во дворе будет двадцать человек, я ничего не докажу. Там нужно больше половины. Понимаете?

— Понимаю.

— Вот и приходите. — Он подумал и добавил: — И ещё. Если вас кто-нибудь будет спрашивать, о чём мы с вами говорили, — скажите, что про запятые.

Я засмеялась. Он — нет.

— Я серьёзно, — сказал он. — Это не игра в шпионов. Просто я не хочу, чтобы человек узнал от вас раньше, чем от меня. Это было бы некрасиво по отношению к нему.

И вот это, пожалуй, была самая странная вещь из всего, что он сказал. Он беспокоился о приличиях по отношению к тому, кого собирался при всех обвинить.

— Я скажу, что про запятые, — пообещала я.

— Спасибо. Идите за солью, магазин до десяти.

В магазине я купила соль, хлеб, молоко и — зачем-то — бутылку вина, которую потом не открыла.

Обратно шла медленно. Во дворе было пусто, горели окна, у третьего подъезда кто-то выгуливал собаку, подсвечивая себе телефоном. Чёрного джипа не было, его в итоге убрали во вторник, и чат по этому поводу выпустил три поздравительных сообщения и один укол в сторону Шпака.

Я поднималась пешком и на четвёртом этаже встретила Ларису.

Она шла сверху, в домашней куртке поверх халата, с пустым ведром.

— Ой, Нин! Привет! — Она обрадовалась так искренне, что я тоже обрадовалась. — Ты чего пешком?

— Лифт.

— А, ну да. — Она переложила ведро в другую руку. — Я к Валентине Петровне ходила, у неё батарея не греет, завтра Азамата приведу. А ведро зачем взяла — не помню уже. Склероз.

— Слушай, я Гречко внизу встретила.

Я сказала это просто так. Без всякого умысла. Мы стояли на площадке, надо было что-то говорить, и это было самое

свежее, что у меня было.

— Павла Семёновича? — Лариса поправила воротник. — Он чего, тоже пешком?

— Сидел отдыхал на третьем.

— Ох. — Она покачала головой. — Ему бы к врачу сходить, а он кремень. Ему в июне плохо было во дворе, присел на лавку, я ему давление померила — сто семьдесят. Говорю: Павел Семёнович, вызываем. А он: Лариса, я сам знаю, когда вызывать.

— Он сказал, сердце проверял в мае.

— Он много что говорит. — Она улыбнулась. — О чём болтали-то?

— Про запятые, — сказала я.

И почувствовала себя при этом идиоткой.

— Про что? — Лариса засмеялась.

— Он мне уведомления давал вычитывать. У него там ошибки были. Теперь приносит исправленное и спрашивает, правильно ли.

— А-а, ну да, он же тебя нашёл. — Она закатила глаза с нежностью. — Нин, он теперь от тебя не отстанет. Он в прошлом году нашёл Галину из сорок четвёртой, потому что она бухгалтер, и полгода носил ей сметы. Галина пряталась.

— Я не буду прятаться.

— И зря. — Лариса переступила с ноги на ногу. — Он хороший мужик, честный, но он въедливый до невозможности. Ему всё надо довести до конца, даже если конца нет.

Она сказала это с теплотой. Я в этом уверена — именно с теплотой, я прокручивала потом эту минуту много раз и всегда слышала одно и то же.

— Он волнуется перед собранием, — сказала я.

— Он всегда волнуется. — Лариса вздохнула. — В том году у него на собрании руки тряслись, он бумажку держал и не мог прочитать. Я ему: давайте я прочту. А он: нет, Лариса, я сам.

Она помолчала секунду.

— Ты придёшь в субботу?

— Приду.

— Приходи. — Она вдруг посмотрела на меня по-другому, оценивающе. — Нин, можно совет? Ты только не обижайся.

— Давай.

— Не лезь, — сказала Лариса. — В смысле — ходи, голосуй, это нормально. Но не лезь глубоко. Тут все друг друга двадцать лет едят, и у каждого свои счёты, и тебе это не нужно. Ты сюда жить приехала, а не в комиссию по этике.

— Ты сама лезешь.

— Я дура, — сказала она просто. — Я десять лет лезу и за это десять лет виновата. Не повторяй.

Она пошла вниз со своим пустым ведром.

— Спокойной ночи! — крикнула она с третьего. — Шуруповёрт не отдавай!

Я поднялась на шестой, открыла дверь, поставила пакет на

пол в прихожей и некоторое время стояла, не снимая куртку.

Мне было неуютно. Я пыталась понять почему, и получалось примерно так: за час я поговорила с двумя людьми, которые оба мне симпатичны, и оба сказали мне про третьего что-то хорошее, и при этом одна из этих бесед была про то, что в доме кто-то берёт чужие деньги.

Я вымыла руки, убрала продукты и села работать. Проработала до часу ночи.

Около двух я легла.

И примерно без десяти двенадцать — то есть на два часа раньше, когда я ещё сидела над файлом в наушниках, — внизу хлопнула дверь подъезда.

Я это запомнила только потому, что в наушниках как раз закончился трек, и в наступившей тишине звук пришёл снизу очень отчётливо: сначала глухой удар двери, потом голоса. Два. Один ниже, другой выше. Они не кричали, но говорили на повышенных, и слов разобрать было нельзя — только ритм: короткая фраза, длинная фраза, опять короткая.

Я сняла один наушник и послушала.

Это продолжалось меньше минуты. Потом стало тихо, потом что-то негромко стукнуло, потом снова хлопнула дверь.

Я надела наушник обратно.

У меня даже мысли не возникло подойти к окну. В доме сто восемь квартир, вечер среды, кто-то с кем-то ругается у подъезда — это не событие, это фон. За неделю до того я слышала, как женщина внизу полчаса по телефону объясня-

ла кому-то, что он ей не звонил на день рождения.

Я доработала абзац, закрыла ноутбук и пошла спать.

Вот что я знаю точно: дверь хлопнула, голоса были, их было два, и один из них был женский.

Всё остальное я узнала позже и не сама.

Глава 7. Шесть конвертов

Четверг начался с того, что Лев Борисович не позвонил.

Я заметила это около девяти и сперва обрадовалась, а потом забеспокоилась и сама набрала его в одиннадцать. Он взял трубку бодро и сообщил, что был у кардиолога, что кардиолог молодой и ничего не понимает, и что про сто четырнадцатую страницу он подумал, и я была права.

— Только не привыкайте, — сказал он.

Я работала до двух. Потом вышла вынести мусор и в холле увидела Жанну.

Она стояла у почтовых ящиков с телефоном у уха и выглядела не как обычно. Жанна всегда занимала много места — голосом, движениями, яркой курткой. А тут она стояла неподвижно, прижавшись плечом к стене, и говорила тихо.

— ...я понимаю. Да. Нет, я понимаю. — Пауза. — В понедельник. Ну в понедельник же.

Она увидела меня и отвернулась к ящикам.

Я прошла мимо, вынесла мусор, вернулась. Жанна всё ещё была там, уже без телефона, и смотрела в свой ящик через щель, как будто надеялась, что внутри что-то изменилось за последние три минуты.

— Жанна, здравствуйте.

— А. Привет. — Она дёрнула дверцу ящика, та не поддалась. — Ключ дома. Вечно забываю.

— Всё нормально?

— Нормально, — сказала она слишком быстро. — У вас когда стричься? Я в выходные свободна, суббота вся занята собранием этим, а в воскресенье давайте.

— Давайте.

— В двенадцать?

— Давайте в двенадцать.

Она кивнула, застегнула куртку до горла и ушла. Я постояла немного и поехала наверх.

Это был первый раз, когда мне показалось, что в доме что-то не так. И я, конечно, объяснила это себе совершенно неправильно: решила, что у Жанны неприятности с деньгами. В этом я, как выяснилось, не ошиблась. Я ошиблась во всём остальном.

Около четырёх в чат написал Шпак.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Уважаемые собственники. Я с утра пытаюсь связаться с Павлом Семёновичем по вопросу регламента собрания. Телефон не отвечает. Если кто-то его видел — прошу сообщить.

Галина, кв.44: Он утром в магазине был? Или это вчера

Лариса Дёмина (кв.9): Я тоже ему звонила, не берёт. Может, на даче? У него участок под Некрасовским.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: За два дня до собрания?

Лариса Дёмина (кв.9): Эдуард Львович, у человека может быть жизнь. Он взрослый мужчина.

Жанна, 41: А он всегда трубку берёт вообще-то

Валентина Петровна, 12: Может телефон сел

Я прочитала это и ничего не подумала. Вообще ничего. Человек не отвечает полдня — это не новость.

В шесть я спустилась к Вере Антоновне — отдать ту самую линейку, которую опять забыла отдать в прошлый раз, и заодно показать ей три определения, которые я для её кроссворда придумала ночью вместо работы.

Она открыла не сразу.

— Я занята, — сказала она через щель. — Давайте завтра.

— Я на две минуты.

— Нина. — Дверь приоткрылась чуть шире, и я увидела, что она в уличной одежде, в той же куртке, в которой ходила на субботник. — Завтра.

— Вы куда-то собираетесь?

— Я собираюсь полежать, — сказала она. — У меня давление.

И закрыла дверь.

Я стояла на площадке с линейкой в руках и чувствовала себя полной дурой. Сначала разозлилась — на себя, за то, что лезу; потом на неё, за то, что так резко; потом снова на себя, за то, что злюсь на семидесятишестилетнего человека с давлением.

Так я и ушла к себе, и весь вечер мне было неприятно.

Письма я увидела в двадцать минут десятого. Я спускалась вниз, потому что приехал курьер с заказом, который я ждала третий день. В холле первого этажа под почтовой ни-

шей стояли трое.

Галина из сорок четвёртой — я её знала только по чату и в лицо помнила смутно, крупная женщина в очках. Мужчина, которого я вообще не знала. И Валентина Петровна из двенадцатой, маленькая, в вязаной кофте поверх пижамы, с ключом от ящика в руке.

Все трое держали в руках одинаковые белые конверты.

— ...а я говорю — нет марки, — говорила Галина. — Смотрите. Ни марки, ни штампа. Значит, не почтой.

— Так и адреса нет, — сказал мужчина. — Только квартира. «кв.44». Печатными.

— Напечатано, а не от руки.

Они увидели меня и замолчали — коротко, на секунду, как замолкают, когда входит кто-то, кого ещё не определили в свои.

— Здравствуйте, — сказала я. — Что случилось?

— Да вот. — Галина показала конверт. — Разложили по ящикам. У вас есть?

Я подошла к нише. Мой ящик был шестидесятым, во второй секции, третий ряд снизу.

Я посмотрела в щель.

Пусто. Только край рекламной листовки, которую я не вынимала с переезда.

— У меня нет.

— Значит, не всем, — сказал мужчина с какой-то, как мне показалось, досадой. — Мне тоже нет. Я зашёл, увидел — у

Галины Павловны есть, стою смотрю.

— А вы читали? — спросила я.

Галина посмотрела на конверт в своей руке.

— Я читала, — сказала она. — Это не мне. То есть в ящике моём, а написано не про меня.

— А про кого?

— Про Жанну, — сказала Валентина Петровна.

Повисла пауза.

— У меня тоже про Жанну, — сказала Галина. — Валентина Петровна, у вас такое же?

— У меня про другое, — сказала Валентина Петровна и прижала конверт к груди. — У меня про квартиру семьдесят пять.

Я поняла в эту секунду одну важную вещь, и она была неприятная: письма получили не все, и каждому досталось не про себя, а про соседа.

— Можно? — спросила я у Галины.

Она протянула мне лист, не раздумывая. Протянула даже охотно.

Белая бумага, обычная офисная, формат А4, сложенная втрое. Напечатано на принтере. Шрифт крупный, с засечками. Текст занимал меньше половины страницы.

Без заголовка. Без обращения. Без подписи.

«Ж.В. Коваль, кв. 41, в июле 2025 г. получила от П.С. Гречко денежные средства в сумме 180 000 рублей. Расписка не составлялась.

По состоянию на сентябрь 2025 г. возврат не производился.

В августе 2025 г. в отношении Ж.В. Коваль вынесен судебный приказ о взыскании задолженности (мировой судья судебного участка № 2 Северного района).

16 октября 2025 г. П.С. Гречко не выходит на связь».

Всё.

Я прочитала это два раза.

Дальше я опишу то, что со мной произошло, как можно точнее, потому что это важно для всего остального.

Первое, что я почувствовала, — холод в затылке. Самый обычный, физический. Потому что четыре фразы, поставленные подряд, сложились в одну мысль, и мысль эта была: Жанна взяла деньги, не отдала, и теперь человек пропал.

И только через несколько секунд — я правда засекала потом, несколько секунд, не меньше, — включилась моя профессия.

Потому что в тексте не было ни одного обвинения.

Ни одного. Я проверила по словам: «получила», «не составлялась», «не производился», «вынесен», «не выходит на связь». Ни «похитила», ни «подозревается», ни «возможно». Ни единого оценочного слова. Ни одного вопросительного знака. Четыре констатации, три из которых, скорее всего, можно проверить.

Обвинение сделала я сама. У себя в голове. За полторы секунды.

— Ну что? — спросила Галина. — Вы же редактор, вам виднее.

— Кто вам сказал, что я редактор?

— Так все знают.

Я опустила лист.

— Здесь ничего не написано, — сказала я.

— Как ничего? — Галина возмутилась. — Тут всё написано!

— Тут написаны четыре факта. Между ними нет ни одной связки. «Поэтому», «следовательно», «в связи с этим» — нет. Автор просто поставил их рядом.

— И что?

— И вы связали их сами.

Галина посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который объясняет шутку.

— Девушка, — сказала она. — Она взяла у него сто восемьдесят тысяч. Она их не отдала. У неё суды. А его нет. Это, по-вашему, что?

— По-моему, это четыре отдельных обстоятельства.

— Ну-ну, — сказала Галина.

Внизу хлопнула дверь, и в холл вошёл Шпак. В плаще, с зонтом, хотя дождя не было. Он сразу увидел конверты.

— Та-ак, — сказал он. — Значит, и здесь.

— И у вас? — спросила Валентина Петровна.

— У меня в первом подъезде. — Он поставил зонт. — Шесть конвертов на три подъезда, из них в первом три. Я

опросил.

— Когда вы успели опросить?

— Двадцать минут назад. — Он протянул руку. — Позвольте?

Галина отдала ему лист. Он надел очки, прочёл, держа бумагу на вытянутой руке, и его лицо изменилось — он помрачнел не сразу, а постепенно, к третьей строчке.

— Судебный приказ, — сказал он. — Номер участка указан. Это проверяется за пять минут.

— Как?

— На сайте мирового суда. Там публикуются сведения. — Он достал телефон. — Если она должник, это открытая информация.

— Эдуард Львович, — сказала я. — Не надо.

Он поднял на меня глаза.

— Простите?

— Не проверяйте. Это ровно то, чего от вас хотят.

— Девушка, — сказал он, и я в третий раз за вечер услышала это обращение, — информация либо достоверна, либо нет. Проверка — это единственный способ не стать орудием.

— Проверка подтвердит, что у Жанны долги. И завтра весь дом будет знать, что у Жанны долги, и это всё, чего автор добивался.

— А если не подтвердит?

Я замолчала, потому что он был прав, и это было хуже всего.

— Вот именно, — сказал Шпак. — Если не подтвердит, то вся бумага — клевета, и я первый скажу это вслух.

Он проверил. При нас, стоя в холле.

Подтвердилось.

Шпак убрал телефон, снял очки и некоторое время молчал. Было видно, что он не обрадовался.

— Задолженность по договору займа, — сказал он. — Микрофинансовая организация. Сумма меньше, чем в письме, там про другое. Но приказ есть.

Валентина Петровна охнула.

— Жанночка-то.

— Валентина Петровна, — сказал Шпак, — у половины страны судебные приказы. Это не характеризует человека.

— А про Павла Семёновича там правда? — спросила Галина. — Про сто восемьдесят тысяч?

— Вот этого, — сказал Шпак, — проверить нельзя. Расписки нет, и в письме прямо указано, что её нет. — Он посмотрел на лист ещё раз. — Умно.

— Что умно?

— Всё, — сказал он. — Три факта проверяемых и один непроверяемый. Проверяемые подтверждаются. И вы автоматически верите четвёртому.

Я посмотрела на него с неожиданным уважением. Он думал о том же, о чём я, только дошёл быстрее.

— Эдуард Львович. Сколько всего писем?

— Шесть, о которых я знаю. Может быть, больше, не все

ещё пришли с работы. — Он загибал пальцы. — Про Коваль — два. Про квартиру семьдесят пять, это Таиров, — одно. Про Дёмину — одно.

— Про Ларису?

— Про Ларису Валерьевну, да. — Он поморщился. — Там, кстати, ерунда. Что она в двадцать втором году собирала деньги на камеры и камер нет. Это весь дом знает три года.

— А ещё два?

Шпак помедлил.

— Одно про меня, — сказал он.

Он сказал это ровно, но я увидела, что ему стоило усилия.

— И что там?

— Неважно.

— Эдуард Львович.

— Я сказал: неважно. — Он взял зонт. — Там изложены обстоятельства моей трудовой биографии, изложены в целом верно, и я не намерен их обсуждать в подъезде в десять вечера.

— А шестое?

— Шестое в ящике семьдесят третьей квартиры, и семьдесят третья квартира его ещё не вынимала. — Он посмотрел на меня. — Я не вскрываю чужие ящики.

Мы вчетвером стояли в холле под лампой, и я помню, что было очень тихо и что от конвертов на ладони Галины шёл слабый запах типографской бумаги.

— Так, — сказал Шпак наконец. — А где Павел Семёно-

вич?

Никто не ответил.

— Со вчерашнего вечера, — сказал он, — его никто не видел. Телефон не отвечает с утра. И сегодня по ящикам разносят бумагу, в которой он упомянут.

— Эдуард Львович, не каркайте, — сказала Валентина Петровна.

— Я не каркаю, Валентина Петровна. Я устанавливаю последовательность.

Он пошёл к лифту, потом остановился.

— Нина Андреевна. Вы ведь на шестом во втором?

— Да.

— Поднимитесь, пожалуйста, к Шапкиной Вере Антоновне. Она на вашей площадке.

— Зачем?

— Затем, что у неё, по моим сведениям, конверта нет, — сказал Шпак. — И у вас нет. И у меня, как ни странно, есть. — Он вызвал лифт. — Я не делаю выводов. Я собираю данные.

Лифт приехал, он вошёл, двери закрылись.

Я не пошла к Вере Антоновне.

Я поднялась к себе, поставила не распакованную лампу в угол прихожей, села на кухне и открыла чат.

Там уже было сорок сообщений.

Галина, кв.44: Люди у кого ещё письма??

Галина, кв.44: Белый конверт без марки

Жанна, 41: какие письма

Галина, кв.44: Жанна вам лучше не надо

Жанна, 41: В смысле мне лучше не надо

Жанна, 41: Галина Павловна что за письма???

Валентина Петровна, 12: Девочки давайте утром

Жанна, 41: КАКИЕ ПИСЬМА

Через четыре минуты:

Лариса Дёмина (кв.9): Друзья, стоп. Всем спокойно.

Лариса Дёмина (кв.9): Да, у меня тоже конверт. Да, там про меня, про деньги на камеры. Я его прочитала и мне, честно говоря, мерзко. Не от содержания — там всё старое и всем известное, — а от того, что кто-то ходил ночью по подъездам и раскладывал это по ящикам.

Лариса Дёмина (кв.9): Предлагаю: не пересылать друг другу, не обсуждать содержание до собрания. В субботу соберёмся и решим, что делать. Если понадобится — пойдём в полицию.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Лариса Валерьевна, вынужден согласиться. Редкий случай.

Жанна, 41: А про меня там что

Жанна, 41: Лариса что про меня

Лариса Дёмина (кв.9): Жанн, позвони мне.

Жанна, 41: Нет, ты в чате напиши

Жанна, 41: Раз уж все прочитали пусть и я прочитаю

Жанна была в сети ещё минут двадцать. Потом вышла и больше в тот вечер не появлялась.

Я сидела над телефоном, и у меня в голове крутилось одно и то же.

Шесть писем. Четверг. Собрание в субботу.

Человек, который два месяца собирал документы о пропавших деньгах, не отвечает с утра.

И ещё — я вспомнила это только около полуночи, когда уже лежала, — вчера он сидел на подоконнике между третьим и четвёртым и сказал: «Если вас кто-нибудь будет спрашивать, о чём мы говорили, скажите, что про запятые».

Я написала ему в мессенджер: «Павел Семёнович, вы где? В доме письма. Ответьте, пожалуйста».

Сообщение ушло. Одна галочка.

Вторая не появилась.

Глава 8. Собрание, которого не было

В пятницу дом не работал, не учился и, по-моему, не ел.

Я вышла в девять в магазин и за двадцать минут узнала больше, чем за предыдущую неделю. У подъезда стояли четверо. У баков — двое. На лавке у площадки сидели Валентина Петровна и ещё одна старушка, которую я до того не видела, и обсуждали всё по второму кругу, с подробностями, которых не было ни в одном письме.

К полудню выяснилось, что писем не шесть, а семь: седьмое обнаружилось в ящике двадцать восьмой квартиры, хозяева приехали из отпуска и нашли его вместе с квитанциями.

К двум часам я знала содержание всех семи. Не потому, что искала, — мне их рассказали. Три раза, разными людьми, с нарастающими искажениями.

Галина Павловна из сорок четвёртой пересказывала письмо про Жанну так: «Она у него взяла двести тысяч и не отдавала, он требовал, а она сказала — не отдам». В письме этого не было. Там вообще не было ни слова о том, что Гречко требовал.

Валентина Петровна — так: «В семьдесят пятой квартире живут приезжие, которые меняются каждую неделю, и Рус-

лан за это берёт деньги, а в доме дети». В письме было написано: «В кв. 75 (собственник Р.Э. Таиров) с января 2025 г. зафиксировано не менее 40 случаев краткосрочного проживания третьих лиц. Договор найма в УК не представлен». Про детей не было ничего.

Про Шпака говорили шёпотом и с удовольствием.

— А он, оказывается, никакой не адвокат, — сказала мне женщина у подъезда, которую я не знала даже по чату. — Сорок лет людям врал.

— Он не говорил, что адвокат.

— Он говорил «как адвокат заявляю»!

— Это оборот речи.

— Ну-ну, — сказала женщина.

Это «ну-ну» я за два дня услышала раз восемь. Оно стало главным словом дома.

Жанна в пятницу не выходила.

Я знаю это точно, потому что в двенадцать постучала к ней — сорок первая, второй подъезд, второй этаж, — и за дверью было слышно телевизор и шаги, и мне не открыли. Я постучала второй раз, сказала в дверь: «Жанна, это Нина из шестидесятой», — и шаги прекратились.

Я ушла.

В чате к вечеру случилось то, что я потом поняла как первый по-настоящему скверный признак.

Галина, кв.44: А давайте по-честному. Кто-то же эти письма принёс. И этот кто-то в доме живёт.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Разумеется в доме. Либо имеет доступ в подъезды.

Галина, кв.44: Так вот я и говорю

Лариса Дёмина (кв.9): Галина Павловна, давайте не начинать. Утром мне позвонила Жанна в слезах. Я не хочу, чтобы в доме начали тыкать пальцами. Это именно то, ради чего всё и сделано.

Галина, кв.44: А что по-вашему делать? Сидеть и ждать?

Лариса Дёмина (кв.9): Ждать собрания. Один день.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Собрание проводит председатель совета дома. Председатель отсутствует. Кто его проводит?

Пауза в четыре минуты.

Лариса Дёмина (кв.9): Собрание проводят собственники. Председателя собрания выбирают первым пунктом повестки, это, кстати, тоже есть в уведомлении. Так что соберёмся и выберем.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Благодарю за разъяснение. Я в курсе.

Я перечитала это дважды и отметила, что Лариса знает повестку наизусть — вплоть до того, какой пункт первый. Тогда я объяснила это просто: она член совета дома, она эту повестку, наверное, и помогала составлять.

Это было разумное объяснение. Оно и оказалось почти правильным.

В пятницу вечером я пошла к Вере Антоновне.

На этот раз она открыла.

— Заходите, — сказала она, не дав мне поздороваться. — Я вам вчера нагрубила.

— Вы не грубили.

— Я закрыла дверь перед человеком, который пришёл с линейкой и хорошим настроением. Это грубость. — Она пошла в кухню. — У меня правда было давление. Но я могла сказать иначе.

Она налила чай. Я заметила, что на столе лежит сложенная газета и в ней что-то обведено, но она сдвинула её к краю.

— Вы про письма знаете? — спросила я.

— Мне Галина рассказала. Два раза. — Вера Антоновна села. — С разными деталями.

— Мне тоже два раза. С третьими.

— Это нормально. Люди не врут, они пересказывают. — Она подвинула мне вазочку. — А вы читали сами?

— Одно. Про Жанну.

— И что?

Я рассказала ей то, что говорила Шпаку в холле: про отсутствие связок, про четыре факта подряд, про то, как вывод делает читающий. Вера Антоновна слушала очень внимательно, не перебивая, и в середине моего объяснения отставила чашку.

— То есть, обвинения нет, — сказала она.

— Обвинения нет. Есть монтаж.

— Хорошее слово.

— Это не моё слово. Это из кино. — Я повертела чашку. — В тексте то же самое. Берёшь две правдивые фразы, ставишь рядом, убираешь то, что между ними, — и получается третья фраза, которой ты не написал. И за неё нельзя привлечь, потому что её нет.

Вера Антоновна молчала довольно долго.

— Нина, — сказала она потом. — А вы могли бы такое написать?

Я опешила.

— В каком смысле?

— В прямом. Технически. Вы же этим занимаетесь — словами.

— Технически — наверное, да, — сказала я медленно. — Но для этого надо не уметь писать. Надо знать то, чего я не знаю. Про суды, про расписки, про квартиру семьдесят пять. Это не литературная работа, Вера Антоновна. Это работа архивная.

Я сказала это и не придала этому значения.

Она посмотрела в сторону и поправила газету на краю стола.

— Да, — сказала она. — Архивная.

— А вы? — спросила я.

— Что я?

— Вы бы могли?

Это был праздный вопрос. Я задала его из той же дурацкой симметрии, с которой люди спрашивают «а ты?» после

«я бы не смогла».

Вера Антоновна встала и понесла чашку в раковину, хотя чай не допила.

— Я бы смогла, — сказала она от раковины. — Я тридцать лет писала документы, в которых каждое слово проверяемое. Это ровно та же работа, только с другой целью.

Я засмеялась. Она не обернулась.

— Про Павла Семёновича никаких новостей? — спросила она.

— Никаких. Телефон не отвечает, сообщения не доходят.

— Не доходят или не прочитаны?

Вопрос был точный, и я удивилась.

— Не доходят, — сказала я. — Одна галочка.

— Значит, телефон выключен или без сети, — сказала Вера Антоновна. — Это разные вещи, но для вас одинаковые.

Она вытерла руки полотенцем и повернулась ко мне.

— Нина. — Голос у неё был ровный. — С Павлом Семёновичем ничего не случилось.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Я так думаю. — Она повесила полотенце. — Он взрослый человек, у него есть дача, есть дочь в Москве, есть своя жизнь, о которой нам с вами ничего не известно. Он не школьник, чтобы отмечаться.

— У него собрание через день. Он к нему два месяца готовился.

— Вот именно, — сказала она. — И, может быть, у него

нервы.

Я смотрела на неё и чувствовала, что разговор свернул куда-то не туда, и не могла понять куда. Она говорила разумные вещи. Каждая фраза по отдельности была совершенно нормальной. Но вместе они складывались в странное: человек, который за неделю показался мне самым внимательным во всём доме, вдруг уверял меня, что беспокоиться не о чем, — и уверял слишком настойчиво для того, кто просто предполагает.

— Вера Антоновна, — сказала я. — А вы его видели? После среды?

— Нет, — сказала она.

И пошла включать чайник, который уже кипел.

Суббота была ветреная и солнечная.

К двенадцати во двор вынесли из кладовки две скамейки, стол и переносную колонку с микрофоном — Лариса принесла, оказалось, что она каждый год приносит свою. Народ собирался медленно, кучками, и кучки не смешивались.

Я пришла в двенадцать и встала у тополей, потому что там стояла Вера Антоновна. Она пришла раньше меня, с собственным складным стульчиком, и сидела на нём очень прямо, в платке, с сумкой на коленях.

— Сколько людей надо для кворума? — спросила я.

— Больше половины голосов. Не людей — голосов, по метрам. — Она оглядела двор. — Тут человек сорок. Будет шестьдесят-семьдесят, если повезёт.

— Этого хватит?

— Нет.

В двенадцать десять Лариса включила микрофон, и он завыл.

— Так, друзья! Внимание! Внимание, пожалуйста! — Она постучала по микрофону. — Добрый день всем. Кто ещё идёт — звоните, пусть выходят, у нас по явке плохо.

— А председатель где? — крикнули из толпы.

— Павел Семёнович не вышел на связь. — Лариса сказала это громко и спокойно. — С четверга. Я звонила, я ходила, я стучала в дверь. Дома не открывают.

Двор загудел.

— Так, тихо! Тихо, пожалуйста! — Она подняла руку. — По повестке. Первый вопрос — выборы председателя и секретаря собрания. Есть предложения?

— Вас, Лариса Валерьевна! — крикнула Галина.

— Нет, — сказала Лариса. — Я член совета дома, по четвёртому вопросу у меня может быть личная заинтересованность, и я не хочу, чтобы потом говорили. Предлагайте другого.

— Эдуарда Львовича, — сказал кто-то.

Шпак вышел вперёд.

Он был в костюме. Не в плаще — в костюме, с галстуком, и держал в руках ту же папку, с которой приходил на субботник.

— Я согласен, — сказал он. — Но прежде чем вести со-

брание, я считаю необходимым сказать следующее.

— Эдуард Львович, сначала проголосуем! — сказала Лариса.

— Лариса Валерьевна, позвольте мне тридцать секунд.

Он взял микрофон сам. Она отдала — я видела, что она не хотела, но не стала вырывать на людях.

— Уважаемые соседи. — Голос у Шпака в микрофоне стал гулкий и неприятный. — В четверг вечером в семи почтовых ящиках нашего дома появились анонимные письма. Я одно из них получил. В нём изложены сведения, касающиеся меня лично, и я скажу о них сам, потому что не желаю, чтобы за меня говорил кто-то другой.

Двор замолчал. По-настоящему, так, что стало слышно ветер в тополях.

— Я не адвокат, — сказал Шпак. — Я никогда не был адвокатом. Я сорок один год работал юрисконсультом на моторном заводе. Удостоверения адвоката у меня нет, членства в палате нет, и я никогда не утверждал обратного. — Он выдержал паузу. — Я пользуюсь выражением «как адвокат заявляю». Это фигура речи. Признаю, что она вводит в заблуждение, и больше употреблять её не буду.

Он сказал это очень ровно, и я вдруг поняла, чего ему это стоит, и мне стало тяжело на него смотреть.

— Да кто ж на вас смотрел-то, Эдуард Львович, — сказала какая-то женщина сочувственно, и получилось хуже всего остального.

— Теперь по существу. — Он поднял папку. — Факт первый: в среду вечером Павла Семёновича в последний раз видели в доме. Факт второй: в четверг утром он перестал отвечать. Факт третий: в четверг вечером разложены письма. Факт четвёртый: в одном из писем он упомянут в связи с денежной суммой.

— Эдуард Львович! — Лариса шагнула к нему.

— Я не делаю выводов, Лариса Валерьевна. — Он не отдал микрофон. — Я предлагаю собранию принять решение: обратиться в полицию с заявлением о розыске. Сегодня. Силами собрания, а не одного инициативного лица.

— Да! — сказал кто-то.

— Правильно!

— А чего не вчера-то?

И тут всё поехало.

Я не смогу восстановить следующие двадцать минут по порядку, потому что говорили одновременно и из разных мест двора.

Галина кричала, что надо сначала разобраться с письмами, потому что «если про Жанну правда, то и остальное правда». Кто-то крикнул: «А где Жанна?» — и выяснилось, что Жанны нет. Валентина Петровна громко сказала, что в полицию идти стыдно, потому что в доме все приличные, и человек, может быть, просто поехал на дачу. Мужчина из первого подъезда спросил, кто вообще отвечал за деньги с крыши. Лариса ответила, что отчёт был в двадцать третьем

году и всё было на стенде, а он сказал, что он не видел, а она сказала, что стенд висит в холле, и он сказал, что он в холле не читает, и это заняло минут пять.

Потом из середины двора кто-то негромко, но очень отчётливо спросил:

— А письма-то кто писал?

И стало тихо.

Шпак поднял микрофон.

— Это, — сказал он, — вопрос, на который я отвечать не стану, потому что не располагаю данными. Но я располагаю наблюдением.

— Эдуард Львович, — сказала я.

Я сказала это с места, от тополей, довольно громко, и несколько человек повернулись.

— Да, Нина Андреевна?

— Не надо.

— Простите, но вы здесь неделю.

— Двадцать дней, — сказала я.

Кто-то засмеялся. Шпак не засмеялся.

— Двадцать дней, — повторил он. — А я здесь восемнадцать лет. И я говорю следующее: письма составлены человеком, который пишет документы. Не письма, не сообщения в чате — документы. Там обороты из официальной переписки. «По состоянию на», «не представлен», «зафиксировано не менее». Так не пишут люди, которые просто хотят нагадить соседу.

— И что? — спросила Лариса.

— И то, Лариса Валерьевна, что я задаю вопрос в воздух. — Он обвёл двор взглядом. — А кто у нас в доме умеет так писать?

Двор молчал ровно столько, сколько нужно, чтобы каждый успел перебрать всех, кого знает.

Я стояла у тополя и смотрела не на Шпака. Я смотрела на Веру Антоновну.

Она сидела на своём складном стульчике, очень прямо, держа сумку на коленях, и смотрела прямо перед собой — не вниз, не в сторону. Лицо у неё было совершенно спокойное.

Она не шевельнулась, не изменилась в лице, не посмотрела ни на кого.

И именно поэтому я поняла, что она услышала.

— Кворума нет, — сказала Лариса в микрофон. — Шестьдесят два человека. По голосам — сорок один процент. Собрание не правомочно.

— Переносим, — сказал Шпак.

— Переносим. На первое ноября. — Лариса записала что-то в блокнот. — Я вывешу объявление и напишу в чат. Эдуард Львович, составьте заявление в полицию, я подпишу. Кто ещё готов подписать — подходите.

Подошли семеро.

Дом расходился по подъездам, не глядя друг на друга, и уже внутри подъездов начинал говорить — я слышала, как за дверью первого сразу поднялся гул.

Вера Антоновна сложила стульчик.

— Пойдёмте, Нина, — сказала она. — Ветер.

Мы шли к своему подъезду молча.

У двери она остановилась и сказала, не поворачиваясь ко мне:

— Он прав, между прочим.

— В чём?

— Так действительно пишут только те, кто писал по работе. — Она взялась за ручку двери. — В доме таких четверо, я считала. Галина — она бухгалтер. Шпак сам. Я. И Лариса Валерьевна, у неё отчёты и переписка с управляющей.

Она потянула дверь на себя.

— Четверо, — повторила она. — А он спросил так, чтобы все подумали про одного человека.

— Про вас.

— Про меня, — сказала Вера Антоновна. — Он не дурак, Нина. Он очень неглупый человек. Он просто считает, что это удобно.

Она вошла в подъезд.

Я постояла на улице, потом посмотрела наверх, на окна шестого этажа.

У Гречко в первом подъезде окна были темные. У него и вечером были тёмные — все три дня.

Глава 9. Заявление

В отдел полиции мы поехали в воскресенье, в одиннадцать утра, на машине Шпака — древней белой «Калине», которая была вымыта до состояния выставочного экспоната и внутри пахла освежителем «морская свежесть».

Шпак вёл с крайней осторожностью, обеими руками, и на каждом перекрёстке сообщал, что он делает.

— Поворачиваю налево. Пропускаю. Ещё пропускаю.

На заднем сиденье ехала Лариса с папкой на коленях. Я сидела впереди, потому что Лариса сказала: «Садись вперёд, я люблю ездить на заднем сиденье».

— Заявление я составил вчера, — сказал Шпак. — Два экземпляра, на втором попросим отметку о принятии. Нина Андреевна, вы его читали?

— Читала. Там «в связи с выше изложенным» три раза.

— Это не художественный текст.

— Это нечитаемый текст.

— Он юридически корректный.

— Эдуард Львович, — сказала Лариса сзади, — ну хватит уже. Нин, не трогай его, он всю ночь писал.

— Я не всю ночь, — сказал Шпак. — Я до половины первого.

Участковый оказался молодым.

Я почему-то ждала немолодого — толстого, скучающего, с

пустым лицом. А вышел парень лет тридцати, худой, в форменной рубашке с подвёрнутыми рукавами, с усталыми глазами и очень аккуратной стрижкой. На столе у него лежало штук сорок папок, и ещё штук десять на подоконнике, и ещё стопка на стуле, который он с этого стула снял, чтобы мне было куда сесть.

— Сайко Денис Валерьевич, — сказал он. — Садитесь. Трое?

— Трое. — Шпак положил на стол заявление. — Мы по поводу исчезновения человека.

Сайко взял лист и стал читать — быстро, по диагонали, как читают люди, которые за день читают сорок таких.

— Гречко Павел Семёнович, пятьдесят восемь лет, — сказал он. — Последний раз видели в среду пятнадцатого октября, около двадцати двух часов. Телефон не отвечает с утра шестнадцатого. — Он поднял глаза. — Вы кто ему?

— Соседи.

— Родственники есть?

— Дочь в Москве, — сказала Лариса. — Алина. У меня есть её телефон, я звонила вчера вечером.

— И что она?

Лариса помедлила.

— Она сказала, что они разговаривают по праздникам и что он может не отвечать неделю, если обиделся. — Она сказала это с явной неловкостью. — Она не волнуется.

— А жена?

— Разошлись четыре года назад, живёт в Рыбинске, по-моему. Не общаются.

Сайко записал.

— Так. — Он отложил ручку. — Я вам сейчас скажу неприятную вещь, и вы меня, пожалуйста, выслушайте до конца.

— Мы слушаем, — сказал Шпак.

— Взрослый дееспособный человек имеет право уехать куда хочет и не отвечать на звонки. — Сайко говорил без раздражения, он явно произносил это не впервые. — У нас по области в месяц — я вам точную цифру не скажу, но порядка сотни заявлений о розыске. Из них восемь-девять из десяти — люди, которые сами вернулись в течение недели. Уехал на дачу. Уехал к женщине. Запил. Поссорился и не хочет разговаривать.

— Он не пьёт, — сказала Лариса.

— Это все говорят. Извините.

— Он председатель совета дома, — сказал Шпак. — У него в субботу было общее собрание, к которому он готовился два месяца.

— Это аргумент, — согласился Сайко. — Хороший аргумент. Я его запишу.

— И есть второе обстоятельство. — Шпак достал из папки конверт. — В четверг вечером у нас в доме по почтовым ящикам разложены анонимные письма. Семь. В одном из них упомянут Гречко в связи с денежной суммой.

Сайко взял конверт. Вынул лист. Прочитал.

Потом перечитал ещё раз, уже медленно.

— Это одно из семи?

— Это то, которое про квартиру сорок один, — сказал Шпак. — Коваль.

— А где остальные?

— У людей. Кто-то выбросил.

— Угу. — Сайко положил лист на стол и прижал ладонью. — Так. По письмам я вам тоже скажу сразу, чтобы вы не питали надежд.

— Говорите.

— По письмам возбуждать нечего.

— Простите?

— Эдуард Львович, — Сайко посмотрел на заявление, сверился с именем, — вы же юрист?

— Я юрисконсульт. Был.

— Тогда вы меня поймёте с полуслова. Что здесь написано? — Он постучал пальцем по листу. — «Получила денежные средства». «Расписка не составлялась». «Вынесен судебный приказ». «Не выходит на связь». Четыре утверждения о фактах. Клевета — это распространение заведомо ложных сведений. Эти сведения ложные?

Шпак молчал.

— Три из четырёх я, скорее всего, проверю за полчаса и они подтвердятся, — сказал Сайко. — Четвёртое — про сто восемьдесят тысяч — никак не проверить, и, обратите вни-

мание, автор сам пишет, что расписки нет. То есть он даже не утверждает, что есть документ.

— Там нет обвинения, — сказала я.

Сайко повернулся ко мне. Первый раз за разговор посмотрел внимательно.

— Именно, — сказал он. — Нет обвинения. Нет оценки. Нет призыва. Это, извините за выражение, стерильно. — Он откинулся на стуле. — Я такое второй раз в жизни вижу. Первый раз был на Лескова, там в девятиэтажке два года воевали за колясочную.

— И что было?

— Ничего не было, — сказал Сайко. — Автора не нашли. Все перессорились. Двое продали квартиры.

Лариса подалась вперёд.

— Денис Валерьевич. А если человека найдут и выяснится, что эти письма... что они как-то связаны?

— Тогда это будет другое дело, — сказал Сайко. — И тогда письма станут доказательством, а не поводом. — Он взял ручку. — Поэтому давайте по делу. Розыск. Рассказывайте подробно: кто последний видел, где, во что был одет, что говорил.

Мы рассказывали минут сорок.

Шпак рассказывал как по протоколу — датами и фактами. Лариса рассказывала как человек: что Гречко во вторник заходил к ней отдать квитанции, что был нормальный, может быть, немного рассеянный, что говорил про собрание

и злился на Шпака. Шпак на этом месте сказал: «Отметьте, пожалуйста», — и Сайко отметил.

Когда дошла очередь до меня, я сказала про среду.

— В половине десятого вечера я встретила его на лестнице между третьим и четвёртым этажом первого... нет, второго подъезда. — Я остановилась. — Второго. Он живёт в первом.

— А что он делал во втором подъезде?

Я замерла.

Я об этом не думала. Ни разу. Два дня прокручивала этот разговор и ни разу не задала себе этот вопрос.

— Он сказал, что отдыхает. Что лифт не работает и ему шестой этаж — два привала.

— В своём подъезде лифт работал?

— Я не знаю.

— А он при вас куда пошёл?

— Наверх, — сказала я. И потом, медленнее: — Он пошёл наверх. По второму подъезду.

Сайко записал. Без всякого выражения, но записал.

— Во что был одет?

— Серая жилетка. Клетчатая рубашка. Очки на шнурке. — Я вспомнила ещё: — Папка. Он всё время с ней ходил. Такая синяя, на резинках, картонная.

— Что в папке?

Я посмотрела на Шпака, потом на Ларису.

— Документы по собранию, — сказала я. — Он мне го-

ворил.

— Что именно говорил?

Вот здесь я приняла решение, и решение было дурацкое.

Я могла пересказать весь разговор на лестнице целиком. Про крышу, про провайдеров, про баннер, про нестыковку, про то, что он два года подписывал не читая. Про то, что он хотел, чтобы человек сначала объяснил сам. Про «скажите, что про запятые».

Вместо этого я сказала:

— Что в субботу будет вопрос по деньгам от аренды общего имущества. Что он собрал документы и там есть нестыковки.

— Какие?

— Он не уточнил.

Это было правдой. Он действительно не уточнил сумму. Но я не сказала главного — что он сказал про собственную подпись и что он просил меня молчать. И я не могу объяснить почему, кроме того, что Лариса сидела рядом, и Шпак сидел рядом, и мне казалось, что это слишком — вываливать при них, что председатель подозревал кого-то из своих.

Я ещё подумала, что скажу Сайко отдельно. Потом. Наедине.

Это я и собиралась сделать. Просто вышло не скоро.

— Хорошо. — Сайко дописал и повернул листы к себе. — Теперь что будет дальше, чтобы вы понимали и не звонили каждый час.

— Мы будем звонить, — сказал Шпак.

— Звоните, я не обижусь. — Он слабо усмехнулся. — Регистрирую заявление сегодня. Дальше проверка: запрос по его телефону — последние соединения и где был аппарат. Проверка по базам: не задержан, не поступал в медучреждения города, не покупал билеты. Квартиру проверим.

— Как проверите? — спросила Лариса.

— Позвоним в дверь. Поговорим с соседями. Если будут основания полагать, что внутри человеку плохо, вызовем МЧС и вскроем. — Он посмотрел на неё. — Оснований пока нет.

— А если он там?

— Тогда это будет видно по соседям, — сказал Сайко. — Через четыре дня, извините, было бы слышно.

Лариса побледнела. Я тоже, наверное.

— Простите, — сказал Сайко. — Я не умею это мягко.

— Не надо мягко, — сказал Шпак. — Надо по делу.

— Камеры у вас есть?

— В подъездах нет, — сказала Лариса быстро. — Собирали в двадцать втором, не поставили. Есть на шлагбауме и на детской площадке.

— Записи хранятся сколько?

— На шлагбауме, кажется, семь дней. На площадке три.

Сайко посмотрел на календарь на стене.

— Сегодня девятнадцатое. Среда была пятнадцатого. — Он посчитал. — По шлагбауму успеваем, если прямо сейчас.

Кто там хозяин записи?

— Доступ у председателя, — сказала Лариса. И остановилась.

Мы все остановились.

— А второй доступ? — спросил Сайко.

— У управляющей компании. — Лариса уже листала телефон. — Я напишу им сегодня. Сегодня воскресенье, у них дежурный только по авариям. В понедельник с утра.

— В понедельник двадцатое. — Сайко записал. — Запрос отправлю официально, но попросите по-человечески тоже. По-человечески быстрее.

Он встал и протянул Шпаку второй экземпляр с синей печатью.

— Ваша отметка. Храните.

У выхода он сказал:

— И ещё. Если автор писем — тот, кто связан с его отсутствием, он скорее всего продолжит.

— Почему? — спросила я.

— Потому что первая порция сделала то, чего он хотел, — сказал Сайко. — Собрание не состоялось.

Мы ехали обратно молча минут десять.

— Он нормальный, — сказала наконец Лариса.

— Он замотанный, — сказал Шпак. — У него на столе сорок дел, и наше — сорок первое. Я не осуждаю. Я констатирую.

— Эдуард Львович, он всё правильно сказал.

— Он всё правильно сказал, — согласился Шпак. — И не сделает ничего до вторника.

Около трёх мы втроём поднялись на шестой этаж первого подъезда.

Квартира двадцать три, дверь коричневая, обитая дерматином, старая, с глазком и двумя замками. Коврик. На коврике — четыре газеты, сложенные пополам, явно воткнутые в щель и выпавшие.

— Это за четыре дня, — сказала Лариса. — Он «Северный курьер» получает, его в ящик кладут, а Света-почтальон иногда под дверь суёт, если ящик забит.

Шпак позвонил. Долго, с нажимом.

Потом постучал.

Потом ещё раз позвонил.

— Павел Семёнович! — крикнула Лариса в дверь. — Это Лариса! Откройте!

Тишина.

— Ну всё, — сказала она. — Значит, нет его.

— Подождите, — сказала я.

Я не знаю, почему я это сделала. Наверное, потому, что видела такое в сериалах, и мне было стыдно за собственную театральность уже в процессе.

Я достала телефон и набрала его номер.

Гудки пошли мне в ухо — долгие, спокойные, «абонент не отвечает».

И одновременно из-за двери, из глубины квартиры, глухо,

но совершенно отчётливо, зазвенел телефон.

Мы втроём стояли и слушали.

Звонок был старый, стандартный, какой стоит на аппаратах по умолчанию. Он звучал приглушённо — не в коридоре, а где-то дальше, за одной или двумя дверями.

Двенадцать гудков. Потом оборвалось.

— Он дома, — сказала Лариса шёпотом. — Нин, он дома.

— Или телефон дома, — сказал Шпак.

Он сказал это очень тихо, и у меня холодом прошло по спине, потому что это было то же самое, что я подумала, только я бы не решилась сказать вслух.

— Звоните, — сказал Шпак. — Ещё раз.

Я позвонила ещё раз. Опять зазвенело — так же приглушённо, из того же места.

— Это не в коридоре, — сказала я. — Это из комнаты или из куртки в шкафу.

— Откуда вы знаете?

— Потому что не громко. Звук идёт через две преграды.

Лариса присела и заглянула в щель под дверью, как заглядывают дети.

— Темно, — сказала она. — Нин, он может быть там. Лежать.

— Четыре дня, — сказал Шпак.

— Эдуард Львович, не надо!

— Я говорю то, что сказал участковый.

Лариса выпрямилась. Лицо у неё было белое, и она дыша-

ла часто.

— Звоним в полицию, — сказала она. — Прямо сейчас. Пусть вскрывают. Я заплачу за дверь, если что.

И вот это я запомнила хорошо: она первая сказала «звоним». Не Шпак, который любил процедуру. Не я. Она — громко, сразу, не раздумывая.

Звонили, разумеется, не сразу. Сначала Шпак позвонил Сайко на мобильный, который тот дал; Сайко сказал, что оснований для вскрытия нет и что присутствие телефона в квартире само по себе ничего не доказывает, но что он завтра включит это в материал. Потом Лариса позвонила в дежурную часть, где у неё спросили, является ли она родственницей, и она сказала, что нет. Потом она позвонила дочери Алине, и Алина сказала, что приедет, но не раньше следующих выходных, потому что у неё работа.

Всё это заняло час, и всё это мы делали, стоя на площадке шестого этажа чужого подъезда, а мимо нас дважды прошли люди, посмотрели и ничего не спросили.

В пять мы разошлись.

— Нина Андреевна, — сказал Шпак в лифте. — Вы сказали участковому, что он поднимался по второму подъезду.

— Да.

— Я об этом не знал.

— Я сама об этом не думала.

Шпак смотрел на закрытые двери лифта.

— В нашем подъезде лифт в среду работал, — сказал он.

— Я в девять вечера на нём поднимался. Это я помню точно, потому что в лифте висело объявление про поверку счетчиков, и я его читал.

Лифт остановился.

— Я не знаю, что это значит, — сказал Шпак. — Я просто вам говорю.

Вторую партию писем я нашла в понедельник в семь утра.

Я проснулась раньше будильника, не выспавшаяся, пошла на кухню и обнаружила, что кончился кофе. Оделась, спустилась в магазин.

Внизу, в холле, у ниши стоял мужчина в спортивном костюме, босиком в кроссовках, и держал в руках белый конверт.

Он посмотрел на меня.

— Опять, — сказал он.

Писем было пять.

Я это узнала в течение следующих двадцати минут, и узнала иначе, чем в первый раз, — потому что одно из них было в моём ящике.

Конверт белый, без марки. На лицевой стороне напечатано: «В кв. 60».

Я его не стала открывать в холле. Я поднялась к себе, заперла дверь, села на кухне и только потом разорвала.

Там было четыре абзаца.

Первый — про то, что я в разводе, что брак расторгнут в сентябре двадцать четвёртого, и номер судебного участка.

Второй — что я работаю в издательстве «Контур» на договоре подряда и что мой доход, по данным которые у автора, видимо, были, составляет столько-то.

Третий — что в феврале двадцать четвёртого года я написала служебную записку о наличии рукописи, которую вёл мой коллега А.В. Згурский. По результатам служебной проверки Згурский был уволен, и что я на его место не претендовала, но после его ухода мне была передана его серия.

Четвёртый абзац состоял из одной фразы:

«Вышеизложенные сведения получены из открытых источников и от лиц, знакомых с обстоятельствами».

Я сидела на кухне, и у меня тряслись руки, и это было не от страха.

Это было от стыда.

Потому что всё было правдой. Всё, до последнего слова. И последовательность была выстроена ровно так, как я сама объясняла в холле четыре дня назад: четыре факта, никаких связок, вывод делает читающий.

И вывод был такой: эта женщина утопила друга, чтобы забрать его работу.

А на самом деле было так: я три недели ходила вокруг этой рукописи, два раза говорила с Артуром наедине и просила его самого пойти и сказать, он сказал, что я сошла с ума и что это «нормальная практика», я неделю не спала, а потом написала записку. И серию мне передали через четыре месяца, и я от неё отказывалась дважды, и взяла, потому что

больше никто не брал.

Этого в письме не было.

Этого не было не потому, что автор не знал. А потому, что это не нужно было для вывода.

Я сидела и впервые за четыре дня понимала, что чувствовала Жанна, когда в чате её спрашивали «а что там про тебя написано».

Потом я встала, умылась холодной водой и прочитала письмо ещё раз — уже как редактор.

И на втором абзаце остановилась.

Потому что данные о моём доходе не могли прийти «из открытых источников». Их не было нигде. Их знали в издательстве три человека, бухгалтерия и я.

И мой бывший муж.

Глава 10. Про меня тоже

К девяти утра я знала, кому пришли остальные четыре письма.

Не потому, что обходила подъезды, — наоборот, я сидела у себя и не хотела выходить. Просто чат за два часа выдал всё сам, с фотографиями конвертов и обрывками содержания, и остановить это уже никто не пытался.

Галина, кв.44: У меня опять. Второе.

Галина, кв.44: Про 57 квартиру

Жанна, 41: Про Веру Антоновну????

Галина, кв.44: Да

Жанна, 41: и что там

Галина, кв.44: Жанна я не буду в чате писать

Жанна, 41: ага. Про меня можно было, а про неё нельзя

Галина, кв.44: Про вас не я писала!!!

Жанна, 41: Да вы просто всем пересказали четыре раза

Лариса появилась в чате в девять двадцать.

Лариса Дёмина (кв.9): Так. Я прошу всех прекратить.

Лариса Дёмина (кв.9): Второй заход: 5 писем. Я знаю про четыре, адресаты сами сказали. Пятое, видимо, не вынули.

Лариса Дёмина (кв.9): Содержание в чат не выкладываем. Вообще. Если кто-то выложит — удалю и выведу из чата, мне уже всё равно, что потом скажут.

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Поддерживаю. Письма следует сохранить вместе с конвертами и не передавать из рук в руки.

Валентина Петровна, 12: Господи что же это такое. У нас же в доме все приличные.

Жанна, 41: Валентина Петровна миленькая вот это сейчас было про нас всех очень смешно

Моё письмо в чат не попало. Я никому не сказала.

Не из гордости. Просто я представила, как напишу: «у меня тоже есть», и как двадцать человек начнут спрашивать что там, и поняла, что не смогу ответить ни правду, ни ложь.

Около десяти я взяла конверт и пошла к Вере Антоновне.

Я шла не за помощью. Я шла потому, что в письмах она тоже была, и потому, что четыре дня назад она сказала мне «с Павлом Семёновичем ничего не случилось», и за эти четыре дня я ни разу не смогла это забыть.

Она открыла сразу.

— Вам тоже, — сказала она, посмотрев на конверт в моей руке.

— Мне тоже.

— Заходите.

На её кухонном столе лежал такой же лист. Развёрнутый, придавленный словарём, чтобы не сворачивался.

— Можно? — спросила я.

— Читайте.

Там было три абзаца. Я помню их почти дословно, потому

что перечитывала потом много раз.

«В.А. Шапкина, кв. 57, в период с 2010 по 2018 г. работала в ЖЭУ-6 в должностях расчётчика и паспортиста. После ликвидации организации в 2018 г. часть архивных документов (домовые книги, карточки регистрации, лицевые счета) не были переданы в муниципальный архив.

В 2022 г. в государственную жилищную инспекцию Ярославской области поступило анонимное обращение по факту нарушений в работе совета дома по адресу ул. Инженера Кольцова, 9. Обращение составлено с использованием формулировок, применяемых во внутренней документации ЖЭУ.

В.А. Шапкина проживает одна, пенсия по старости, иных подтверждённых источников дохода не установлено».

Я прочитала и подняла глаза.

Вера Антоновна стояла у окна, спиной ко мне, со скрещенными на груди руками.

— Ну, — сказала она. — Что скажете как редактор?

— Скажу, что это самое аккуратное письмо из всех.

— Почему?

— Потому что в первых двух абзацах есть факты, а в третьем нет вообще ничего. — Я положила лист. — «Иных подтверждённых источников дохода не установлено». Это не факт о вас, это признание автора, что он не нашёл. Но стоит оно последним, и после двух абзацев про документы и анонимку оно читается как «ей нужны деньги».

Она повернулась.

— А вы быстро, — сказала она.

— Вера Антоновна. Вы писали ту анонимку в ЖЭУ инспекцию?

Вот здесь надо быть точной.

Я спросила прямо. Я не подводила её к вопросу, не делала вид, что мне просто интересно. Я спросила в лоб, в её кухне, после того как она два раза меня накормила и один раз научила вешать полку.

И я до сих пор считаю, что имела право спросить. Я просто неправильно выбрала минуту.

Вера Антоновна сняла очки.

— Нина, — сказала она. — Вам в вашем письме что написали?

— Что я написала служебную записку на коллегу, и его за это уволили.

— А это правда?

— Правда.

— И как там написано? Там написано, что вы доносчица?

— Там написано четыре факта без связок.

— А вы кто?

Я молчала.

— Вы кто, Нина? — повторила она. — По-вашему?

— Я не знаю, — сказала я. — Я два года не знаю.

Вера Антоновна надела очки обратно.

— Вот и я, — сказала она, — не хочу отвечать на вопрос,

который так поставлен. Потому что любой мой ответ будет неправильный.

— Это не ответ.

— Это ответ, — сказала она. — Просто не тот, который вам нужен.

Она села. Взяла лист, аккуратно сложила его по сгибам и сунула под словарь.

— Я скажу вам одну вещь, — сказала она. — Не про анонимку. Про другое.

— Слушаю.

— В этом доме сейчас начнут искать, кто это сделал. — Она положила руки на стол. — И найдут того, кого удобнее всего найти. Это будет не самый подозрительный. Это будет самый одинокий.

— Вера Антоновна...

— Я не жалуюсь, — сказала она резко. — Я вам объясняю механику. Когда в коллективе случается неприятность, виноватым назначают человека, у которого нет группы. У Жанны двое детей и половина подъезда в клиентках. У Ларисы Валерьевны полдома в должниках за добрые дела. У Шпака нет группы, но есть зубы, он любого загрызёт. А у меня ни группы, ни зубов.

— У вас есть я.

Я сказала это и сама услышала, как это прозвучало.

Вера Антоновна посмотрела на меня — и впервые за всё знакомство я не поняла её взгляда.

— Вы здесь две недели, — сказала она.

— И что?

— А то, что вы ко мне привязались, потому что я вам полку повесила и котлеты принесла. — Она говорила без всякой злости, и от этого было хуже. — Это нормально, Нина. Так бывает при переезде. Но это не знание человека. Это благодарность.

— Я не ребёнок.

— Я этого не говорила.

— Вы это сказали другими словами.

Мы помолчали.

— Чаю? — спросила она.

— Нет, — сказала я. — Спасибо.

И ушла.

На площадке я постояла минуту, глядя на свою дверь, и поймала себя на отчётливом, стыдном желании: чтобы она вышла и позвала обратно.

Но она не вышла.

Днём я пошла вниз и занялась ящиками.

Это было единственное, что я могла делать руками, а мне необходимо было что-то делать руками, иначе я бы весь день просидела с письмом Кирилла в голове — потому что к обеду я уже окончательно убедилась, что второй абзац про мой доход мог прийти только от него, и это было невыносимо.

Почтовая ниша в нашем, втором подъезде выглядела так.

Три секции по двенадцать ящиков. Крашены серой крас-

кой поверх зелёной, краска местами отбита. Каждый ящик — своя дверца, свой маленький замок, свой номер, написанный от руки белой краской. У некоторых цифры обновлены маркером.

И поверх всех трёх секций — общая рама. Металлическая, на петлях, с сеткой, закрывается одним замком снизу. Когда рама закрыта, к дверцам ящиков не подойти — только к щелям сверху, куда и суют газеты с рекламой.

Я подёргала раму. Закрыта.

Проверила щели. Между верхним краем дверцы и рамой — сантиметра полтора. Лист А4, сложенный втрое, в такую щель пролезет, если его смять или если засовывать очень аккуратно и под углом.

Я вернулась к себе, взяла чистый лист, сложила его втрое, спустилась и попробовала.

Пролез. С трудом. Я проталкивала его двумя пальцами, он гнулся, верхний край замялся.

Я вынула его обратно и посмотрела.

Лист был измят по сгибу и с загнутым уголком.

Потом я достала из сумки свой конверт — тот, что получила утром, — и посмотрела на него внимательно.

Конверт был ровный. Абсолютно. Ни заломов, ни потёртостей, ни загнутых углов.

Я стояла с ним в руках, и у меня медленно, неприятно начинала собираться мысль.

И тут я вспомнила про шестьдесят первую квартиру.

Шестьдесят первый ящик был в третьей секции, второй сверху, и у него была сорвана дверца. Не сломана — именно сорвана с одной петли, и её когда-то примотали к раме проволокой, в несколько витков, намертво. Дверца висела прижатой, но не закрывалась плотно: щель внизу была широкая, в палец.

Я заглянула в эту щель.

В ящике лежал конверт.

Белый. Без марки. С напечатанным «В кв. 61».

Он лежал внутри ящика, на дне, ровно, лицевой стороной вверх.

Я посмотрела на проволоку. Потом на щель. Потом опять на конверт.

Через эту щель конверт можно было просунуть. Теоретически — можно, щель широкая. Но тогда он упал бы внутрь криво, встал бы на рёбро или смялся о заднюю стенку, потому что ящик узкий и глубокий.

А он лежал на дне плашмя. Как кладут рукой.

Я простояла там, наверное, минуты три.

Потом достала телефон и сфотографировала — и щель, и конверт внутри, и проволоку, и, зачем-то, весь блок целиком.

— Вы чего это делаете?

Я обернулась.

В холле стояла женщина в форменной куртке «Почты России», с большой синей сумкой через плечо и связкой клю-

чей на пальце. Лет пятидесяти, стриженая коротко, с очень усталым лицом.

— Фотографирую ящики, — сказала я.

— Зачем?

— Потому что в них подкидывают письма.

Она посмотрела на меня, потом на нишу, потом вздохнула так, что сумка на ней шевельнулась.

— Светлана, — сказала она. — Я ваш почтальон. Вы из шестидесятой?

— Да. А вы откуда знаете?

— Я все ящики знаю. — Она подошла, достала ключ. — Шестидесятая — Вересова. Вам «Литературная газета» приходит, одна во всём доме.

Она открыла раму — одним ключом, снизу, и рама отошла целиком, открыв все тридцать шесть дверец сразу.

— Вот это, — сказала я, — вы единственная можете открыть?

— Я и управляющая, — сказала Светлана, раскладывая квитанции. Она делала это очень быстро, не глядя, по памяти. — И ещё кто-нибудь из дома обычно, у них всегда есть.

Я замерла.

— В смысле — из дома?

— Ну а как? — Она не отрывалась от работы. — Замки на рамах меняли, я не помню, в девятнадцатом, кажется. Старые все были сбиты. Делали через управляющую, а деньги собирал кто-то из жильцов. И им дали комплект, чтобы, ес-

ли я в отпуске, объявления разложить.

— Кому дали?

— Девушка, — сказала Светлана, — мне шесть лет назад дали, я что, помню?

— А вам кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ключ потеряли?

— Да никто никогда ничего не говорит.

Она дошла до третьей секции и остановилась на шестьдесят первом.

— О, — сказала она. — А этому опять.

— Что значит «опять»?

— Да ему же дверца примотана, я в неё совать не могу, она не открывается. — Светлана дёрнула проволоку, та держалась. — Я ему всё под дверь кладу, он знает. Шестьдесят первая — Абдуллаев, он на вахте, приезжает раз в месяц.

Я показала на конверт внутри.

— Светлана. А это как туда попало?

Она нагнулась, посмотрела в щель.

— Ну, кто-то засунул.

— Через эту щель?

— А как ещё?

— Он лежит плашмя.

Светлана посмотрела на меня, потом ещё раз в щель — уже внимательно, подольше.

Потом выпрямилась.

— Ну да, — сказала она другим голосом. — Он лежит

ровно.

— А если через щель сунуть, как будет лежать?

— Да на попа встанет. — Она показала рукой. — Он же в заднюю стенку упрётся и сползёт боком. Я по двадцать лет эти ящики... — Она осеклась.

Мы обе смотрели на проволоку.

— То есть кто-то открыл раму, — сказала я.

Светлана переложила сумку на другое плечо.

— Девушка, — сказала она. — Вы в полицию, что ли, собираетесь?

— Уже.

— Я ничего не раскладывала, кроме квитанций и рекламы. — Голос у неё стал сухой, служебный. — У меня участок четыре дома. Я в четверг была здесь утром, в десять ноль пять, у меня в телефоне отметка. Утром. Не вечером.

— Светлана, я вас ни в чём не подозреваю.

— Все так говорят. — Она закрыла раму, щёлкнула замком и подёргала. — Я вам вот что скажу. У нас в прошлом году на Урицкого такое же было. Там мужик нашёл способ ящики открывать и чужие квитанции читал. Знаете, как нашли?

— Как?

— Он сам проболтался, — сказала Светлана. — Жене сказал, жена подруге.

Она пошла к выходу и у двери обернулась.

— А рама, между прочим, в понедельник была закрыта.

Я помню, потому что я её открывала.

— В какой понедельник?

— В этот. Сегодня. — Она посмотрела на часы. — Я в восемь двадцать была. Закрыта.

Вечером я написала Кириллу.

Я переписывала сообщение четыре раза. Первый вариант был на три абзаца и с цитатами из письма. Второй — злой, в две строки. Третий — вежливый и фальшивый.

Отправила четвёртый:

«Кирилл, ты кому-нибудь говорил про мой доход? Это важно».

Он ответил через сорок минут:

«Привет. В каком смысле?»

«В прямом. Называл ли ты кому-нибудь сумму, которую я получаю в «Контуре»».

Пауза. Пять минут.

«Нин, ты чего?»

«Ответь, пожалуйста. Да или нет».

Ещё пауза.

«Я не помню. Может, матери говорил. А что случилось?»

Я смотрела на эту строчку и чувствовала, как во мне поднимается такая знакомая, такая отработанная за одиннадцать лет ярость — не на содержание ответа, а на его форму. «Я не помню». «Может быть». «А что случилось».

Я набрала: «Ничего не случилось. Спасибо».

Потом стёрла и набрала:

«В доме, куда я переехала, по почтовым ящикам разложили анонимные письма с чужими секретами. В моём письме, помимо прочего, указан мой доход за прошлый год с точностью до тысячи. Эту цифру знают бухгалтерия, глав.ред и ты».

Он позвонил через минуту.

— Нина, подожди. — Голос у него был испуганный, и это было, пожалуй, единственное за весь месяц, что меня немного утешило. — Ты сейчас на меня это вешаешь?

— Я задаю вопрос.

— Ты не задаёшь вопрос, ты уже всё решила, у тебя всегда так! — Он осёкся. — Извини. Извини, я не то хотел.

— Кирилл.

— Я никому ничего не говорил. — Он выдохнул. — Нин, я год назад из твоей жизни... ну то есть. Я не обсуждаю тебя с людьми. Мне про тебя разговаривать больно, если тебе это интересно.

Я молчала.

— И кому бы я говорил? — сказал он уже спокойнее. — Я твоих соседей не знаю, я у тебя не был ни разу.

И это было правдой. Это было настолько очевидной правдой, что мне стало стыдно.

— Прости, — сказала я. — Я три дня в этом сижу.

— Тебе плохо?

— Мне мерзко.

— Это я понимаю. — Он помолчал. — Нин, а ты в дого-

воре сумму видела? В своём, с «Контуром».

— Разумеется, видела.

— А где у тебя договор лежит?

Я встала.

— Что?

— Я к тому, — сказал Кирилл, — что в той коробке, которую я из-под дивана достал. Я же её открывал, посмотреть, не выбросить ли. Там договоры твои, старые, с двадцатого по двадцать третий. — Пауза. — Я тебе её, кстати, так и не завёз.

— Там нет за прошлый год.

— Значит, за прошлый у тебя.

Я пошла в комнату, где на полу у стеллажа всё ещё стояли три неразобранные коробки, и начала искать, прижимая телефон плечом.

Договор нашёлся во второй коробке, в файле, вместе с актами и справками 2-НДФЛ.

Коробка была открыта. Клапаны расправлены. Я её точно открывала сама — в первый день, искала зарядку.

— Нашла?

— Нашла.

— Ну вот, — сказал Кирилл. — Значит, не я.

— Значит, не ты.

Мы оба замолчали.

— Нина, — сказал он. — Это неприятно, но ты же понимаешь, что это ерунда? Ну, написали. Знают, сколько ты по-

лучаешь. Это же не катастрофа.

— Там ещё про Артура.

Он помолчал.

— А, — сказал он. — Это да.

— Это да.

— Слушай. — Голос у него стал другой, мягкий, тот самый, которым он в последний год говорил со мной как с больной. — Ты тогда поступила правильно. Я тебе это тогда говорил и сейчас скажу. Просто ты не умеешь, не доводить до конца.

— Это разные вещи.

— Какие?

— «Поступила правильно» и «не умеешь не доводить до конца». — Я села на пол рядом с коробкой. — Ты всегда их говоришь вместе, Кирилл. И второе всегда громче.

Он не ответил.

— Я поеду, — сказал он после паузы. — То есть я... Я тебе коробку завезу в субботу, хорошо?

— Хорошо.

— И, Нина. Ты в полицию-то сходила?

— Сходила.

— И что?

— И ничего, — сказала я. — Там у них сорок дел на столе и нечего возбуждать.

— Ну, ты только сама не лезь, — сказал Кирилл. — Пожалуйста. Там люди, которые про тебя узнали, сколько ты

зарабатываешь, за две недели. Это, знаешь, не шутки.

И вот это была первая разумная вещь, которую он сказал за весь разговор.

И я ровно её и не послушала.

Ночью я сидела на кухне с тремя листами перед собой: письмо про Жанну, которое отдала мне Галина и забыла забрать, моё собственное и письмо Веры Антоновны — я переписала его от руки, слово в слово, пока была у Веры Антоновны, и она это видела и не возразила.

Три текста. Один автор.

Я включила настольную лампу, которую так и не распаковала до среды, и впервые за неделю почувствовала не страх, а что-то рабочее.

Потому что текст — это единственное, что я умею читать по-настоящему.

Я взяла карандаш.

Глава 11. Кавычки

Я работала до четырёх утра, и это была самая счастливая ночь за весь октябрь.

Мне стыдно это писать, но так и было. Три недели я барахталась в чужом доме, вешала короткие шторы, извинялась по телефону перед человеком, который меня бросил, и выслушивала от семидесятишестилетней женщины, что моя привязанность к ней — это благодарность за котлеты. А в час ночи я села за стол с тремя листами, карандашом и своей настоящей профессией, и меня перестало трясти.

Первое, что я сделала, — разложила письма рядом и прочитала их подряд десять раз.

Вот что было общего.

Никакого обращения. Никакой подписи. Никакого заголовка. Абзацы разделены пустой строкой, не отступом. Нумерации нет. Шрифт с засечками, крупный — я приложила к листу страницу своей рукописи и сравнила: Times New Roman, кегль четырнадцатый, интервал полуторный. Поля широкие, слева шире, чем справа, — то есть выставлено зеркально, как для подшивки.

Все три листа были напечатаны с одной стороны и имели по нижнему краю слабую полосу — тонкую, серую, одинаковую на всех трёх, на одном и том же расстоянии от края.

Я повертела лист под лампой. Полоса была не чернильная,

а как бы вдавленная, с лёгким смазом.

Так печатает принтер, у которого изношен прижимной ролик. Один и тот же принтер.

Дальше — язык.

«По состоянию на сентябрь 2025 г.» «Возврат не производился». «Договор найма в УК не представлен». «Зафиксировано не менее 40 случаев». «Иных подтверждённых источников дохода не установлено». «Вышеизложенные сведения получены из открытых источников».

Это был чистый, выдержанный канцелярит. Шпак был прав: так пишут люди, которые пишут документы. Пассивные конструкции, отглагольные существительные, никакого субъекта действия. Не «он не вернул», а «возврат не производился».

Но я сидела над этим три часа, и постепенно мне стало казаться, что канцелярит в письмах неровный.

Я взяла карандаш и начала подчёркивать.

В письме про Жанну первые три фразы были типовые: «получила денежные средства в сумме», «расписка не составлялась», «вынесен судебный приказ». А последняя — «16 октября 2025 г. П.С. Гречко не выходит на связь» — выпадала. «Не выходит на связь» — это не из документа. Это из разговора. Так пишут в чате.

В письме про Веру Антоновну второй абзац был плотный, «в государственную жилищную инспекцию Ярославской области поступило анонимное обращение», а третий — «про-

живает одна, пенсия по старости» — короткий и почти бытовой.

В моём письме третий абзац — про Артура — был самым длинным и самым гладким из всего, что я читала. «По результатам служебной проверки А.В. Згурский был уволен, при этом Н.А. Вересова на его должность не претендовала, однако после его увольнения ей была передана редактируемая им серия».

Я прочитала эту фразу вслух.

И остановилась.

«При этом». «Однако».

В письме про Жанну не было ни одной связки — я сама об этом говорила в холле. А здесь их было две. Два союза, которые делали ровно то, что я считала невозможным: они связывали факты в утверждение.

Я взяла все три листа и проверила каждое вводное слово.

В двух письмах — ни одного. В моём — два.

Это могло значить разное. Могло значить, что автор устал, расслабился, перестал следить. А могло значить, что этот абзац написан не им.

Около двух я добралась до кавычек.

В письме про Веру Антоновну была одна закрытая цитата — в скобках перечислялись виды документов: «(домовые книги, карточки регистрации, лицевые счета)». Без кавычек.

В моём письме кавычки были. Дважды: издательство «Контур» и, в третьем абзаце, формулировка «не устранён-

ные заимствования из текстов третьих лиц» — взятая в кавычки как цитата из документа.

Я поднесла лист к лампе.

Первые кавычки, вокруг «Контура», были угловые. Ёлочки. Обычные типографские, какие ставит Word по умолчанию в русской раскладке.

Вторые, вокруг «не устранённых заимствований», были другие. Прямые, вертикальные, двойные. Такие, какие получаются, если текст набирали не в Word, а в чём-то простом — в заметках телефона, в поле браузера, в блокноте, — и потом вставили оттуда.

Я сидела и смотрела на эти два вида кавычек в одном абзаце и чувствовала, как у меня холодеют руки.

Это была первая настоящая вещь, которую я нашла.

Потому что человек не меняет тип кавычек посреди предложения. Этого просто не бывает. Это не ошибка стиля и не небрежность — это след склейки. Один фрагмент набирали на клавиатуре в редакторе. Другой скопировали откуда-то и вставили как есть.

Я взяла лупу — у меня была, старая, из коробки с инструментами, — и прошла все три письма построчно.

И нашла ещё две вещи.

Первая: буква «ё».

В трёх письмах, на общую длину примерно в полторы тысячи знаков, слово с «ё» встречалось шесть раз. Пять раз было написано «е»: «денежные» без вариантов не считается, а

вот «учет», «переданной», «сведения о доходе». А один раз, в письме про Веру Антоновну, стояло «учётные документы» — с «ё».

Один раз из шести.

Это тоже был след вставки. Человек, набирающий текст сам, либо ставит «ё», либо не ставит. Он не переключается внутри одного документа.

Вторая: пробелы.

В моём письме, в третьем абзаце, после точки перед словом «Згурский» стояло два пробела. Во всём остальном тексте — по одному.

Двойной пробел — это самая живучая опечатка на свете. Её не видно глазом, её вычищают макросом. Она появляется, когда текст склеивают из кусков.

К половине четвёртого у меня на листе было написано следующее.

Один человек набирал. Один принтер. Один шаблон. Но часть текста вставлена из других источников, и эти источники разного происхождения: что-то из документов (там чистый канцелярит и нет «ё»), что-то из чего-то, набранного на телефоне (прямые кавычки, двойной пробел, связки «при этом» и «однако»).

И ещё одно, самое важное.

Письма были вычитаны.

Ни одной опечатки. Ни одной. Ни пропущенной буквы, ни лишней запятой, ни согласования времён вразнос. Полторы

тысячи знаков чистого текста — это, по моему опыту, невозможно, если человек просто набрал и напечатал. Я двадцать лет читаю чужие тексты; даже профессионалы оставляют по одной ошибке на абзац, если не перечитывали.

Эти письма перечитывали. Не один раз.

Их правили.

Я написала это на листе печатными буквами и обвела.

Утром в десять я пошла к Шпаку.

Это было не очень логичное решение — он мне не нравился, и я два дня назад при всех просила его замолчать. Но он был единственным человеком в доме, который умел смотреть на бумагу как на бумагу.

Он открыл в рубашке и домашних брюках, и за его спиной я увидела коридор, уставленный книжными полками до потолка, и на полках — ряды одинаковых корешков: подшивки, папки, сборники.

— Нина Андреевна.

— Эдуард Львович, у меня к вам дело.

Он посмотрел на папку у меня под рукой.

— Проходите.

Квартира у него была чистая до стерильности и очень пустая, несмотря на книги. На кухне стоял один стул, второй он принёс из комнаты.

— Чай у меня только в пакетиках, — сказал он. — Я не гостеприимный человек, я предупреждаю заранее.

— Мне не надо.

Я разложила на столе три листа и свои записи.

И рассказала.

Говорила я минут пятнадцать. Про шаблон, про полосу от ролика, про неровный канцелярит, про две связки в моём письме, про кавычки, про «ё», про двойной пробел. Про то, что письма вычитаны.

Шпак слушал, не перебивая ни разу. Это было неожиданно.

Когда я закончила, он надел очки, взял мой лист с записями и прочитал его целиком, медленно, два раза.

Потом сказал:

— Нина Андреевна, я должен перед вами извиниться.

— За что?

— За двор. Я вас назвал человеком, который живёт здесь неделю, и сделал это с пренебрежением. — Он положил лист. — Это было глупо с моей стороны. Я за двадцать лет научился читать документы на предмет юридических последствий. А вы читаете их на предмет того, как они сделаны. Это другая квалификация, и у меня её нет.

Я не знала, что ответить.

— Вот эти два союза, — сказал он, показывая. — «При этом» и «однако». Вы считаете, что абзац писал другой человек?

— Я считаю, что его откуда-то взяли.

— Откуда?

— Не знаю. — Я придвинула лист. — Эдуард Львович,

посмотрите на формулировку. «Не устранённые заимствования из текстов третьих лиц». Это цитата из моей служебной записки.

Он поднял голову.

— Дословная?

— Почти. Я писала «не устранённые заимствования из текстов третьих лиц, выявленные при сверке». Здесь обрезано.

— Где находится ваша записка?

— В издательстве. В материалах служебной проверки. — Я сглотнула. — И у Артура Згурского. Ему выдавали копию под роспись.

Шпак аккуратно снял очки.

— Это совсем другое дело, — сказал он.

— Это то, о чём я думаю вторые сутки.

— Он мог бы?

— Он меня ненавидит, — сказала я. — Два года. Он мне написал тогда одно сообщение, я его помню дословно: «Надеюсь, тебе будет, с чем жить».

— Это серьёзно.

— Это серьёзно, но это не он. — Я говорила медленно, потому что сама выстраивала это по дороге. — Эдуард Львович, он не знает ни Жанну, ни Веру Антоновну, ни квартиру семьдесят пять. Он не знает, где я теперь живу, — я ему не говорила, и у нас нет общих друзей, которые бы знали мой новый адрес. И главное: моё письмо — одно из одиннадцати.

— Значит, автор не он, — сказал Шпак. — Но он — источник.

— Да.

— То есть автор его нашёл и спросил.

— Или автор нашёл кого-то в издательстве.

Шпак встал, прошёл по кухне два шага туда и два обратно — там больше не получалось.

— Нина Андреевна, — сказал он. — А вы понимаете, что из этого следует?

— Что?

— Что автор не просто собрал сплетни. — Он остановился. — Чтобы узнать про вас это, нужно было найти в другом городе человека, уволенного два года назад, и его разговорить. Это не любопытство. Это работа.

Он сел.

— Я эту неделю думал о письмах как о гадости, — сказал он. — Злой, продуманной, но гадости. Знаете, бывают люди, которым нравится ссорить соседей. Я такого видел на Лескова.

— Участковый про Лескова рассказывал.

— Да. Там была женщина, которая два года писала жалобы, потому что ей было скучно, и она чувствовала себя значительной. — Он помолчал. — Но она писала сама, от себя, с восклицательными знаками. А здесь человек прячется, и прячется очень тщательно, и тратит на подготовку месяцы.

— Это значит, что у него есть цель.

— Это значит, — сказал Шпак, — что он чего-то добивался. И я, к стыду своему, думаю об этом только сейчас, потому что две недели занимался тем, как это выглядит.

Я достала телефон.

— Эдуард Львович. У меня ещё одно есть.

— Слушаю.

— Фраза в письме про Жанну. Самая последняя. — Я нашла фотографию и положила телефон на стол. — «Не выходит на связь». Она выбивается из языка всего остального. И вчера ночью я вспомнила, где её слышала.

— Где?

— В чате. — Я листала переписку назад. — Вот. Двенадцатое октября. Про Жанну писала Галина Павловна: «Она у меня в пятницу должна была стричь, не пришла, второй день не выходит на связь».

Шпак прочитал.

— Это совпадение, — сказал он. — Распространённый оборот.

— Я тоже так подумала. — Я листала дальше. — А потом я искала по чату слово «связь» и нашла двадцать два вхождения. Знаете, кто чаще всех его употребляет?

— Кто?

— Все, — сказала я. — Галина, Лариса, трое незнакомых мне людей, вы один раз.

— И что это даёт?

— Ничего, — сказала я. — Я проверила и отбросила. Я

вам говорю это, чтобы вы понимали: я не выстраиваю версию. Я просеиваю.

Шпак посмотрел на меня с явным, почти детским удовольствием.

— Правильно, — сказал он. — Именно так и надо. Отрицательный результат — это тоже результат, этого никто не понимает.

И тогда я дошла до того, с чем на самом деле пришла.

— Но в чате есть другое, — сказала я. — И вот это уже не совпадение.

Я положила перед ним письмо про Жанну и показала на третью строчку.

— «В августе 2025 г. в отношении Ж.В. Коваль вынесен судебный приказ о взыскании задолженности, мировой судья судебного участка номер два Северного района». — Я подняла глаза. — Эдуард Львович, вы проверяли это по сайту. Там указан номер участка?

— Там указаны фамилия, инициалы, сумма, номер дела и дата. — Он нахмурился. — Участок указан в реквизитах дела, да.

— Сумма в письме не указана.

— Не указана.

— А в сведениях на сайте сумма есть и она другая, вы сами сказали. — Я придвинулась. — Автор видел эти сведения. Он взял оттуда номер участка и дату. Но сумму не взял, потому что сумма была маленькая и портила бы впе-

чатление.

Шпак медленно откинулся на спинку стула.

— Он отбирал, — сказал он.

— Он отбирал. — Я собрала листы. — И вот это, Эдуард Львович, самое важное из всего, что я вам сказала. Он не собрал всё, что нашёл, и не вывалил. Он из каждой находки выбрал то, что работает, и выкинул то, что мешает.

— Это, — сказал Шпак после паузы, — редактура.

Я кивнула.

— Это редактура.

Мы сидели молча. На кухне у него тикали часы — настоящие, настенные, с маятником.

— Я знаю одного человека, который в этом доме редактирует тексты, — сказал Шпак.

— Я знаю, — сказала я. — Это я.

— Я не вас имею в виду.

— Я знаю, кого вы имеете в виду. — Я застегнула папку. — Эдуард Львович, у Веры Антоновны нет принтера.

Он замер.

— Откуда вы знаете?

— Я была у неё четыре раза. — Я встала. — У неё на столе лежат расчерченные от руки листы, карандаши, ластик и словарь. Она составляет кроссворды и отправляет их по почте в конвертах с марками. У неё нет компьютера. У неё кнопочный телефон, в котором нет интернета, я видела, как она в него тыкала, когда добавляла меня в чат, — она держала

его на вытянутой руке и жаловалась, что всё мелко.

Шпак молчал.

— Чтобы напечатать эти письма, — сказала я, — нужен компьютер, Word и принтер. Чтобы найти судебный приказ Жанны, нужен интернет. Чтобы узнать про мою служебную записку, нужно было найти человека в другом городе.

— Она могла пойти в копировальный салон.

— С чем? — спросила я. — С рукописным текстом? Чтобы там сидела девочка и набирала одиннадцать писем с чужими секретами?

Он потёр переносицу.

— Нина Андреевна. Это серьёзные возражения, и я их принимаю. — Он поднял палец. — Но вы человек заинтересованный. Вы к ней привязаны.

— Да, — сказала я. — Привязана.

— И это вас ослабляет.

— Это меня не ослабляет, Эдуард Львович. Это меня подгоняет. — Я взяла папку. — Вы же понимаете, что вы вчера сделали во дворе?

Он смотрел на меня.

— Я задал вопрос, — сказал он.

— Вы задали вопрос так, чтобы все ответили на него одним именем. И они ответили. Молча, каждый про себя. И сегодня в чате уже третий день пишут про её архив.

— Я этого не хотел.

— Я верю, — сказала я. — Но получилось.

Он встал и проводил меня до двери.

Там, уже в прихожей, сказал:

— Я вам помогу.

— Зачем?

Он поправил очки.

— Затем, что вы единственный человек в этом доме, который со мной разговаривает по существу, — сказал Шпак. — Остальные либо соглашаются, либо отмахиваются.

Я вышла на площадку. И уже у лифта услышала:

— И ещё, Нина Андреевна. Про принтер.

Я обернулась.

— Полоса на листе, о которой вы говорили. От ролика. — Он стоял в дверях, держась за ручку. — Это очень хорошо. Это, может быть, лучшее, что у вас есть.

— Почему?

— Потому что принтер — это вещь, — сказал Шпак. — Вещь стоит в конкретном помещении. Кавычки можно переставить. Принтер надо держать.

Он закрыл дверь.

Я поехала вниз — не наверх, к себе, а вниз, — и в холле ещё раз посмотрела на почтовую нишу, на три секции, на общую раму с одним замком и на шестьдесят первый ящик, в котором конверт всё ещё лежал плашмя на дне.

До него никто так и не дотронулся.

Абдуллаев был на вахте и приезжал раз в месяц.

Глава 12. Брат из Казани

Третий день в чате говорили об архиве.

Началось, как всегда, с невинного. Галина Павловна спросила, не знает ли кто, где взять справку о прописке за девяностые годы, потому что ей по наследству. Кто-то ответил, что в городском архиве. Кто-то написал: «А у нас же вроде в доме есть». Кто-то поставил смеющийся смайлик.

Галина, кв.44: Так я у Веры Антоновны брала в прошлом году. Она за вечер нашла.

Галина, кв.44: Я к тому, что человек помогает вообще-то

Жанна, 41: Галина Павловна вы сейчас ей очень помогли спасибо

Галина, кв.44: В каком смысле

Жанна, 41: А вы подумайте

Валентина Петровна, 12: А что там вообще хранится? Это же наши документы получается

Галина, кв.44: Домовые книги карточки лицевые счета

Валентина Петровна, 12: И про меня есть?

Галина, кв.44: Валентина Петровна наверное про всех есть

Дальше двадцать сообщений.

Я читала это у себя на кухне, с остывшим кофе, и видела, как на глазах, за сорок минут, рождается то, что потом будут называть «ну все же знали».

Незнакомый номер: А на каком основании у частного лица документы с персональными данными??

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Формально — ни на каком. Фактически организация ликвидирована, передача в архив не произведена, виновных в этом искать поздно.

Жанна, 41: Эдуард Львович вы прямо как судья

Эдуард Львович Шпак, кв.31: Я констатирую правовое положение. Из него не следует ничего в отношении конкретного человека.

Лариса Дёмина (кв.9): Друзья, я прошу закрыть тему.

Лариса Дёмина (кв.9): Вера Антоновна в этом доме с 2009 года. Она мне в 2017-м оформила субсидию, когда я после развода не могла концы свести, и просидела со мной над документами два вечера бесплатно. Я это помню.

Лариса Дёмина (кв.9): Если кому-то не нравится, что у человека дома лежат старые бумаги — идите и напишите в прокуратуру. Только потом не удивляйтесь, если к вам придут проверять, кто у вас в квартире прописан.

Галина, кв.44: Лариса Валерьевна ну зачем вы так

Лариса Дёмина (кв.9): А как?

В чате стало тихо минут на двадцать.

Я перечитала её сообщения дважды. Они были хорошие. Они были правильные, конкретные, с благодарностью и с угрозой — ровно то, что останавливает травлю. Я тогда подумала: вот человек, который умеет не только суетиться с шуруповёртом.

Ещё я подумала, что она единственная, кто вступился. А я — нет.

Я написала в чат: «Поддерживаю Ларису. Это не наше дело и не наши документы».

Ответа не было. В чате поддержку чужой реплики не комментируют, она просто уходит вниз.

Около двух я спустилась в подвал.

Вход был с торца, со стороны третьего подъезда, — короткая бетонная лестница вниз, железная дверь, над ней вывеска с логотипом маркетплейса и распечатанный лист «РЕЖИМ РАБОТЫ 10:00–21:00 БЕЗ ВЫХОДНЫХ».

Внутри оказалось неожиданно прилично. Белые стеллажи с номерами, стойка, терминал, зеркало, примерочная за шторкой, коврик у входа. Пахло картоном и чем-то цитрусовым — видимо, освежитель.

За стойкой сидел Руслан.

Я видела его до этого дважды: он придерживал мне дверь в субботу и ещё раз прошёл навстречу во дворе. Вблизи ему было лет тридцать пять, у него были очень короткие волосы, и он сидел перед монитором в очках, которые, увидев меня, сразу снял.

— Здравствуйте, — сказал он. — Номер заказа?

— У меня нет заказа.

Он посмотрел на меня.

— Тогда здравствуйте, — повторил он уже иначе.

— Я Нина. Из шестидесятой.

— Я знаю. — Он положил очки на стойку. — Я вас помню, вы с граблями ходили.

— Я к вам поговорить.

Он помолчал секунду, потом встал, подошёл к двери и перевернул табличку на «ПЕРЕРЫВ 15 МИНУТ».

— Садитесь, — сказал он и пододвинул мне стул для примерочной. — Только у меня правда пятнадцать минут, в три машина придёт.

Мы сели по разные стороны стойки, как клиент и оператор, и это оказалось удобно: не нужно было смотреть друг другу в лицо всё время.

— Вы по письму, — сказал он.

— Да.

— Я его не читал.

— Как не читали?

— Я его не вынимал. — Он потёр ладонью затылок. — Мне Галина Павловна в пятницу у подъезда пересказала. Подробно. С выражением. Я сказал спасибо и пошёл.

— А из ящика не достали?

— Достал в субботу. — Он посмотрел на меня. — Прочитал. Там всё правда.

Я не ожидала, что так сразу.

— Всё?

— Почти. — Он придвинул к себе клавиатуру, видимо, чтобы руки были заняты. — Квартира семьдесят пять моя. Я её сдаю. Посуточно, через сайт. С января этого года.

— А в доме говорите, что там брат.

— Говорю, — сказал он. — Говорил. Теперь уже не говорю, теперь все знают.

Он произнёс это ровно, но у него дёрнулась мышца на щеке.

— Почему вы врали?

— А вы как думаете? — Он впервые поднял на меня глаза и держал взгляд. — Нина, у меня в этом доме подвал в аренде. Каждый год договор продлевается решением совета дома. Каждый год. Если жильцы узнают, что я ещё и квартиру посуточно сдаю и ко мне ходят чужие люди, — мне подвал не продлят. И я останусь с кредитом за оборудование и без работы.

— Это не «брат из Казани» тогда получается, а просто ложь.

— Это ложь, — согласился он. — Я вас не переубеждаю. Я объясняю, зачем.

Мы помолчали.

— Что в письме неправда? — спросила я.

— Там написано «не менее сорока случаев краткосрочного проживания». — Он чуть усмехнулся. — Их было шестьдесят три.

— Вы считали?

— У меня отчётность на сайте. Шестьдесят три заезда за девять месяцев.

Я записала это в блокнот — не потому, что это было важ-

но, а чтобы он видел, что я записываю. Это иногда успокаивает людей: если пишут, значит, разговор серьёзный.

— Руслан, у вас с Гречко был конфликт.

— Был.

— Какой?

— Он на меня писал. — Руслан откинулся на стуле. — Три жалобы. В Роспотребнадзор — на шум и на нарушение санитарных норм. В управляющую — на то, что я занимаю общее имущество без решения собрания, хотя решение есть, двадцать первого года. И ещё в жилищную инспекцию, но там ему отказали.

— Почему он писал?

— Потому что считал, что ПВЗ в жилом доме — это неправильно.

— И, честно говоря, он не совсем не прав. Ко мне в день приходит человек семьдесят. Они курят у входа, они оставляют коробки, они иногда звонят не в тот домофон. Я бы на его месте тоже писал.

— Вы на него злились?

— Я на него орал, — сказал Руслан. — В июне. Во дворе, при людях. Так орал, что Жанна из окна высунулась.

— И что он?

— А он стоял и слушал. — Руслан потёр лицо. — Я ему кричу: у меня трое на зарплате, у меня кредит, я тут плачу аренду в дом, двадцать две тысячи в месяц, а вы меня выгоняете. А он молчит. Я выдохся, замолчал. И он говорит:

«Руслан Эдуардович, вы всё правильно говорите. Я всё равно буду писать».

Он сказал это почти с восхищением.

— Вот такой человек, — сказал он. — Я с тех пор его не могу ненавидеть, хотя очень хочется.

Я посмотрела на свои записи.

— Руслан, где вы были в среду ночью? Пятнадцатого.

Он не стал возмущаться. Он взял телефон.

— В третьем подъезде, — сказал он. — В семьдесят пятой квартире. Заселял гостей. Поезд из Москвы приходит в двадцать три сорок, они приехали на такси, я их встречал у подъезда.

— Во сколько?

— Заезд в системе отмечен в двадцать три пятьдесят восемь. — Он повернул ко мне экран. — Вот. Двое. Фамилия, паспорт у них, я не фотографирую, но сообщение от них есть, вот, «мы на месте, где вас найти».

— Вы долго там были?

— Минут двадцать. Показал, где что, объяснил про воду. Потом поднялся к себе, я на первом в семьдесят третьей.

— То есть вас во дворе не было?

— Я по двору шёл, — сказал он. — От третьего подъезда до шлагбаума и обратно, встречать такси. И вот тут, Нина, я вам скажу одну вещь, и вы её, пожалуйста, запишите, потому что я её уже три раза рассказывал и каждый раз все кивают и забывают.

Я приготовилась.

— Около полуночи у второго подъезда стояла машина, — сказал Руслан. — Белая. Стояла не на месте, не на разметке, а прямо у крыльца, боком, передом к выезду.

— Чья?

— Не знаю. — Он поднял руку. — Подождите. Я не знаю чья, и я не видел номер, потому что я шёл с другой стороны и мне было не до того. Но она стояла с заведённым двигателем. Это я помню точно, потому что было тихо, и я слышал.

— Сколько стояла?

— Когда я шёл к шлагбауму, в двадцать три сорок пять примерно, её не было. Когда я возвращался с гостями, в пятьдесят восемь, она была. Когда я вышел от них, минут через двадцать, — её не было.

Я записала. У меня начало колотиться сердце.

— Вы это полиции говорили?

— Я это говорил Ларисе Валерьевне в субботу вечером, — сказал Руслан. — Она сказала, что передаст участковому, потому что заявление от них.

— А сами?

— А меня никто не спрашивал, — сказал он. — Нина, ко мне в этот дом никто не приходит разговаривать. Вы первая за три недели. Остальные пересказывают друг другу, что я сдаю квартиру узбекам.

Он сказал это без упрёка, и поэтому мне стало неудобно.

— В доме много белых машин? — спросила я.

— Полно. — Он сказал это сразу, как человек, который это уже обдумал. — Я считал в воскресенье утром, от скуки. Во дворе стояло одиннадцать белых. Из них легковых семь.

— Вы знаете, чьи?

— Не все. — Он стал перечислять, загибая пальцы. — Шпака «Калина» — белая. У Галины Павловны мужа «Солярис» был белый, но они его продали летом. У мужика из восемьдесят второй «Ларгус» белый. У Дёминой «Поло» белый. У Кузнецовых из сорок второй «Рио», белый, но он во дворе редко, они в гараже ставят. У Жанны машины нет, она на такси. У меня «Приора» серая.

— Это шесть.

— Седьмая — не знаю чья, — сказал Руслан. — Седан, белый, я в ней не разбираюсь. Стоит у третьего подъезда последний месяц, иногда через день. Я думал, кто-то к кому-то ездит.

— Номер?

— Нина, я не записываю номера машин во дворе, — сказал он. — Я бы на вашем месте тоже не записывал.

Я записывала.

«Поло» белый.

Я записала это в середине списка, между «Ларгусом» и Жанной, и даже не задержалась на нём карандашом, потому что передо мной лежали ещё четыре записи, и я спешила дописать.

Это я помню совершенно точно, потому что потом много

раз смотрела на эту строчку в блокноте.

— А кто ещё во дворе ночью бывает? — спросила я. — Из тех, кто мог видеть.

— Азамат, дворник, — сказал Руслан. — Но он утром. В шесть приходит.

— А он что-нибудь говорил?

— Со мной — нет. Он со мной здоровается и всё. — Он подумал. — Вы с ним поговорите, он нормальный мужик. Только он по-русски... он понимает всё, а говорит коротко. Ему кажется, что он плохо говорит, и он стесняется.

Я перевернула страницу блокнота.

— Руслан, у вас есть ключ от почтовой рамы?

— От чего?

— От почтовых ящиков. Общая рама, которая закрывается одним замком.

— Нет, — сказал он. — Зачем мне?

— А от подвала?

— От подвала есть. Два. И у управляющей есть, и у Павла Семёновича был.

— У Гречко был ключ от вашего подвала?

— А как же. — Он посмотрел на меня с удивлением. — Он председатель, подвал — общее имущество. Он ко мне раз в квартал приходил смотреть, не перекрыл ли я доступ к коммуникациям. С линейкой приходил, Нина. Мерил проход.

Я засмеялась. Он тоже, неожиданно.

— Хороший был мужик, — сказал он и сразу осёкся. — То есть. Я не в том смысле.

— Я понимаю.

Он встал, перевернул табличку обратно на «ОТКРЫТО».

— Нина. — Он собирал что-то на стойке, не глядя на меня. — А вы зачем это всё?

— В каком смысле?

— Вы в доме три недели. — Он поставил степлер на место. — Вам до этого, какое дело?

Я подумала, прежде чем ответить, и ответила честно.

— Мне написали письмо, — сказала я. — В нём изложена моя история так, что я выгляжу человеком, который утопил друга из выгоды. Всё правда и всё перевёрнуто. И я три дня хожу и чувствую, что должна всем объяснять.

Руслан кивнул.

— Да, — сказал он. — Это я знаю.

— А ещё, — сказала я, — в доме сейчас назначат виноватой женщину, которая мне в первый день помогла затащить стеллаж.

— Шапкину?

— Шапкину.

Он помолчал, выравнивая стопку бумаги на стойке.

— Я тоже так думаю, — сказал он. — Что назначат.

— А вы думаете, она?

— Я думаю, нет, — сказал Руслан. — Но я, Нина, вообще плохо в этом доме понимаю, кто есть кто. Я тут пять лет, и у

меня ни с кем нет отношений, кроме Ларисы Валерьевны.

Я подняла голову.

— А с ней какие?

— Нормальные. — Она у меня зимой работала.

— Где работала?

— Здесь. — Он обвёл рукой помещение. — На выдаче. У меня девочка в декрет ушла в ноябре, я не мог найти человека на два месяца, кому нужна подработка на два месяца. А она сама пришла и предложила. Говорит: Руслан, у меня вторая смена в магазине через день, я могу по утрам.

— И долго?

— Декабрь и январь. — Он убрал очки в футляр. — Хорошо работала, кстати. Быстро. У неё с людьми хорошо, вы же видели.

— Видела.

— Ну вот.

Он взял с полки сканер и проверил его, щёлкнув кнопкой.

— Так что если вам что-то про меня надо — спросите у неё, — сказал он. — Она про меня знает больше всех в доме. Она тут два месяца сидела.

Я закрыла блокнот.

— Спасибо, Руслан.

— Не за что. — Он проводил меня до двери и сказал в спину: — Нина. Если вам нужно будет с Азаматом поговорить — скажите, я переведу. Не язык, а… ну, я ему объясню, что вы не проверяющая. Он проверяющих боится.

— Договорились.

— И ещё. — Он придержал дверь. — Если вам понадобится зайти в подъезд, в который вас не пустят, — скажите. У меня ключи от всех трёх, я заказы разношу тем, кто не спускается.

Я поднималась по бетонным ступенькам наверх, на воздух, и думала о том, что только что провела первый за три недели разговор, в котором человек рассказал мне правду раньше, чем я успела его прижать.

И ещё я думала о белой машине с заведённым двигателем у крыльца второго подъезда около полуночи. Это было то самое время, когда я слышала хлопок двери и два голоса.

Про то, что Лариса Дёмина два месяца работала на выдаче заказов и видела, кто в этом доме что получает, я в тот день не подумала ни разу.

Я записала это в блокнот и перевернула страницу.

Глава 13. Шкатулка

В четверг утром позвонил Сайко.

— Нина Андреевна? Это Сайко, участковый. Вы вчера звонили.

— Звонила. Два раза.

— Я вижу. — В трубке шуршала бумага. — Я вам по порядку, у меня три минуты.

— Слушаю.

— По телефону Гречко. Запрос ушёл в понедельник, ответ пришёл сегодня ночью. — Он читал, видимо, с экрана. — Последнее соединение — пятнадцатого октября, двадцать два ноль девять. Входящий, продолжительность восемь секунд. После этого аппарат находился в зоне действия одной базовой станции, той, которая накрывает ваш дом и ещё четырнадцать. В ноль часов тридцать одну минуту шестнадцатого октября — последняя регистрация в сети. Дальше ничего.

— Он его выключил?

— Или разрядился. — Сайко сделал паузу. — Нина Андреевна, вы же понимаете, что это значит?

— Что телефон остался в доме.

— Что аппарат не покидал зону, да. — Он помолчал. — И это, если честно, плохая новость.

— Почему?

— Потому что люди, которые уезжают сами, берут телефон.

Я села на подоконник в кухне.

— А по больницам?

— Запросы в работе. — Голос у него стал суше. — По городу проверил, по городу его нет. Область — это другая процедура, туда запрос через отдел, он уйдёт на той неделе.

— На той неделе?

— На той неделе, — повторил Сайко. — Нина Андреевна, я вам сейчас могу красиво наврать, что всё под контролем, или сказать как есть. Как есть: у меня дело о розыске дееспособного мужчины, без признаков криминала, и у меня таких четыре в производстве. Я не могу послать запросы в сорок больниц области завтра, потому что их надо оформить, подписать и отправить, и это делает не один я.

— Я понимаю.

— Не понимаете, но спасибо. — В трубке стукнуло, он что-то переложил. — По шлагбауму. Запись я получил в понедельник вечером. Период хранения семь суток, пятнадцатое октября туда попадало, но едва.

— И?

— И там ничего. — Он вздохнул. — Камера смотрит на номер машины в момент проезда. Угол такой, что видно капот, номер и полтора метра асфальта. Двор не видно вообще. С двадцати двух до шести в ту ночь зафиксировано девять проездов: четыре на въезд, пять на выезд.

— Пять на выезд?

— Одна машина выехала, которая въехала до двадцати двух. Это нормально.

— А чьи машины?

— Нина Андреевна. — Он сказал это ровно. — Я не могу вам называть владельцев транспортных средств из материала проверки.

— Извините.

— Да нормально. — Пауза. — Скажу так: восемь из девяти — жильцы вашего дома. Девятая — такси.

— Белых среди них есть?

Он помолчал.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что у второго подъезда около полуночи стояла белая машина с заведённым двигателем. Вам Лариса Дёмина это передавала? Руслан Таиров видел.

В трубке стало тихо.

— Нет, — сказал Сайко. — Мне этого не передавали.

Я сидела на подоконнике и смотрела во двор.

— Нина Андреевна, — сказал он другим голосом. — Дайте мне телефон Таирова.

Я дала.

— И ещё. — Он опять шуршал. — Вы в воскресенье в отделе говорили, что встретили Гречко на лестнице в среду вечером. Вы сказали — он сообщил вам, что на собрании будет вопрос по деньгам от аренды и что в документах нестыковки.

— Говорила.

— Это всё, что он сказал?

Вот здесь у меня был второй шанс, и на этот раз я им воспользовалась.

— Нет, — сказала я. — Не всё.

— Так.

— Он сказал, что два года подписывал акты не читая и что его собственная подпись стоит на каждом документе. Что если это пойдёт в полицию, он будет не заявителем, а второй фамилией. И что он хочет сначала, чтобы человек объяснил сам.

— Какой человек?

— Он не назвал.

— Точно?

— Точно. — Я закрыла глаза. — Он только попросил, чтобы, если меня будут спрашивать, о чём мы говорили, я сказала — про запятые.

Сайко молчал секунд пять.

— Почему вы не сказали это в воскресенье?

— Потому что рядом сидели Шпак и Дёмина, — сказала я. — И я решила, что не имею права при них говорить, что председатель подозревал кого-то из своих.

— А потом?

— А потом я звонила вам два раза, и вы не брали.

— Справедливо, — сказал он. — Приезжайте сегодня. После пяти. Запишем отдельно.

— Хорошо.

— И, Нина Андреевна. — Он помедлил. — Вы же в доме расспрашиваете людей.

— Расспрашиваю.

— Я вам не могу этого запретить, вы в своём праве разговаривать с соседями. — Он сказал это очень осторожно. — Но если вы правы насчёт того, что кто-то из них взял чужие деньги, то вы ходите и задаёте вопросы человеку, которому есть что терять. Подумайте об этом.

Я приехала к нему в шесть, подписала объяснение на двух листах и вернулась к восьми.

И вот тут начинается та часть, которую я бы хотела рассказать иначе.

Я пошла к Вере Антоновне с пирогом.

Пирог я купила в кондитерской у работы, пока ждала Сайко: яблочный, в коробке, дорогой. Я везла его в сумке и всю дорогу придумывала, как скажу. Получалось плохо. Все варианты начинались с «Вера Антоновна, вы только не обижайтесь».

Мы не разговаривали четыре дня. С того понедельника, когда она сказала мне про благодарность и котлеты.

Она открыла и посмотрела на коробку.

— Это что?

— Пирог.

— С чем?

— С яблоками.

— Я яблочные не люблю, — сказала Вера Антоновна и отступила от двери. — Заходите.

На кухне она поставила чайник, достала две чашки и разрезала пирог. Съела кусок полностью. Про то, что не любит яблочные, больше не упоминала.

Мы говорили сначала ни о чём: про то, что в доме отключают воду в понедельник, про то, что Азамат наконец убрал листья, про её кроссворд, который взяли в Иваново, три из десяти, как обычно.

Потом она сказала:

— Ну, выкладывайте.

— Что выкладывать?

— Нина, вы с коробкой пирога пришли к человеку, с которым четыре дня не разговаривали. — Она подлила себе чай. — Вам что-то надо. Говорите, пока я добрая.

И я сказала.

Я рассказала ей всё, что нашла. Про шаблон и принтер, про полосу от ролика, про кавычки, про «ё», про двойной пробел. Про то, что письма вычитаны. Про то, что в моём письме стоит цитата из моей служебной записки, которую могли взять только у Артура или в издательстве. Про белую машину. Про шестьдесят первый ящик с конвертом, лежащим плашмя. Про комплект ключей от рамы, который шесть лет назад выдали «кому-то из дома».

Говорила я минут двадцать, и говорила хорошо — у меня к тому вечеру всё это сложилось, и я впервые излагала это

человеку, который понимал про документы больше, чем я.

Вера Антоновна слушала, положив руки на стол.

Когда я закончила, она сказала:

— Ключ.

— Что?

— Вы сказали — комплект ключей от рамы выдали кому-то из жильцов в девятнадцатом году. — Она смотрела на меня очень внимательно. — Вы это от почтальона знаете?

— От неё.

— А она не помнит кому.

— Не помнит.

Вера Антоновна встала.

Она вышла в комнату и вернулась через минуту.

В руках у неё была шкатулка. Деревянная, тёмная, с выжженным узором — такие продавали в сувенирных киосках в восьмидесятых. Она поставила её на стол и открыла.

Внутри лежали ключи. Много. Штук двадцать, разных, на кольцах и по отдельности, часть с привязанными бумажными бирками, исписанными мелким почерком.

— Смотрите, — сказала она.

Я смотрела.

— Это мои, — сказала Вера Антоновна и стала выкладывать их на стол по одному. — Это от дачи, которой нет, продали в двенадцатом. Это от квартиры мамы на Пятёрке. Это от гаража Володиного. Это от конторы, от сейфа, не выбросила. Это от почтовых ящиков.

Она положила на стол плоский, короткий ключ с квадратной головкой.

Я смотрела на него и чувствовала, как у меня холодеет лицо.

— Вот этот, — сказала она. — От общей рамы. Второй подъезд.

Я молчала.

— Нина, — сказала она. — Берите и идите проверяйте.

— Что?

— Берите ключ, спускайтесь вниз и попробуйте его в замок. — Она подвинула ключ ко мне. — Я вам говорю: он не подойдёт. Я хочу, чтобы вы в этом убедились сами, своими руками, а не потому, что я вам сказала.

— Вера Антоновна...

— Берите.

Я взяла ключ.

Мы спустились вместе — на лифте, молча, шесть этажей.

В холле было пусто. Я подошла к нише, вставила ключ в замок общей рамы и повернула.

Не повернулся. Он вошёл на две трети и упёрся.

Я попробовала ещё раз, аккуратнее. То же самое.

— Прижмите и качните, — сказала Вера Антоновна за моей спиной. — Иногда старые так открываются.

Я качнула. Ключ не шёл.

— Теперь посмотрите на него.

Я посмотрела.

— И на замок.

Я посмотрела на замок. Он был заметно новее ключа: металл светлее, прорезь другой формы, чуть уже.

— Замки меняли в девятнадцатом, — сказала Вера Антоновна. — Все три рамы в трёх подъездах. А этот ключ у меня с две тысячи десятого года, мне его выдали в ЖЭУ, потому что я носила по ящикам квитанции, когда расчётчица была в отпуске. — Она забрала ключ у меня из пальцев. — Он от замков, которых больше нет.

— Я вам верю.

— Теперь — да, — сказала она. — Теперь вы проверили.

Мы поднялись наверх.

И вот тут я должна была остановиться.

Я должна была сказать: спасибо, я была неправа, и давайте пить чай. Я до сих пор не знаю, почему не сказала. Самое честное объяснение — что я была возбуждена работой и хотела закрыть все вопросы в один вечер, пока она «добрая». И ещё — что мне было стыдно, а когда мне стыдно, я становлюсь настойчивее, а не мягче. Это у меня с детства, и я это про себя знаю, и всё равно каждый раз делаю.

На кухне я села и сказала:

— Вера Антоновна. Остался один вопрос.

— Задавайте.

— Анонимка в инспекцию, двадцать второй год.

Она поставила чашку.

— Нина.

— Я должна знать, — сказала я. — Не потому, что я вас подозреваю, — я не подозреваю, я только что сама проверила ключ. А потому, что Шпак её раскопал, и в доме про неё говорят третий день, и когда меня спросят, я хочу знать, что отвечать.

— Вы хотите знать, что отвечать, — повторила она медленно.

— Да.

— То есть вам нужно, чтобы я вам дала версию для соседей.

— Мне нужна правда.

— Зачем?

— Чтобы вас защищать!

Я повысила голос. В её кухне, где тикал будильник на холодильнике и пахло пирогом, я повысила голос на человека, который двадцать минут назад таскался со мной в лифте вниз, чтобы доказать свою невиновность ключом.

Вера Антоновна очень аккуратно отодвинула чашку.

— Я писала её, — сказала она.

Я замерла.

— Что?

— Я писала, — повторила она. — В двадцать втором году, в марте. Обращение в государственную жилищную инспекцию по нарушениям в работе совета дома. Шесть пунктов, с приложениями. Отправила по почте, без подписи.

— Зачем?

— Потому что меня попросили.

— Кто?

— Это, — сказала Вера Антоновна, — не ваше дело.

— Вера Антоновна!

— Я сказала: не ваше дело. — Голос у неё был совершенно спокойный, и от этого спокойствия было хуже, чем если бы она кричала. — Я вам сказала самое главное: я её писала. Этого достаточно, чтобы вы перестали меня защищать, если вам это нужно.

— Мне это не нужно!

— Тогда зачем вы спрашиваете?

Мы сидели и смотрели друг на друга через стол.

— Вам заплатили, — сказала я.

Это вылетело само. Я до сих пор помню, как это вылетело: я не додумала эту мысль, она вышла раньше, чем я её осознала, — из всего вместе, из «меня попросили», из третьего абзаца письма про неё, из «иных подтверждённых источников дохода не установлено».

Вера Антоновна не изменилась в лице.

— Три тысячи, — сказала она. — За работу на четыре вечера, с подбором приложений, с копиями из моего архива, с выписками из протоколов. Три тысячи рублей.

— Господи, — сказала я.

И это было худшее, что я могла сказать.

Потому что я сказала это с жалостью. Не с осуждением. Я бы хотела, чтобы это было осуждение — его хотя бы можно

оспорить.

Вера Антоновна встала.

— Уходите, — сказала она.

— Вера Антоновна...

— Уходите, Нина.

— Я не имела в виду...

— Вы имели в виду ровно то, что сказали. — Она пошла в коридор. — Вы меня пожалели. За три тысячи рублей. Женщина с пенсией двадцать одна тысяча четыреста рублей, которая сорок пять лет работала, взяла три тысячи за четыре вечера работы головой — и вы сказали «господи».

— Я не про деньги!

— А про что? — Она открыла входную дверь. — Про то, что я написала анонимку? Так я вам скажу про анонимку. В ней было шесть пунктов, и по пяти из них инспекция вынесла предписание. Пять из шести, Нина. Я писала правду.

— Правду можно писать под своим именем.

Она остановилась.

И посмотрела на меня так, что я поняла: вот это — то, за что я буду себя помнить.

— Можно, — сказала она. — Если тебе шестьдесят два, у тебя есть работа и есть муж, который за тебя встанет. А когда тебе семьдесят три и ты живёшь в этом подъезде одна и будешь в нём жить до смерти, ты пишешь без подписи. Потому что если ты напишешь с подписью, ты будешь ходить мимо этих людей в лифте каждый день, пока не умрёшь.

— Это трусость, — сказала я.

Я сказала это. Вслух. Своей соседке, в её прихожей, под лампой.

— Да, — сказала Вера Антоновна. — Это трусость.

И закрыла за мной дверь.

Я стояла на площадке.

Четыре метра до моей двери. Я прошла их, открыла, вошла, не включая свет, села в прихожей на стеллаж — на нижнюю полку, как на лавку, — и просидела так, наверное, полчаса.

Я прокручивала разговор и в двадцатый раз доходила до «правду можно писать под своим именем», и каждый раз мне становилось физически горячо в лице.

Потому что моя служебная записка была подписана. Моя — была.

И я два года не могла себе ответить, стало ли от этого легче Артуру.

Около одиннадцати я написала ей в мессенджер — и вспомнила, что у неё кнопочный телефон и никакого мессенджера.

Тогда я взяла лист бумаги.

Написала: «Вера Антоновна, я была неправа и груба. Простите». Перечитала. Слово «груба» показалось мне слабым, и я переписала: «Простите меня, я была несправедлива».

Потом подумала, что «несправедлива» — это уже самооправдание, потому что несправедливость бывает по недо-

разумению, а я знала, что делаю.

Я написала третий вариант:

«Вера Антоновна. Я пожалела Вас вслух, и Вы имели полное право меня выгнать. Мне стыдно. Я не передумала Вас защищать, но я больше не буду этого делать через допрос. Нина. Шестидесятая».

Сложила лист и пошла сунуть под дверь.

Под дверью, с её стороны, уже лежал мой пирог. В коробке, аккуратно закрытой.

Я забрала коробку, положила записку и вернулась к себе.

В пятницу в чате было тихо — то есть не тихо, а как-то иначе.

Потому что на весь день всё обсуждение переехало в другое место, и я об этом узнала только в субботу.

Про это надо рассказать отдельно.

Глава 14. У подъезда

В пятницу вечером Галина Павловна добавила меня в группу.

Она называлась «Актив дома» — тридцать один человек, отдельная от чата, созданная, судя по дате, ещё в сентябре. Сообщений там было четыреста с чем-то, и последние сутки все они были про одно.

Галина, кв.44: Я просто спросила у неё про справку. Она мне ответила через губу.

Галина, кв.44: Я не говорю ничего плохого. Я говорю, что человек странно себя ведёт.

Кв.26: Странно это мягко сказано

Кв.26: Я в лифте с ней ехала, она молчит и смотрит. Я ей говорю здравствуйте, она кивает. Мы двадцать лет в одном доме.

Валентина Петровна, 12: Девочки, ну нельзя же так. Она мне в двадцать первом году с пропиской помогала.

Галина, кв.44: Вот именно! Помогала. А откуда у неё все бумаги?

Валентина Петровна, 12: Так из ЖЭУ

Галина, кв.44: Валентина Петровна, а вы знаете, что она про вас в своём архиве написала?

Валентина Петровна, 12: Что?

Галина, кв.44: Вот и я не знаю. Никто не знает. Вот это

и страшно.

Я прочитала это два раза и закрыла телефон.

Потом открыла снова и стала читать с начала — с четверга, с того места, где всё началось.

Никто там не писал «Шапкина виновата». Никто. Это было устроено иначе, и я полвечера пыталась понять, как именно, потому что это была моя работа и я должна была её понимать.

Каждое сообщение по отдельности было совершенно невинным.

«Я просто спросила про справку». «Я не говорю ничего плохого». «Мне просто интересно, откуда у человека чужие документы». «А вы заметили, что она никогда не приходит на субботник до конца?» «А вы заметили, что она в чате не пишет ничего, только читает?»

И всё вместе складывалось в ту самую фразу, которой не было ни в одном сообщении.

Я сидела над этим и вспоминала своё собственное объяснение в холле, в четверг: «Автор просто поставил их рядом. И вы связали их сами».

Вот теперь это делали тридцать один человек. Своими руками, с искренним ужасом и без всякого злого умысла.

В одиннадцать ночи я написала в группу:

«Я вас прошу остановиться. Я редактор и профессионально читаю тексты. То, что здесь происходит последние сутки, — это ровно то, чего добивался автор писем».

И через минуту, потому что меня уже несло:

«И ещё. У Веры Антоновны нет компьютера и нет принтера. У неё кнопочный телефон без интернета. На письмах, которые все читали, — след принтера. Я проверяла»

Ответов было три.

Кв.26: А вы откуда знаете, что у неё нет?

Галина, кв.44: Нина Андреевна, никто вас не просил.

Галина, кв.44: И кстати, вы в доме месяц. Вы её защищаете, потому что она вам котлеты носила?

Я легла спать в половине первого и спала плохо.

В субботу в восемь утра пришло сообщение в основной чат.

Кв.56: Люди!! Опять в ящиках

Писем было три.

Я узнала об этом от Галины Павловны, которая звонила мне в трубку в восемь двадцать, потому что я была единственным человеком в «Активе», кто не ответил в чате, и она решила, что это значит, что я на её стороне.

— Про Веру Антоновну! — кричала она. — Три письма и все про неё!

— Кому?

— Мне! И Тане из пятьдесят шестой! И Валентине Петровне!

Я спустилась через десять минут.

В холле первого подъезда, у ниши, стояло человек шесть, и Галина Павловна читала вслух.

— «В.А. Шапкина в 2022 году составила обращение в государственную жилищную инспекцию, содержащее не соответствующие действительности сведения о работе совета дома». — Она подняла глаза. — Это про что вообще?

— Дайте, — сказала я.

— Нет, подождите, тут дальше.

— Галина Павловна, дайте мне лист.

Она отдала — не потому, что я убедила, а потому, что растерялась.

Я прочитала.

Текст был короче всех предыдущих. Один абзац и одна фраза отдельно.

«В.А. Шапкина, кв. 57, в марте 2022 г. направила в государственную жилищную инспекцию Ярославской области анонимное обращение в отношении совета дома по адресу ул. Инженера Кольцова, 9. Обращение содержало сведения о нарушениях, часть которых не подтвердилась.

Обращение составлено на одиннадцати листах, включая приложения.

Копия обращения находится у В.А. Шапкиной».

Я стояла и смотрела на последние две строки.

«На одиннадцати листах».

Это было не в письме про Веру Антоновну, которое я читала в понедельник. То письмо было про архив, про анонимку и про доход. Про одиннадцать листов там не было ни слова.

Значит, автор знал больше, чем написал в первый раз. Значит, автор держал в руках саму жалобу.

Или у автора был кто-то, кто держал.

— Таня, у вас что? — спросила Галина.

Таня из пятьдесят шестой, женщина лет пятидесяти с очень испуганным лицом, протянула свой лист.

Там было то же самое, другими словами, короче, и последняя строка другая:

«Копия обращения находится у В.А. Шапкиной».

Третье письмо, у Валентины Петровны, было ещё короче. Одна фраза:

«Кто в нашем доме хранит копии чужих документов и зачем?»

Я стояла с тремя листами в руках и понимала, что происходит, и ничего не могла с этим сделать.

Это была не утечка. Это была демонстрация. Автор перестал раскладывать чужие секреты и впервые в жизни прямо указал пальцем — не обвинением, а вопросом, который каждый задаст себе сам.

— На одиннадцати листах, — сказала Галина Павловна. — Нина Андреевна, вы же редактор. Откуда посторонний человек знает, сколько там листов?

— Из инспекции.

— А в инспекцию кто ходил?

— Никто.

— Вот именно.

Я поднялась к Вере Антоновне.

Она открыла сразу, в пальто и с сумкой на плече. Я успела подумать, что она собралась уходить, и что это очень плохая идея.

— Вы читали? — спросила я.

— Галина Павловна звонила в половине девятого. — Вера Антоновна поправила сумку. — Она мне прочитала. Два раза.

— Вера Антоновна, там про одиннадцать листов.

— Я знаю.

— Откуда автор это знает?

Она посмотрела на меня и ничего не ответила.

— Вера Антоновна. — Я сделала шаг вперёд. — У вас лежит копия?

— Лежит.

— Кому вы её давали?

— Нина, — сказала она. — Я иду на почту. У меня в двенадцать приём корреспонденции, а до почты семьсот метров, и я иду их двадцать минут.

— Не ходите сегодня.

— Почему?

— Потому что внизу люди.

Вера Антоновна усмехнулась — коротко, одним углом рта.

— Нина, — сказала она. — Я в этом доме шестнадцать лет. Люди внизу всегда.

И пошла к лифту.

Я пошла за ней. Я не знаю, что я собиралась делать. Наверное, я думала, что если я буду рядом, будет лучше.

Лучше не стало.

Их было человек двенадцать у второго подъезда и ещё человек пять у первого, и это было не организованное собрание, а то, что бывает само: люди вышли вынести мусор, увидели других людей, остановились.

Вера Антоновна вышла из подъезда и пошла по дорожке.

— Вера Антоновна! — Галина Павловна шагнула ей навстречу. — Можно вас на минуту?

— Не можно, — сказала Вера Антоновна и не остановилась.

— Нам надо поговорить!

— Мне — не надо.

— А нам надо! — Галина пошла рядом с ней. — У меня в ящике лежит бумага, где написано, что у вас копия. Моя фамилия тоже там есть, между прочим, я в этой жалобе упомянута, я её видела!

Вера Антоновна остановилась.

— Вы её не видели, — сказала она.

— Как это не видела?

— Вы не видели жалобу. Вы видели письмо, в котором сказано, что она есть. — Вера Антоновна смотрела на неё в упор. — Это разные вещи, Галина Павловна. Вам шестьдесят четыре года. Пора уже различать.

Двор загудел.

— Ой, вот только не надо меня учить! — Галина Павловна повысила голос. — Мы вас ни в чём не обвиняем, мы хотим спросить по-человечески, а вы нам хамите!

— Я не хамлю. Я иду по своим делам.

— А по-моему, вы хамите!

— Галина, — сказала Валентина Петровна из-за спин. — Галина, не надо, она же старше тебя.

— А при чём тут старше? — Галина обернулась ко двору. — Она старше, поэтому ей можно? Она в пятьдесят седьмой живёт одна, у неё там весь дом в шкафу, а мы все должны делать вид, что это нормально!

— У неё там наши документы! — сказал кто-то из мужчин.

— Наши документы, — повторила Вера Антоновна.

Она сказала это очень тихо, но во дворе стало слышно.

— Да, ваши, — сказала она. — Я их в мешках с помойки вынесла. Восемнадцатый год, контору закрывали, всё стояло у чёрного хода, ветер уже начал разносить по двору. Я наняла грузовое такси за свой счёт и перевезла. Вам это, конечно, неинтересно.

— Так зачем? — спросила Таня из пятьдесят шестой.

— Что «зачем»?

— Зачем вам наши документы?

Вера Антоновна помолчала.

И вот здесь я влезла.

— Потому что вы к ней ходите за справками, — сказала я. — Все вы. Галина Павловна, вы в прошлом году за один вечер получили справку, на которую в архиве уходит три месяца и госпошлина. Вы тогда принесли торт.

Двор повернулся ко мне.

— Нина Андреевна, — сказала Галина Павловна. — А вас вообще никто не спрашивал.

— Спрашивали, — сказала я. — Вы меня вчера ночью спрашивали, откуда я знаю, что у неё нет компьютера.

— Так откуда вы знаете?

— Я у неё была! — Я услышала, как у меня срывается голос, и не смогла его удержать. — Я у неё была пять раз. Я у неё вешала полку. Я с ней пила чай. Она мне в первый день, когда у меня стеллаж застрял в лифте, принесла полотенце.

— Вот и защищаете, — сказала Галина Павловна.

— Да, защищаю!

— А чего вы её защищаете, а не она сама себя? — Галина развела руками в сторону Веры Антоновны. — Она же слова не сказала! Мы её спрашиваем — она молчит!

И весь двор посмотрел на Веру Антоновну.

Она стояла на дорожке с сумкой на плече, в своём пальто, и лицо у неё было совершенно спокойное — то же лицо, что на собрании, когда Шпак задал свой вопрос.

— Хорошо, — сказала она. — Скажу.

Ветер хлопнул железной дверью подвала.

— Я её писала, — сказала Вера Антоновна. — Жалобу. В

двадцать втором году. Одиннадцать листов, шесть пунктов, по пяти инспекция вынесла предписание. Пункт про отчётность по аренде — тот, за который вы сейчас все друг друга едите, — я тогда уже написала. Три года назад.

Двор молчал.

— И копия у меня дома, — сказала она. — Потому что копию составителю всегда оставляют.

— А письма? — спросила Таня из пятьдесят шестой.

— А письма — нет, — сказала Вера Антоновна.

— А чем докажете?

Вера Антоновна очень медленно, не отрывая взгляда от Тани, поправила сумку на плече.

— Ничем, — сказала она. — Мне семьдесят шесть лет, Таня. Я их прожила не для того, чтобы доказывать вам, что я не разношу анонимки.

— Вот! — сказала Галина Павловна торжествующе. — Вот! Вы слышали?

— Слышали, — сказала Лариса.

Она вышла из-за спин, в пуховике нараспашку, видимо, только что выбежала из дома.

— И я скажу, — Лариса встала между Галей и Верой Антоновной, — что мы сейчас делаем что-то очень нехорошее. Мы уже полчаса кричим на пожилого человека во дворе. У неё давления хватит на то, чтобы упасть здесь, и что мы тогда будем говорить?

Двор затих.

— Вера Антоновна, — Лариса повернулась к ней. — Я вам верю. Слышите? Я вам верю.

Вера Антоновна посмотрела на неё.

— Спасибо, Лариса Валерьевна, — сказала она.

— Но я вам честно скажу. — Лариса выдохнула. — Я вас прошу: покажите нам эти одиннадцать листов. Не потому, что я думаю, что вы… не потому. А потому, что неопределённость хуже. Вы же видите, что происходит. Покажите — и всё закончится.

Двор молчал.

— Вы просите меня, — сказала Вера Антоновна, — вынести на всеобщее обозрение документ, в котором написано про Галину Павловну и про Валентину Петровну, чтобы доказать, что я не разношу анонимки.

— Ну не документ целиком, — сказала Лариса. — Хотя бы дату.

Вера Антоновна смотрела на неё долго.

— Нет, — сказала она.

И пошла.

Просто пошла по дорожке, мимо них, мимо меня, к воротам.

— Вера Антоновна! — крикнула Галина ей вслед. — Так и будем жить?

Она не обернулась и не ответила.

Дошла до ворот, вышла на улицу и пошла налево, к почте, прямо, как ходила шестнадцать лет.

Я стояла посреди двора, и на меня никто не смотрел, и это было хуже, чем если бы смотрели.

— Нина, — сказала Лариса тихо, подойдя. — Ты не сердись. Ты не понимаешь.

— Чего я не понимаю?

— Ты здесь месяц. — Она сунула руки в карманы пуховика. — Мы тут живём. Когда в доме что-то случается и человек молчит, тут не верят молчанию. Тут верят только бумаге.

— Значит, надо было давить на неё при всех?

— Надо было дать ей шанс объясниться.

— Она объяснилась. Она сказала, что писала жалобу и не писала письма.

— Ага. — Лариса усмехнулась. — И всё.

— И всё.

— Нин. — Она посмотрела на меня очень устало и очень по-доброму. — Три письма подряд про одного человека. Три. В один день. Ты правда думаешь, что это не про неё?

Я не нашла, что ответить.

Лариса похлопала меня по плечу и пошла к своему подъезду.

Уже у двери крикнула через двор, для всех:

— Всё, расходимся! Хватит! Я в чат напишу, чтобы не начинали!

Дома я сидела на кухне до двух часов.

Я открыла чат. Там было много сообщений, и в них уже не было ни одного прямого слова про Веру Антоновну — все

писали про «эту ситуацию».

И в этих сообщениях, одно за другим, стояло:

Жанна, 41: сообщение удалено

Жанна, 41: сообщение удалено

Жанна, 41: сообщение удалено

Кв.26: сообщение удалено

Три удалённых сообщения от Жанны подряд, между половиной первого и часом.

Я нажала на первое. Приложение показало: «Это сообщение было удалено».

Я встала, подошла к окну и посмотрела во двор.

У второго подъезда раскачивался на ветру фонарь, и по пустой детской площадке ездило синее пятно света.

Окна Жанны были на втором этаже, второе и третье от подъезда. Свет там горел. И в этом свете я увидела силуэт: кто-то стоял у окна, лицом во двор, и не двигался. Так стоят долго, когда не спят и не знают, что делать.

На записи с площадочной камеры должен был быть этот двор. Ночью, сказал Сайко, камера бесполезна.

Но у Жанны окна — прямо над входом. Я это знала с первого дня и даже записала в блокнот, когда мыла посуду после её стрижки.

Я села за стол, открыла блокнот и написала:

«Ж. Знает больше, чем говорит. Меняет показания. Удаляет сообщения. Окна над входом. Долг 180 т. р. — мотив».

Я посмотрела на это минуту.

Потом дописала ниже, потому что честность всё-таки иногда срабатывает:

«Но у неё в окне свет, и она стоит и смотрит. Так не стоят виноватые».

И это была последняя разумная мысль, которая пришла мне в голову за следующие два дня.

Глава 15. Я была уверена

Воскресенье началось с того, что Вера Антоновна не вышла за хлебом.

Я узнала это случайно, от Светы-почтальона, которая принесла в подъезд квитанции и сказала у ниши, ни к кому не обращаясь: «Пятьдесят седьмая газету второй день не вынимает».

Я поднялась и постучала.

Не открыли.

Я постучала ещё и сказала в дверь: «Вера Антоновна, это Нина. Я только спросить, живы ли вы». За дверью было тихо, а потом очень отчётливо щёлкнул замок — не открылся, а закрылся на второй оборот.

Я спустилась вниз и дошла до скамейки у площадки, и села, и просидела там минут двадцать, в куртке, на холодном.

Вот что у меня было в голове.

У меня было: три письма подряд про одного человека; двор, который вчера орал на неё по моей вине тоже, потому что я лезла и делала хуже; участковый, у которого запросы уйдут на той неделе; Гречко, которого нет двенадцатый день; и белая машина у крыльца в полночь.

И у меня было ощущение, которое я тогда приняла за мысль: что всё уже почти сложилось и не хватает одного толчка.

Это самое опасное состояние, какое со мной бывает. Я в нём двадцать лет редактирую хорошо и живу плохо.

Жанна открыла дверь на третий звонок.

В халате, без макияжа, с собранными в хвост волосами. Из квартиры пахло едой и чем-то парикмахерским, химическим.

— Чего? — сказала она.

— Можно войти?

— Нет.

— Жанна.

— Я тебя не звала. — Она держала дверь. — Чего надо?

— Поговорить.

— О чём?

— О среде. О пятнадцатом.

Она смотрела на меня несколько секунд. Потом отступила.

— Разувайся.

Квартира у неё была двухкомнатная и очень обжитая: в коридоре куртки в три слоя, самокат, коробка с обувью. В большой комнате у окна стояло парикмахерское кресло и зеркало на штативе, и половину подоконника занимали бутылки и флаконы. На диване лежала девочка лет четырнадцати с телефоном и не повернулась, когда мы вошли.

— Сонь, уйди в комнату.

— Я тут лежу.

— Сонька.

Девочка встала, забрала плед и ушла, громко закрыв дверь.

Жанна села в парикмахерское кресло — машинально, как садятся в своё, — и показала мне на стул.

— Ну?

— Жанна, ты была дома в ночь на шестнадцатое?

— Была.

— Ты слышала что-нибудь?

— Нет.

Она ответила мгновенно. Не подумав, не вспомнив, не переспросив «а что?». Просто «нет».

Я, честно говоря, ждала этого. Но услышать всё равно было неприятно.

— У тебя окна над входом, — сказала я.

— И что?

— Около полуночи у подъезда стояла машина с заведённым двигателем. Белая. Её видел Руслан.

— Ну и видел.

— Жанна, ты её не слышала?

— Нет.

— Двигатель работал минут пятнадцать прямо у тебя под окнами.

— Я спала! — Она повысила голос. — Я в двенадцать ночи сплю, у меня в семь Мишку в школу поднимать!

— А в чате ты в ноль пятнадцать писала.

Я сказала это и сама услышала, как это прозвучало.

Жанна замерла.

— Чего?

— В ночь на шестнадцатое ты в чате написала в ноль пятнадцать. Про мусоропровод. — Я достала телефон. — Я проверяла.

— Ты. — Она медленно выпрямилась в кресле. — Ты проверяла, во сколько я писала в чате?

— Да.

— Ты в своём уме?

— Жанна, человека нет двенадцатый день.

— И что?! — Она встала. — И что, Нина? Ты теперь ходишь и смотришь, кто во сколько что писал? Ты кто вообще?

— Я соседка.

— Ты соседка месяц!

Это была третья или четвёртая неделя, когда мне говорили эту фразу, и я к ней уже притерпелась, но в тот раз она попала куда надо.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда я спрошу прямо.

— Спрашивай.

— Ты брала у Гречко сто восемьдесят тысяч?

Жанна посмотрела на дверь комнаты, за которой сидела Сонька.

— Тише, — сказала она.

— Брала?

— Тише, я сказала!

Она прошла мимо меня, открыла дверь на кухню и кив-

нула. Мы перешли туда, и она закрыла дверь плотно.

На кухне она села за стол и закурила — в форточку, отвернувшись.

— Брала, — сказала она.

У меня внутри что-то щёлкнуло. Я до сих пор помню это ощущение абсолютно отчётливо: не торжество, а именно щелчок, как когда последняя деталь встаёт на место.

Это и была моя ошибка. Весь её механизм — в этом щелчке.

— Отдала?

— Нет.

— Сколько прошло?

— С июля.

— Он просил вернуть?

— Просил. — Она стряхнула пепел. — В сентябре просил. И в октябре.

— Когда в октябре?

— Числа десятого. Может, двенадцатого.

— А пятнадцатого?

Жанна повернулась.

— Нина, — сказала она. — Ты меня сейчас допрашиваешь?

— Я тебя спрашиваю.

— Нет, ты меня допрашиваешь. — Она затушила сигарету о блюдце. — Ты пришла ко мне домой, выгнала мою дочь из комнаты и спрашиваешь, не убила ли я человека из-за ста

восьмидесяти тысяч.

— Я этого не говорила.

— Ты это спрашиваешь уже двадцать минут! — Она встала. — Пошла вон из моей квартиры.

— Жанна.

— Пошла вон.

Я ушла.

Я ушла, и мне казалось, что я победила.

Вот это самое главное, что я должна здесь написать, и это самое стыдное. Я вышла на лестницу, и у меня стучало в висках, и я чувствовала себя не жестокой, а точной. У меня было полное, тёплое ощущение, что я наконец делаю правильно: я не оправдываюсь, я не мягкая, я не удобная. Я делаю то, что должна.

Я спустилась во двор и увидела у подъезда людей.

Там стояли Галина Павловна, Валентина Петровна, Таня из пятьдесят шестой, женщина из двадцать шестой, которую я знала только по чату, и ещё двое мужчин. И Лариса — она разговаривала с Азаматом возле мусорных баков.

И я пошла к ним.

Я до сих пор не могу внятно объяснить, зачем. Самое близкое к правде: я хотела перевести удар. Я два дня смотрела, как двенадцать человек травят семидесятишестилетнюю женщину, и у меня было то, чем их можно было отвлечь.

Нет. Это тоже красивее, чем было.

Я хотела оказаться права при всех.

— Галина Павловна, — сказала я. — Можно вас?

— Да?

— Не только вас. Всех.

Они повернулись.

— Я была у Жанны Коваль, — сказала я.

И рассказала.

Я говорила минуты три и говорила хорошо. Я построила это ровно так, как были построены письма: факты встык, без связок, без обвинений.

Я сказала: Жанна подтвердила, что взяла у Гречко сто восемьдесят тысяч в июле. Сказала: не вернула. Сказала: он просил вернуть в сентябре и в октябре, последний раз около десятого-двенадцатого. Сказала: в ночь на шестнадцатое у второго подъезда около полуночи стояла белая машина с заведённым двигателем, это видел Таиров. Сказала: Жанна утверждает, что спала, хотя в чате писала в ноль пятнадцать.

И закончила так:

— Я ни в чём её не обвиняю. Я просто считаю, что с этим надо идти к участковому, а не кричать на человека, у которого нет компьютера.

Двор молчал ровно две секунды.

Потом Галина Павловна сказала:

— Я так и знала.

И всё.

Дальше я ничего не контролировала.

Через сорок минут в чате было восемьдесят сообщений.

Через час — сто сорок. Кто-то выложил скриншот её сообщения от ноля пятнадцати. Кто-то написал: «а помните, она в июле новый холодильник привезла». Кто-то вспомнил, что в августе Жанна занимала у неё две тысячи до зарплаты. Женщина из двадцать шестой написала, что отменяет запись на стрижку, «пока всё не выяснится», и это сообщение собрало одиннадцать сердечек.

Лариса удалила половину. Написала: «Прекратите немедленно. Я буду выводить из чата». Вывела двоих.

Это не помогло, потому что всё уже перетекло в «Актив дома», куда Лариса не входила.

В шесть вечера Жанна написала в основной чат одно сообщение:

Жанна, 41: Да, я брала у Павла Семёновича 180 тысяч. Да, не отдала. Нет, я ничего ему не сделала. Можете меня судить.

И через минуту:

Жанна, 41: Нина Андреевна из 60 — спасибо вам большое.

Я сидела на кухне и смотрела на эти две строки.

В семь ко мне постучали.

Я открыла, думая, что это Жанна.

Это была Сонька.

Она стояла на площадке в куртке поверх домашнего, с телефоном в руке, и у неё было белое злое лицо четырнадцатилетнего человека, который пришёл говорить со взрослым

и боится.

— Вы Нина? — спросила она.

— Я.

Она сунула мне телефон экраном вперёд.

— Вот, — сказала она. — Читайте.

На экране был школьный чат. Я успела прочитать три сообщения.

«Соня а правда что твоя мать деда убила»

«ахахах»

«мне мама сказала не ходить к вам»

— Соня...

— Не надо. — Она забрала телефон. — Я не разговаривать пришла.

— А зачем?

— Чтобы вы знали, — сказала она. — Вот и всё. Чтобы вы знали, что вы сделали.

Она уже повернулась, но остановилась и сказала, глядя в пол:

— Мама говорит, что вы не специально.

Я открыла рот.

— Я вам всё равно не прощу, — сказала Сонька.

И пошла вниз пешком, не вызывая лифт.

Я закрыла дверь и села на пол в прихожей.

Я просидела там до темноты, и у меня в голове крутилось одно: «я ни в чём её не обвиняю». Я действительно так сказала. Я действительно построила фразу так, чтобы в ней не

было обвинения.

И я действительно сделала ровно то же, что делал автор писем, — только устно, во дворе, при семерых свидетелях, и с указанием имени.

В девять вечера я позвонила Сайко.

— Денис Валерьевич, я, кажется, сделала очень плохую вещь.

Он выслушал. Молча, не перебивая, до конца.

— Так, — сказал он. — Теперь по порядку. Вы ей угрожали?

— Нет.

— Вы её обвиняли публично в совершении преступления?

— Я изложила факты.

— Нина Андреевна. — Он помолчал. — Я не про юридическую сторону спрашиваю. С юридической вы чисты, к сожалению.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что тогда бы вы отвечали по закону, а не как сейчас.

Я молчала.

— Ладно, — сказал Сайко устало. — По существу. Про белую машину я знаю, с Таировым говорил в пятницу, он всё повторил. Про деньги — это важная информация, спасибо, хотя лучше бы вы её принесли мне, а не во двор.

— Я понимаю.

— Коваль я вызову на завтра, поговорю. — Он сделал паузу. — И, Нина Андреевна, я вам сейчас скажу то, чего говорить не должен, но вы, по-моему, уже достаточно наказаны.

— Говорите.

— Я проверил её ещё на той неделе, — сказал Сайко. — По своей инициативе, потому что про долг я знал из письма. В ночь на шестнадцатое её телефон всю ночь был дома. Он вообще никуда не перемещался с десяти вечера до восьми утра.

Я закрыла глаза.

— Это не доказывает, что она не выходила из квартиры, — сказал он. — Телефон можно оставить. Но это и не улика. У нас на неё ничего нет, кроме долга, который она признаёт сама.

— Я поняла.

— Вы не поняли, — сказал он. — Вы сейчас думаете, как вам стыдно. А вам надо думать о другом.

— О чём?

— О том, почему вы были так уверены.

Он положил трубку.

В половине десятого позвонили в дверь.

Я подумала, что это опять Сонька. Или Жанна. Или кто угодно.

На площадке стояла Вера Антоновна.

В домашнем, в кофте, с сумкой — хозяйственной, матерчатой, из которой торчал угол чего-то твёрдого.

— Вы меня впустите? — сказала она.

Я отступила от двери.

Она вошла, разулась, прошла на кухню и села за стол, не снимая кофты.

Потом поставила сумку на колени, вынула оттуда папку и положила её на стол передо мной.

Синяя. Картонная. На резинках, две из четырёх лопнули. Углы обтрёпаны. Поперёк, печатными буквами, синей пастой, с нажимом:

К СОБРАНИЮ 18.10. ВОПРОС 4.

Я смотрела на неё и не могла поднять руку.

— Вера Антоновна, — сказала я. — Что это?

— Это Павла Семёновича, — сказала она. — Он мне её отдал.

— Когда?

— В ночь на четверг. — Она сложила руки на столе. — Шестнадцатого октября, в тридцать пять минут первого. Он пришёл ко мне, отдал папку и взял с меня слово, что я буду молчать до субботы.

Я села.

— Двенадцать дней, — сказала я.

— Двенадцать дней.

— Вы знали.

— Я знала, что он ушёл сам и что он живой, — сказала Вера Антоновна. — Про остальное я не знала ничего.

— Почему вы молчали?

— Потому что дала слово. — Она сказала это без всякого вызова, очень просто. — И потому, что считала, что, если папка всплывёт раньше времени, у него не останется ничего.

Я смотрела на папку.

— Вчера вы стояли во дворе, и вам кричали в лицо, — сказала я. — И вы молчали.

— Молчала.

— Почему вы пришли сегодня?

Вера Антоновна посмотрела на меня.

— Потому что сегодня вы при всём дворе рассказали про Жанну Коваль, — сказала она. — И у неё дочь в школе.

Я не выдержала её взгляда и опустила глаза.

— Я не ради вас пришла, Нина, — сказала она. — Я вам это говорю прямо, чтобы потом не было недоразумений. Я пришла потому, что из-за моего молчания вы влезли туда, куда не надо было, и пострадал человек, который вообще ни при чём.

— Это я влезла.

— Это мы обе, — сказала Вера Антоновна. — Я молчала, вы бежали. Из этого всегда получается одно и то же.

Она пододвинула папку ко мне.

— Открывайте, — сказала она. — Только чай сначала поставьте. Это надолго.

Глава 16. Папка

Чайник я поставила, но мы его не выпили — он остыл, потом я его кипятила снова, и он опять остыл.

Папка открывалась неудобно: две резинки лопнули, и чтобы она не разъезжалась, её надо было держать рукой. Вера Антоновна сходила к себе и принесла бельевую резинку и ножницы, и мы заменили порванные, прежде чем начали смотреть. Это заняло десять минут, и эти десять минут были нужны мне, чтобы перестать трястись.

Внутри было четыре отделения, и в каждом — бумаги, разложенные по порядку, с рукописными карточками-разделителями. Карточки были из разрезанных пополам картонных папок, подписаны печатными буквами: «ДОГОВОРЫ», «АКТЫ», «ВЫПИСКА», «МОЁ».

— Он всегда так делал, — сказала Вера Антоновна. — С линейкой и ножницами.

Мы начали с первого.

«ДОГОВОРЫ»

Там лежало четыре договора, каждый с приложениями и каждый — на размещение оборудования на крыше и фасаде.

Первый: интернет-провайдер, региональный, договор от двадцатого года, продлевается автоматически. Плата — четыре тысячи шестьсот рублей в месяц.

Второй: другой провайдер, девятнадцатый год, три тыся-

чи двести в месяц.

Третий: оператор сотовой связи, базовая станция на крыше, договор двадцать первого года, девятнадцать тысяч в месяц.

Четвёртый: рекламная конструкция на торцевой стене, ООО с невыразительным названием, которое я забыла через минуту, одиннадцать тысяч в месяц.

Я посчитала на телефоне.

— Тридцать семь тысяч восемьсот в месяц, — сказала я.

— Четыреста пятьдесят три тысячи шестьсот в год, — сказала Вера Антоновна, не глядя. — Я уже считала.

Все четыре договора были подписаны от имени собственников председателем совета дома. На трёх — подпись Гречко. На одном, самом старом, — его предшественника, какого-то Нечаева.

Платежи по всем четырём шли, согласно условиям, на специальный счёт дома, открытый в банке на основании решения общего собрания от двадцать первого года.

— Пока всё нормально, — сказала я.

— Пока да.

«ВЫПИСКА»

Это было самое толстое отделение. Выписка по специальному счёту дома за три года, распечатанная на листах с мелкими строчками, с отметкой банка на последней странице и подписью.

Триста с чем-то операций.

Мы разложили листы на столе и на подоконнике, потому что на столе не хватило места.

Поступления были двух видов. Первое — взносы собственников на капитальный ремонт, сто восемь строк каждый месяц, суммы маленькие, от четырёхсот до тысячи двухсот рублей. Второе — платежи от тех самых четырёх контрагентов.

Вера Антоновна взяла карандаш и стала помечать галочками.

— Так, — сказала она. — Сотовая связь. Девятнадцать тысяч. Январь двадцать третьего — есть. Февраль — есть. Март — есть.

Она шла по строчкам сверху вниз, и я отмечала у себя в блокноте.

Все платежи были на месте. Все четыре контрагента, тридцать шесть месяцев, ни одного пропуска.

Я откинулась на стуле.

— Вера Антоновна, здесь всё приходит.

— Приходит.

— Тогда в чём нестыковка?

— В расходах, — сказала она.

«АКТЫ»

Вот это было то, из-за чего всё.

В третьем отделении лежали акты выполненных работ. Двадцать три штуки, с двадцать третьего года по сентябрь двадцать пятого.

Все на одном бланке. Все от одного исполнителя — индивидуальный предприниматель, фамилия Воронцов, ИНН, расчётный счёт.

Работы были разные и мелкие: «обслуживание и регламентная проверка оборудования связи, размещённого на кровле», «проверка состояния кабельных трасс», «обследование узлов крепления рекламной конструкции», «работы по обеспечению доступа к оборудованию», «текущее обслуживание слаботочных систем».

Суммы — от восемнадцати до пятидесяти четырёх тысяч.

Каждый акт подписан двумя подписями. Первая — ИП Воронцов, с печатью. Вторая — председатель совета дома П.С. Гречко.

Я взяла калькулятор.

— Сколько? — спросила Вера Антоновна.

— Семьсот четырнадцать тысяч, — сказала я. — За тридцать три месяца.

Вера Антоновна сняла очки и положила их на стол.

— А теперь, — сказала она, — возьмите выписку и найдите в ней хоть один платёж Воронцову.

Я искала двадцать минут.

Их было. Все. Двадцать три списания, точно по датам актов, точно по суммам, с указанием назначения платежа и номера акта.

— Они есть, — сказала я.

— Есть, — сказала Вера Антоновна.

— Тогда я не понимаю.

— Я тоже не понимала, — сказала она. — Пока не открыла четвёртое.

«МОЁ»

Там было пять листов, написанных от руки. Тем же синим стержнем, печатными буквами, с нажимом.

Я узнала этот почерк с первой строчки, и у меня зашлось сердце: это был тот же почерк, что на объявлении про собрание, которое я прочитала в первый вечер в холле.

Я положила листы перед собой и прочитала вслух, потому что иначе не смогла бы.

«ЗАПИСКА ДЛЯ СЕБЯ. 12 ОКТЯБРЯ 2025 Г.

Я, ГРЕЧКО ПАВЕЛ СЕМЁНОВИЧ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ДОМА, ИЗЛАГАЮ ПО ПОРЯДКУ, ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ И ЧТОБЫ БЫЛО НА БУМАГЕ.

В АВГУСТЕ Я ЗАПРОСИЛ У БАНКА ВЫПИСКУ ПО СПЕЦСЧЁТУ ЗА ТРИ ГОДА. РАНЬШЕ Я ЕЁ НЕ ЗАПРАШИВАЛ, ПОЛЬЗОВАЛСЯ СВОДКАМИ, КОТОРЫЕ МНЕ РАСПЕЧАТЫВАЛИ.

ПОСТУПЛЕНИЯ ПО АРЕНДЕ ВСЕ НА МЕСТЕ. СПИСАНИЯ ПО АКТАМ ВСЕ НА МЕСТЕ.

Я СТАЛ СМОТРЕТЬ АКТЫ. АКТОВ 23. Я ПОДПИСАЛ ВСЕ 23. НА 9 ИЗ НИХ МОЯ ПОДПИСЬ ПОДЛИННАЯ, Я ИХ ПОМНЮ. НА 14 ПОДПИСЬ ПОХОЖА НА МОЮ, НО Я ЭТИХ АКТОВ НЕ ПОМНЮ.

Я НАПИСАЛ ВОРОНЦОВУ НА АДРЕС, КОТО-

РЫЙ В ДОГОВОРЕ. ПИСЬМО ВЕРНУЛОСЬ. АДРЕСАТ ПО АДРЕСУ НЕ ЗНАЧИТСЯ.

Я ПОСМОТРЕЛ ВОРОНЦОВА В РЕЕСТРЕ ИП. ЗАРЕГИСТРИРОВАН 11.01.2023. ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — ПРОЧИЕ УСЛУГИ. АДРЕС — Г. ЯРОСЛАВЛЬ, УЛ. ИНЖЕНЕРА КОЛЬЦОВА, Д. 9.

ЭТО НАШ ДОМ.

Я ПРОВЕРИЛ ПО ДОМОВЫМ ДАННЫМ. ВОРОНЦОВ АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ В НАШЕМ ДОМЕ НЕ ПРОЖИВАЕТ И НЕ ПРОЖИВАЛ. НИ В ОДНОЙ КВАРТИРЕ.

ЗНАЧИТ, ИП ОФОРМЛЕН НА ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ДАЛ ПАСПОРТ. АДРЕС ВПИСАН НАШ, ПОТОМУ ЧТО ТОТ, КТО ОФОРМЛЯЛ, ДИКТОВАЛ ПО ПАМЯТИ СВОЙ.

РАБОТЫ ПО 14 АКТАМ НЕ ПРОИЗВОДИЛИСЬ. Я БЫЛ НА КРОВЛЕ 4 РАЗА ЗА ДВА ГОДА, ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В ИЮНЕ. УЗЛЫ КРЕПЛЕНИЯ БАННЕРА НИКТО НЕ ОБСЛЕДОВАЛ, ТАМ РЖАВЧИНА КАК БЫЛА.

СУММА ПО 14 АКТАМ — 468 400 РУБ.

11. В БАНК-КЛИЕНТ Я САМ НЕ ЗАХОДИЛ НИ РАЗУ. ВСЕ ОПЕРАЦИИ ДЕЛАЛИСЬ ПРИ МНЕ С МОИМ ЛОГИНОМ. ПАРОЛЬ ЗНАЕМ ДВОЕ.

ДВОЕ — ЭТО Я И ЕЩЁ ОДИН ЧЕЛОВЕК.

ФАМИЛИЮ НЕ ПИШУ. ЕСЛИ Я ЕЁ НАПИШУ, А

ПОТОМ ОКАЖЕТСЯ, ЧТО Я ОШИБСЯ, — ЭТА БУМАГА ОСТАНЕТСЯ. БУМАГА ВСЕГДА ОСТАЁТСЯ, ЭТО Я ЗА СОРОК ЛЕТ УСВОИЛ.

Я ЗНАЮ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА ВОСЕМЬ ЛЕТ. ОН ПОМОГАЛ МНЕ ВСЁ ЭТО ВРЕМЯ БЕСПЛАТНО. Я БЕЗ НЕГО НЕ СПРАВИЛСЯ БЫ.

ВОЗМОЖНО, ЕСТЬ ОБЪЯСНЕНИЕ. ВОЗМОЖНО, Я ЧЕГО-ТО НЕ ПОНИМАЮ В БАНКОВСКИХ ДЕЛАХ.

ПОЭТОМУ Я СНАЧАЛА СПРОШУ САМ. НЕ НА СОБРАНИИ. НАЕДИНЕ.

ЕСЛИ ОБЪЯСНИТ — Я ИЗВИНЮСЬ ПРИ ЛЮДЯХ.

ЕСЛИ НЕТ — Я СКАЖУ НА СОБРАНИИ 18.10 САМ. ПОТОМУ ЧТО НА 23 АКТАХ СТОИТ МОЯ ПОДПИСЬ И ОТВЕЧАТЬ БУДУ Я.

СОБРАНИЕ ДОЛЖНО УЗНАТЬ ОТ МЕНЯ, А НЕ ИЗ БУМАЖКИ.»

Я положила листы.

— Он не назвал, — сказала я.

— Не назвал, — сказала Вера Антоновна.

— Вера Антоновна, он написал «человек» и «он». Это значит мужчина?

— Это ничего не значит. — Она покачала головой. — По-русски «человек» всегда «он». Я сорок пять лет писала «работник не явился» про женщин.

Я смотрела на тринадцатый пункт.

«ЕСЛИ Я ЕЁ НАПИШУ, А ПОТОМ ОКАЖЕТСЯ, ЧТО Я ОШИБСЯ».

— Он боялся ошибиться, — сказала я.

— Он боялся испортить человеку жизнь бумагой, — сказала Вера Антоновна. — Это, Нина, редкое качество. В нашем доме за последнюю неделю его никто не проявил.

Я встала и прошла по кухне до окна и обратно.

— Вера Антоновна. Кто в доме помогал ему с документами восемь лет?

Она не ответила.

— Вера Антоновна.

— Нина, — сказала она. — Я вам не буду подсказывать.

— Почему?

— Потому что я двенадцать дней сидела с этой папкой и сама себе подсказывала, — сказала она. — И теперь я не могу отличить, что я прочитала, а что додумала. Я вам этого в голову не положу.

Я села.

— Дёмина, — сказала я.

Вера Антоновна молчала.

— Восемь лет. Бесплатно. Пульты, квитанции, собрания, зелёная папка с отчётом. — Я говорила медленно, потому что мне было нехорошо. — И она сама мне в первый же вечер сказала: «Я всё скриню». Человек, который ведёт документооборот дома с чужого логина.

— Это может быть она, — сказала Вера Антоновна.

— Это она.

— Нина. — Она посмотрела на меня. — Я сказала «может быть». Вы сказали «это она». Между этими двумя фразами лежит ровно то, из-за чего в субботу во дворе кричали на меня.

Я замолчала.

— Четыреста шестьдесят восемь тысяч, — сказала я через минуту. — Вера Антоновна, у неё сын в Иванове, на платном.

— У половины дома дети на платном, — сказала Вера Антоновна. — У Тани из пятьдесят шестой дочь в Костроме. У Кузнецовых двое.

— У Кузнецовых нет пароля от банк-клиента.

— Нет, — согласилась она. — Пароля нет.

Мы сидели и смотрели на листы.

— Расскажите, — сказала я. — С самого начала. Как он пришёл.

Вера Антоновна помолчала, собираясь.

— В среду вечером я слышала разговор, — сказала она. — Около полуночи, во дворе под окнами. Два голоса. Я не разобрала слов, я слышала только, что женщина говорила быстро и много, а он отвечал коротко.

— Я тоже слышала.

— Я знаю, — сказала она. — Весь подъезд слышал, кто не спал.

Она положила руки на стол.

— А в тридцать пять минут первого он позвонил в мою дверь, — сказала она. — Я не спала. Я ему открыла.

— Как он выглядел?

— Плохо. — Она сказала это ровно. — У него было белое лицо и мокрый воротник, не от дождя, дождя не было. Он сказал: Вера Антоновна, извините, что ночью. Я сказала: заходите. Он не зашёл.

— Не зашёл?

— Нет. Он стоял на коврике и держал эту папку. — Она показала глазами. — И сказал: Вера Антоновна, возьмите на хранение. До субботы. В субботу я приду и возьму обратно.

— А вы?

— А я спросила, что в ней.

— И что он?

— Он сказал: там всё, что я нашёл. И ещё сказал: я сейчас поеду к дочери в Москву, потому что мне надо два дня ни с кем не разговаривать, иначе я сорвусь и наговорю лишнего.

— А к Алине он поехал?

— Не знаю, — сказала Вера Антоновна. — Он сказал «поеду».

Я села.

— Вера Антоновна, он объяснил вам, кто?

— Нет, — сказала она. — Он не назвал ни одной фамилии вслух. Я спросила — он сказал: «Прочитаете, если я не приду».

— А вы прочитали.

— В субботу вечером. — Она посмотрела на меня. — Он не пришёл, собрание не состоялось, и я вечером села и прочитала.

— И всё поняли.

— И всё поняла.

Я молчала.

— Почему вы не пошли в полицию? — спросила я наконец. — В субботу. Девятнадцать дней назад. Вы же всё держали в руках.

Вера Антоновна выпрямилась.

— Теперь я вам скажу то, за что вы меня будете осуждать, — сказала она. — И я заранее соглашаюсь, что вы будете правы.

— Говорите.

— Первое. — Она подняла палец. — Я дала слово. Он сказал «до субботы», потом он не пришёл, и слово формально кончилось. Но я его не для формы давала.

— Это не причина.

— Это не вся причина. — Она опустила руку. — Второе. В пятницу в доме появились письма, и в одном из них была я. И в субботу Шпак во дворе спросил, кто в доме умеет писать документы, и шестьдесят человек подумали про меня.

Я поняла и закрыла глаза.

— Если бы в субботу вечером я пришла в полицию с папкой Гречко, — сказала Вера Антоновна, — как бы это вы-

глядело?

Я не ответила.

— Как бы это выглядело, Нина?

— Как будто вы её взяли у него, — сказала я.

— Как будто я её взяла, — повторила она. — У человека, которого двенадцать дней никто не видел. В ту же ночь, когда его видели последний раз. Единственный свидетель моего разговора с ним — я сама.

— Но вы не брали.

— Я не брала, — сказала она. — Но доказать это я могу только своим словом. А моё слово в этом доме, как вы вчера видели, стоит недорого.

Я сидела, опустив голову.

— И третье, — сказала Вера Антоновна. — Самое плохое.

— Что?

— Я надеялась, что он вернётся. — Она сказала это и чуть отвернулась к окну. — Каждый день. Я вставала и думала: сегодня он придёт, возьмёт папку и сам со всем разберётся, и мне не надо будет ничего делать. Он взрослый мужчина, это его дом и его должность, и это не моё дело.

— Двенадцать дней.

— Двенадцать дней я ждала, что кто-нибудь другой сделает мою работу, — сказала она. — Вот и всё, Нина. Никакой доблести. Я боялась и ждала.

Мы долго молчали.

Потом я сказала:

— А я два дня бегала по двору и вчера сдала Жанну Коваль всему дому.

— Да, — сказала Вера Антоновна. — И это тоже правда.

— Мы обе хороши.

— Нет, — сказала она. — Это разные вещи, и не надо их складывать в одну. Я молчала и навредила вам. Вы говорили и навредили ей. Из моего молчания ваша ошибка выросла, это так, но она ваша.

— Вера Антоновна...

— Нина, — сказала она. — Я не для того к вам пришла, чтобы мы друг друга утешали. Мы обе напортили. Теперь надо исправлять, и у нас на это, по-моему, очень мало времени.

Я подняла голову.

— Почему мало?

Вера Антоновна показала на папку.

— Потому что человека, который это сделал, двенадцать дней никто ни в чём не подозревал, — сказала она. — И двенадцать дней он сидел тихо и смотрел, как весь дом грызёт меня и Жанну Коваль. А вчера вы во дворе сказали, что надо идти к участковому. И сегодня утром я, пожилая женщина без компьютера, принесла вам папку.

Я смотрела на неё.

— Он не знает, что у меня папка, — сказала Вера Антоновна. — Пока не знает. Но он знает, что вы ходите по дому и задаёте вопросы.

Я встала, подошла к окну и посмотрела во двор.

Было без двадцати двенадцать. Фонари горели, двор был пустой.

У первого подъезда на своём месте, передом к выезду, стоял белый «Поло».

Я смотрела на него и вспоминала, как записывала в блокнот список белых машин, и как прошла эту строчку карандашом не задержавшись.

— Вера Антоновна, — сказала я, не оборачиваясь. — Нам надо решить, что делать, прямо сейчас.

— Надо, — сказала она. — Только сначала сделайте одну вещь.

— Какую?

— Сфотографируйте всё, — сказала Вера Антоновна. — Каждый лист. Двадцать три акта, выписку, пять листов его записки. И отправьте куда-нибудь, где это будет лежать не у вас дома.

Я обернулась.

— Вы думаете...

— Я думаю, — сказала она, — что бумага существует в одном экземпляре, а это неправильно. Я сорок пять лет работала с документами, Нина. Единственный экземпляр — это не документ. Это заложник.

Глава 17. Копии

Фотографировали мы до двух часов ночи.

Я расчистила стол, положила сверху чистый лист белой бумаги как фон, поставила настольную лампу так, чтобы не давала блика, и Вера Антоновна подавала мне листы по одному, в порядке, а я снимала. Сначала я снимала просто, потом сообразила, что надо, чтобы в кадр попадал край стола — для масштаба и чтобы видно было, что это съёмка документа, а не картинка из интернета.

— Вы делали такое раньше? — спросила она.

— Я сверяла гранки. Это похоже.

На каждый лист уходило по две-три попытки. Двадцать три акта, сорок один лист выписки, четыре договора с приложениями, пять листов записки. Семьдесят восемь кадров.

Потом я проверила каждый — читается ли текст, видно ли подписи, не смазано ли.

Четыре пришлось переснять.

— Теперь куда? — спросила Вера Антоновна.

— В три места.

Я открыла ноутбук.

Первое — облако, мой рабочий диск, где лежат рукописи. Я создала папку, загрузила всё, поставила доступ по ссылке только для чтения.

Второе — на почту. Я отправила письмо сама себе, вто-

рым адресом, тем, которым пользуюсь для архива, и вложила архив целиком. Семьдесят восемь файлов, сто двенадцать мегабайт, грузилось десять минут.

Третье — я подумала и отправила ссылку Льву Борисовичу.

— Это кто? — спросила Вера Антоновна.

— Автор, которого я редактирую. Шестьдесят девять лет, хирург в отставке, живёт в Ростове.

— А он надёжный?

— Он работает только с распечатками и не доверяет электронной почте, — сказала я. — Он мне в прошлом месяце звонил спросить, почему файл называется «финал-2», если он финал.

Вера Антоновна одобрительно хмыкнула.

Я написала ему короткое письмо: «Лев Борисович, доброй ночи. Я знаю, что это странно. В письме ссылка на папку с документами. Не открывайте и никому не показывайте. Если я не напишу вам в течение трёх дней — позвоните и спросите. Если не отвечу — откройте и передайте в полицию. Нина».

Отправила.

Потом посмотрела на это письмо и подумала, что звучу как сумасшедшая.

Лев Борисович ответил в двадцать минут третьего:

«Нина Андреевна. Я не понял ничего, но ссылку сохранил и не открывал. Три дня — считаю с сегодняшнего. Если

нужно приехать — скажите, у меня есть машина и я вожу лучше, чем вы думаете. Л.Б.»

Я показала экран Вере Антоновне. Она прочитала и сказала:

— Хороший старик.

— Он не старик, ему шестьдесят девять.

— Это одно и то же, Нина, не обманывайтесь.

В три мы допили чай.

Сама папка лежала на столе между нами, и было понятно, что надо решить, куда её девать.

— У меня нельзя, — сказала Вера Антоновна. — Я двенадцать дней её держала, и если завтра всё закрутится, первый вопрос будет ко мне. Пусть лежит там, где её не ждут.

— У меня тоже плохо, — сказала я. — Про меня уже весь дом знает, что я хожу и спрашиваю.

Мы помолчали.

— Шпак, — сказала я.

Вера Антоновна посмотрела на меня.

— Вы серьёзно?

— Вера Антоновна, он вас во дворе фактически назначил виноватой.

— Поэтому я и спрашиваю.

— Он въедливый, одинокий и честный, — сказала я. — Он юрист. Он понимает, что такое сохранность документа. И у него нет никакой заинтересованности в этих деньгах, потому что он семь лет воюет с управляющей компанией и в

совете дома не состоит.

— Это аргумент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.